

# СМОТРИ МОИМИ ГЛАЗАМИ

---

Сборник произведений участников  
Воронежского областного совещания  
молодых литераторов 2022 года

Воронеж  
2022

УДК 821.161.1(470.324)(08)

ББК 84(2Рос-4Вор)6я43

С 51

**СМОТРИ МОИМИ ГЛАЗАМИ;** – АО «Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова», 2022. – 224 с.

*Руководитель издательского проекта*

*И.А. Щелоков.*

*Составители:*

*Ю.М. Кургузов, В.Д. Люты́й*

*Редактор Ю.М. Кургузов*

*В книге представлены произведения поэзии и прозы участников областного совещания молодых литераторов, которое было подготовлено и проведено Воронежским региональным отделением Союза писателей России 26-27 мая 2022 года. Благодаря сборнику «Смотри моими глазами» у читателя появляется возможность познакомиться с будущим поколением воронежских писателей, чей взгляд на окружающий мир открывает новые горизонты чувств и представлений.*

ISBN 978-5-4420-0999-6

© ГБУК ВО «Журнал «Подъём»

## ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

---

Во вступительном слове к сборнику поэзии и прозы начинающих воронежских авторов «Дыхание надежды и весны», вышедшему после областного совещания молодых литераторов 2010 года, руководитель проекта Евгений Новичихин написал:

«Осенью 2007 года, когда правление Воронежского отделения Союза писателей России намечало пути выхода из разрушающей организацию безвременья, мы первым делом обратили внимание на то, что у нас полностью утрачена связь с творческой молодежью. И уже в апреле 2008-го, после почти двадцатилетнего перерыва, было проведено областное совещание молодых литераторов. Некоторые критики назвали его тогда первой вехой на пути возрождения Воронежа как литературной столицы Черноземья...»

Впоследствии, кроме упомянутого уже совещания 2010 года, таковые состоялись в 2013-м и 2016-м; по их итогам вышли сборники «Рождение Слова» и «Быть настоящим». Однако после совещания 2018 года, в связи с ковидными ограничениями, наступил, увы, вынужденный перерыв.

И, наконец, 26-27 мая 2022 года в Воронежской областной юношеской библиотеке им. В.М.Кубанёва состоялось долгожданное, уже шестое в новом столетии совещание молодых прозаиков и поэтов. Традиционно два семинара – поэзии и прозы, живое и заинтересованное обсуждение произведений, творческое общение с руководителями семинаров и ровесниками-собратьями по перу.

И вот, уважаемые друзья, вы держите сейчас в руках новый сборник стихов и прозы талантливых молодых писателей и поэтов «Смотри моими глазами». Писателей и поэтов разных, каждый со своим видением мира, художественным почерком, изобразительными средствами и приемами. От всей души надеемся, что их творчество – творчество во многом уже настоящего и, несомненно, будущего воронежской литературы – вызовет искренний интерес самого широкого круга читателей.

The image features a minimalist, abstract design. A central horizontal grey rectangle contains the word "ПОЭЗИЯ" in white, uppercase Cyrillic letters. The word is centered within the rectangle. Surrounding this central element are several vertical black lines of varying heights and positions, extending both above and below the grey rectangle. The lines are scattered across the white background, creating a rhythmic, vertical pattern. The overall composition is balanced and modern, with a focus on geometric forms and negative space.

ПОЭЗИЯ

## **ЮЛИЯ БОГДАНОВА**

*28 лет, окончила филологический факультет Воронежского государственного университета, г. Воронеж*

---

### **КАК ЭТО ВАЖНО – СВОЙ ДОМ ЛЮБИТЬ**

Как это важно – свой дом любить...  
Любой, самый старьй, совсем не крепкий.  
Как важно уметь в нем счастливой быть  
В часы опадающих листьев с ветки...

Любить не за то, что он твой, «замечтанный».  
Любить просто так, горячо и искренне.  
За то, что стены его отмечены  
Твоими взглядами, твоими встречами...

За то, что делит с тобой все радости.  
За то, что прячет тебя уставшую.  
За то, что в мудрой, глубокой старости  
Он будет помнить тебя, как «младшую»...

Не важно, сменится он – останется.  
Не важно, будет стеной или улицей.  
Твой дом в твоей же душе окажется  
И в каждом месте тебе будет чудиться!..

## ОЛЬГА БУЛАХТИНА

31 год, копирайтер, г. Воронеж

---

\* \* \*

В вечерний час вдвоём с сестрой,  
С июльских трав сбивая росы,  
Встречать мы бегали порой  
Семью, уставшую с покоса.

Как славно было замирать,  
Издалека услышав звоны,  
И кто быстрее, смеясь, считать  
Товарняков лихих вагоны;

Потом гурьбою напрямиком  
Идти в распаханную хату  
И пить парное молоко  
Под взглядом деда хитроватым...

Как много дней прошло не там,  
Как много слов застыло горьких.  
Приходим к милым старикам  
Лишь в тихий праздник Красной Горки...

И каждый раз, как будто спишь,  
Не веришь времени упрямо,  
Когда сестру смешной малыш  
Встречает странным словом «мама».

И жить бы дальше, как живёшь –  
Не оглянувшись, проще, тише...  
Да только снова глупый дождь  
Товарняком стучит по крыше.

\* \* \*

Я как праздника жду снегопада  
В эту пору скучающих луж,  
Будто осень – немая преграда  
На пути к очищению душ.

Молча с хмарью свинцовой свыкаясь,  
Мы себя тянем в омут, и всё ж,  
Перед совестью нехотя каюсь,  
Лишь сильнее погружаемся в ложь.

Но в душе что-то рвётся как будто  
В светлый миг, в зимний час. Потому  
Белый дар, первый снег, я как чудо,  
Как Причастие тихо приму.

\* \* \*

Осень листья на волю отпустит,  
Не сумев от себя уберечь.  
Вспомню вновь и с улыбкой, и с грустью  
Золотое тепло летних встреч.

Было всё там, как в сборниках скучных:  
Соловьи, Млечный Путь и луна.  
Только, жанра законы нарушив,  
Мы любовь не испили до дна.

В чём глаза признавались несмело,  
Мы губами сказать не смогли.  
И душа, словно лист пожелтый,  
Не покинет остывшей земли.



\* \* \*

Горько девочка плакала вечером звёздным,  
И утешиться чем-нибудь не было сил.  
Её кошку любимую ночью морозной  
Незнакомый водитель сегодня убил.

Вот котёнком она в дом несмело заходит,  
Вот доверчиво мордочку прячет в руках...  
А вот комната та же, и жизнь та же вроде,  
Только радость в минувших растаяла днях.

Ведь давно говорят, что трёхцветные кошки  
В дом хозяину счастье приносят с собой.  
Ах, как хочется верить, что всё понарошку,  
Что вернётся пушистое счастье домой!..

А когда, наконец, победила усталость,  
Светлый ангел спустился, не стало тревог.  
И сквозь радостный сон всё ребёнку казалось,  
Будто кто-то тихонько мурлычет у ног...

\* \* \*

Что же, прочь! Не поднять даже взгляда!  
Раны вновь ни к чему берeditь.  
Возвратилась... Да, видно, не надо  
По родным перелескам бродить...

Поклониться б могилам безмолвным,  
В детство снова нырнуть с головой,  
Ощутить своё сердце вновь полным,  
Чистым, словно Бог вправду с тобой.

Эх, народ! Что ж так скучно живётся!  
Развлечений в селе никаких...  
«Городская! Гляди-ка, неймётся!  
Да видали, видали таких!..»

Я б прошлась величаво и смело  
Перед всеми, кто лжёт за спиной,  
Я б смогла! Да какое им дело,  
Что вины на душе никакой.

Посмеются, обсудят всё люди,  
Будут сплетни плести невпопад...  
Знаю: счастья мне больше не будет  
Ни в метелицу, ни в листопад.

\* \* \*

Фольклорные практики. Милые годы.  
Традиции верно филфак соблюдал.  
Но устных сокровищ простого народа  
Всю ценность не каждый из нас понимал.

В руках диктофоны, тетрадки и ручки,  
И список вопросов всегда в голове.  
К бабуле идёшь... но решаешь, что лучше  
Отправиться к речке по сочной траве...

Как сладко спалось даже в школьном спортзале!  
Нам ласточки пели с утра, соловьи.  
И мы обо всём наносном забывали,  
Оставив дела городские свои.

Мы были свободны, совсем ещё дети,  
И жить так легко, и весь путь впереди.  
И, вновь замирая, мы слушали эти  
Былички и песни, преданья, стихи...

Но взрослые мы получали уроки,  
Нечаянно память людей бередя,  
Когда человек пожилой одинокий  
Доверчиво плакал, жалея себя...

Из города долго писали мы письма  
Родным старикам, не знакомым почти.  
Но только давно прервалась переписка.  
Причину бы надо, но страшно найти...

И всё это было, но будто не с нами...  
А может... как раз... всё, что после... – не так...  
Деревня в июле. И звёзды горстями...  
Фольклорные практики. Милый филфак...

\* \* \*

Там, где горькие травы пьянят непокорные души,  
Там, где чистые росы ласкают усталые ноги,  
Там бывала и я, чтобы тихое утро послушать  
И покинуть тот край навсегда по туманной дороге.

Знаю: осень не станет жалеть ни осины, ни вербы.  
Будут сонные куры бродить по траве пожелтевшей.  
Чей-то пёс, заскулив, побежит на дорогу, чтоб первым  
Встретить тех, кого ждали так долго и так безнадежно.

Но не я, у порога помедлив, ругая беспечность,  
Прошепчу те слова, что теперь опоздали на вечность.

\* \* \*

Встреча с собой через целую жизнь:  
Как душе от волнений не маяться?  
В точке отсчёта дороги сошлись.  
Возвратилась на родину странница.

Только лишь там, где по детским следам  
Ты растерянной тенью из прошлого  
Тихо бредёшь, ясно видишь вдруг сам  
И плохое в себе, и хорошее.

Там, где как будто всё так же звенят  
Голоса друзей детства растроченных,  
Стоит на миг оглянуться назад –  
И пропал, смутной грустью охваченный.

Юный смеющийся собственный взгляд  
Колко в сердце притихшем откликнется.  
Каждый сильнее всего виноват  
В том, что к той чистоте не приблизится.

Там, где дороги и годы сошлись,  
Разобраться мятежно пытаемся,  
Сильно ли мы изменились за жизнь...  
Может быть, мы вообще не меняемся.

## **ВИКТОРИЯ БУШМАНОВА**

*17 лет, МКОУ СОШ № 2, г. Острогожск*

---

### **РОМАШКОВЫЙ ЛУГ**

Мечтаем мы все о счастье.  
Вот только какое оно?  
Мы бьемся порой на части.  
Мы ищем его давно.

Дворцы? Золотые горы?  
Любимый и преданный друг?  
А может, для счастья нужен  
Всего лишь ромашковый луг.

Бежать босиком по солнцу,  
Купаться в его лучах,  
Горячие нежные взгляды  
Ловить на своих плечах!

Срывать на ходу ромашки,  
В охапке держать букет  
И думать: «Какое счастье!  
Такого на свете нет».

Упасть на траву с разгона!  
Чихнуть от желтой пылицы.  
Увидеть пчелу и подумать:  
«Какие они молодцы!»

Взять с листика божью коровку,  
На палец к себе посадить  
И так же, как в детской считалке,  
В небо её отпустить.

А после, когда росинки  
Коснётся багряный закат,  
Домой брести по тропинке,  
Задумчивый делая взгляд.

Зачем же биться на части,  
Не видя красы вокруг?  
Ведь вот оно! Вот оно счастье —  
Вот этот ромашковый луг!

## ДАРЬЯ ВТОРНИКОВА

21 год, г. Воронеж

---

\* \* \*

Были у меня друзья. Хорошие, слепые. Трогали мой рот, трогали мой нос и восторгались; какие расщелины, какие горы – говорили они. Восторгались: в каком прекрасном мире мы живём! Спасибо, Бог! Но слепых мало, да и лицо моё не бесконечное. Говорю им: это не мир, это всего лишь я. А они не обижаются и смеются лишь на меня. Слепые сворачиваются котятками и мяукают о прекрасности мира. Но все это мяуканье почему-то принимают за плач. Жалобно так выходит; не хватает, говорят, желания в их голосах. А какое может быть желание, если есть восторженность? Слепые не любят меня больше, потому что я их разочаровываю; они меня спрашивают: который час? А я им отвечаю. Половина десятого. И так в следующий раз, и в следующий. Они сердятся и уходят. Но что я могу сделать, если не умею врать? Не могу я как другие: половина пятого, четверть первого; время ушло, время пришло. Я не видела этого времени, зачем мне о нем им врать тогда? А Время меня видело; я молодая, местами даже слишком. У меня не зажили до конца рубцы от подросткового акне, розовеют на щеках. Тело молодое, не падавшее. Так, шлепнулась пару раз, но это не в счёт, раз без шрамов. Все любят ковырять болячки на коленках. А слепые их гладят и говорят; это лава застыла на подножиях вулкана. Хочу, чтобы все во мне видели Бога. Но так нельзя. Нельзя видеть. Иначе ослепнешь. Вот слепые и гладят меня своими шершавыми языками. А я что?\* \* \*

Играли в зверей, В палки да в салки. И пух с тополей,

И сварливые галки

Кричали одно: «Не взрослей!»

Правда, кричали!

## **НАДЕЖДА ГЛУЩЕНКО**

32 года, преподаватель английского языка,

Павловский район, с. Березово

---

### **ОСЕНЬ**

Осень же нынче тиха и печальна.  
Грустный октябрь прошел по верхам.  
Классик писал – есть же в первоначальной,  
Этой поре удивительный гам

Птичий. И шорох предутренней встречи  
С жёлтой листвою и красной зарёй...  
Нынче же тихо ложится на плечи  
Чистый и свежий ноябрь молодой.

Он освещает в молчании ночи  
Отзвук и отблеск далёкой луны.  
Осени краски, печальные очи,  
Словно чудесные вещие сны.

### **РЕБЯТ НЕ ТРОГАЕТ ВОЙНА**

Ребят не трогает война.  
И их сердца не задевают  
Солдат простые имена,  
В руинах целая страна,  
Они как будто племена,  
Которые родства не знают.

И показной патриотизм  
Не станет сущему спасеньем,  
Ни плачем, ни мольбой, ни пеньем,  
Ни денным и ни ночным бденьем  
Вы не вернете чью-то жизнь.

И не заставишь понимать  
Тех, кто родился бессердечным,  
Как это просто – умирать,  
Но даже мертвым в бой вставать,  
Врага Отчизны убивать,  
Но оставаться человечным.

Услышать трудно об одном  
В военных запыленных песнях:  
Что мы не просто их поем,  
Что на земле за них живем,  
Кто под пылающим огнём  
Добился, чтоб мы жили с честью.

Как это можно – просто быть,  
Благодарить за жизнь без края,  
И память чтить, и тех любить,  
Для кого Родина святая!

Как это можно не ценить,  
Сколь ни живу, не понимаю.

\* \* \*

Красивей, чем Любовь Орлова,  
Смелей, чем кто-либо из нас,  
Она явилась, мастер слова,  
До срока выйдя в свой запас.



С войны душою не вернулась,  
Рубила резко и сплеча,  
Не церемонилась, не гнулась,  
Горела жизнью как свеча.

Её назад всегда тянуло,  
Туда, где всё понятно враз,  
Где знаешь с пулемётным дулом,  
Кто друг твой, а кто враг сейчас.

Жила и каждый день ценила,  
Учила Родину любить.  
Но то, что предали Россию,  
Она нам не смогла простить.  
Ушла солдаткой-недотрогой,  
В стихах оставив нам своё.  
Оставшись честною и строгой,  
И звали Друниной её.

## **АНАСТАСИЯ ЕРМИЛОВА**

*20 лет, студентка Воронежского государственного педагогического университета*

---

## **ОСОЗНАНИЕ**

В конце туннеля я вижу свет.  
Там человек стоит, волос сед.  
Он машет пальцем, кричит, что слеп,  
И еле дышит.

И я смотрю на него и жду,  
Что скажет дальше, но на ветру  
Слова теряются и шумят.  
И я молчу.

Мне так знакомы его черты,  
Врезаясь в память, меня они  
Приводят к свету, но через миг  
Я вижу осень.

Я подхожу к нему, я в слезах,  
Я вижу луч на своих руках.  
Я понимаю, что это знак –  
Он что-то просит.

Перед глазами сплошной туман.  
Боюсь, что это опять обман.  
Моё сознание – мой тиран.  
Смеясь, он спросит:

«Ты узнаёшь меня, милый друг?  
У нас вдвоём один сердца стук.  
Я наблюдаю, как твой испуг  
Сменяет ужас.

Я так похож на твою вину,  
На стыд и совесть. Но не пойму,  
Как ты привёл себя к алтарю  
И что ты хочешь?

Всю жизнь я шёл за тобою вслед,  
Но так и не получил ответ:  
Какой душа твоя носит цвет?  
И есть ли он?»

Я обомлел, как узнал его.  
Я понял, кто предо мной иль что.  
А также понял, что свет есть я.  
А я есть зеркало.

\* \* \*

Когда вокруг умолкнут голоса,  
Когда не будет видно птиц на небе  
И станет чёрной жизни полоса,  
На озере заплачет белый лебедь,

Тогда и я, взмахнув своим крылом,  
Покину дом, что сердцу очень дорог,  
Переверну страницу. Старый том  
Останется лежать, как листьев ворох.

### **ЕВГЕНИЯ ЗАЙЦЕВА (КИРИЧЕНКО)**

*33 года, стилист, г. Воронеж*

---

\* \* \*

Всё помнит живая память,  
Листая  
    без остановки  
Минувшие кадры детства,  
Что памятли до сих пор.

Всё помнит живая память,  
А звуки  
    давно умолкли,  
Когда-то они оживляли  
Прабабушкин старый двор.

Сейчас он один в деревне,  
Ни бабушек нет, ни Шахты:  
Запутанных людных улиц,  
Автобусов на горе...

Уже много лет мне снятся  
Цветочных полей ландшафты,  
Что дарит цветы бабуля  
Улыбчивой детворе.

Как летом всегда хотелось  
Утят накормить в сарае  
И мягким смешным игрушкам  
Из листиков суп сварить!

Всё помнит живая память,  
Жаль,  
    быстро мы вырастаем.  
Теперь жизнь течёт иначе –  
Другой у планеты ритм.

## **ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА**

Мама, сколько мест проплыли:  
надрывали спины, жилы, мёрзли на горе.  
Наедались сыром, редькой...  
Помогали птицам редким – ангелам морей.

Нет штормов сейчас в проливе.  
Мы на волю отпустили серого кита:  
Их осталось очень мало, смотрят на людей устало –  
Надо ли считать?

Побережья воздух свежий.  
Ждём на острове Медвежьем добрых новостей...  
Таёт лёд в Норвежском море, местный лагерь на угорье  
С ветром опустел.

Здесь, конечно, голец, нерпы, но, порой, теряем нервы –  
Гибнет океан.  
Толку с наших экспедиций – рыбам смертью не напиться,  
Не стерпеть обман...

Выезжаем в первых числах, но, боюсь, беда случится –  
Изведут всех рыб:  
И треску, и сельдь, и нерку, даже если остров стерпит –  
Море не простит.

Что-то расписалась... Хватит  
Заполнять листы в тетради – спрячу в целлофан...  
Вновь без адреса конверты отпускаю вместе с ветром –  
Всё.  
Целую,  
Мам.

## **АНАСТАСИЯ КАРТАВЦЕВА**

*26 лет, корреспондент РИА «Воронеж»*

---

## **САНТА**

В «Доме торговли» напротив входа продавался весёлый Санта.  
Он был огромный – два метра ростом вместе с подставкой.  
И он танцевал в ярко-алом костюмчике, не двигаясь с места.  
Шевелил руками, хрустел коленями,  
но за скрипением «Jingle Bells» этого хруста не было слышно.  
Крепкий – он пыхал здоровьем и стоил двадцать две тысячи.  
Сумасшедшие деньги!  
Тем более для провинции.  
Тем более в нулевые.  
Санта, как собственная цена высокий,  
был размер в размер зарплате местной элиты.



\* \* \*

Выплыть – выплыву. Деться некуда.  
По бокам лишь легонько тресну.  
Воды быстрые, воды ведают,  
В берегах как бывает тесно.

Всё прольётся, и всё просушится,  
Лес покроет мне грудь и плечи.  
Время в нём закричит кукушкой,  
Заголосит: «Была ли речка?»

Пусто-пусто. Овраги-ягоды:  
Сочно-сочно и красно-красно.  
Были тёплые воды с ядом и  
Были мёрзлые – неопасные.

Были косы и были омуты,  
Были проруби, были броды,  
Были щуки и были окуни,  
Были удочки, были лодки.

Солнце жаркое, солнце колется,  
Зимы крепкие – всю сковали.  
Доползти б ручьём до околицы...  
Что-то сквозь меня... Не трава ли?

## ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

*...А принес из подвала стремянку,  
Чтобы снять твою тень со стены...*

Владимир Шемшученко

Ты, пожалуйста, верь мне, верь.  
Трогал я не стену – плечо.

Чёрное пятно на канве  
К небу устремилось грачом.  
Сколько их за первым спешит?  
Сколько задохнулось в руках?  
Части нашей общей души,  
Крестики, пробившие ткань.

Посмотри, я птиц не держу,  
Потому что думать устал,  
Каково им в холод и шум  
С деревянных пялец взлетать,  
Каждый взмах терпеть, каждый шаг  
За иглу цепляться крылом.

Да куда там – ровно дышать?!  
Даже тень нести тяжело.



## ДАРЬЯ КНЯЗЕВА

34 года, кандидат физико-математических наук, актриса, г. Воронеж

---

\* \* \*

Так медом незрелый чернослив  
в вечернем полумраке поливая,  
болеть воспоминанием трамвая,  
какого след десятки лет простыл.  
И разобрали рельсы. И раздали  
не по размеру платья, свитера...  
Я вырастаю из себя и исчезаю,  
заглядывая в дальнее вчера,  
в медвяные такие вечера.

Там счастье – меж высоких фонарей,  
где синее разбавлено пунцовым,  
а «папа» не звучит еще отцово  
и «мама» – обреченно, как теперь.  
Или цедить сквозь грушевую крону  
текущее по небу молоко,  
в нем бусинки мерцают и не тонут  
разбросанных в прорехах огоньков.  
Нетленно лето и компот из фруктов.  
И я смотрю внимательно туда:  
в замшелое бессрочное тогда,  
что ныне, присно и вовеки будет.  
В меня оттуда смотрит человек,  
наивный незнакомый человек,  
что верил в наилучшую из судеб.

Ему ложились в ноги чудеса,  
хотелось изучать и осязать,  
худое таяло, а лучшее сияло.

Но где-то состоялся перелом,  
и смутное бесцветное «потом»  
разбухло в непроглядную усталость.  
Так павшим в Лету имя – легион:  
прозрачноглазым, вечным, золотым,  
густы их чащи, реки глубоки,  
и солнце светит с четырех сторон.

То были окончательно не мы,  
но ясные стремительные сны  
о том, как дети в мир вовлечены,  
стихийно влюблены.  
В осипший ветер, в сломанный забор,  
в осенний неприкаянный простор...  
И присно, и вовеки, до сих пор.

### **САВЕЛИЙ КОСТРИКИН**

*20 лет, студент исторического факультета Воронежского  
государственного университета*

---

### **ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗИМЫ**

Просты, мудры, метафоричны  
Определения зимы.  
Не время года, но – обычай  
Мечом касаться пут земли,

Освобождая руки ветра  
От тонких нитей Бытия,  
Чья шляпа, лёгкая из фетра,  
Лежит, как будто не своя,

Как будто осень не настала,  
А лето – даже не прошло,  
Забрызгав лица рыжей сталью,  
Из солнца выдавив стекло.

Под ним, по вросшим в небо пальцам  
Деревьев, липкий сок течёт.  
Им пустоты нельзя касаться,  
Ведь там слова теряют счёт,

Там глаз касается обычай  
О снеге помнить и любить  
Тех зимних дней метафоричность,  
Что к сердцу протянули нить.

## **НАД МОГИЛАМИ УШЕДШИХ**

Пора бы вспомнить мне о тех,  
Кто раньше нас ушёл,  
Покинув грешный мир утех,  
Оставив в сердце шов,

Соединить небес мотив  
Со стенами земли,  
Грядущий год опередив,  
И строками залив.

Прольётся горькая слеза,  
Не оставляя след.  
Им Богом выбрана стезя  
Покинуть белый свет,

Когда все спят, забыв на миг,  
Как коротка строка.  
Они – сквозь нас глядят на мир,  
И правда их строга.

Их взгляд, напоенный огнём,  
Не охладит зима.  
Он – правды луч с небес, а в нём –  
Могильная земля,

Куда отправимся и мы,  
Когда в конце пути  
Предел нащупают умы,  
Невидимый пунктир.

## **ПОСВЯЩЕНИЕ ЮРИЮ КУЗНЕЦОВУ**

Имеющий слово в себе  
Врастает корнями в эпоху,  
Стремясь обеспечить в судьбе  
Присутствие веры и Бога.

Имеющий слово во тьму  
Приносит осколками света  
Желание жизни, воткнув  
Нож истины в зеркало смерти.

Имеющий слово – растёт  
Над явью, над смыслом, над волей,  
Перстами святыми растёт  
До дрожи, до хруста, до боли.

## **ВЛАДИМИР СЕРГАЧЕВ**

*19 лет, член молодежного поэтического объединения «Малый лес»,  
г. Павловск*

---

\* \* \*

В эти сутки завершался век.  
Столько бед осталось за плечами.  
Падал белый новогодний снег.  
Поздравленья с пышными речами.  
Веселился весь честной народ,  
В каждом доме зажигались ёлки,  
А в Чечне работал пулемёт,  
Вечность разрывая на осколки.  
Черными глазницами домов  
Их встречала смерть среди развалин.  
Забирая русских пацанов,  
Той войны исход, увы, печален.  
Главная задача в эту ночь –  
Не остаться в придорожной яме.  
Чтоб отца смогла увидеть дочь,  
Чтобы сын домой вернулся к маме.  
Разгорелся пламенем Кавказ.  
На седых вершинах капли крови.  
Вряд ли кто-то вспомнит кроме нас  
Подвиг безымянного героя.  
Парня, что, как ты, ещё вчера,  
Отгулял последний школьный вечер,  
А сегодня смотрит трассерá,  
Вместо новогодней ёлки встречи.  
Что среди немых чужих вершин,  
Прикрывал отход разбитой роты.  
Комом в горле ненависть першит.  
Захлебнулся вместе с пулемётом.

Сколько их таких простых ребят,  
В тех краях непризнанно забыты.  
Их могилы ивами шумят,  
Тихо шепчут: мы же не убиты.  
Мы остались охранять покой  
Под свинцовым непрерывным звоном.  
Мы сквозь ветер говорим листвой,  
У подножья встретим вас поклоном.  
Передайте нашим матерям  
С предрассветным дымом нотку грусти.  
Пусть они не лгут календарям.  
Нас вершины эти не отпустят.

### **ЕЛЕНА СОЛОВЬЁВА**

*34 года, окончила факультет русского языка и литературы  
Воронежского государственного педагогического университета,  
библиотекарь, г. Воронеж*

---

\* \* \*

Серебрится туман над городом...  
Фонарей акварель размытая...  
Эта осень не жалит холодом  
И не ищет пустую выгоду.

Эта осень с кофейным привкусом,  
Словно сказка давно забытая,  
Из старинных листов папируса  
В книгу жизни небрежно сшитая...

Эта осень на счастье щедрая,  
Под ногами рассыпав золото,  
С тишиной не спеша беседа,  
Не боится чужого холода...

В этой осени, чуть задумчивой,  
Разливается запах ладана.  
Эта осень, с душой созвучная,  
Вновь останется неразгаданной...

\* \* \*

Щемлящим одиночеством дыша,  
Запутавшись в обманчивых сетях,  
Замёрзла чья-то светлая душа  
В холодных одиноких феврялях...

Ища на что-то важное ответ,  
Спасаясь от удушливой тоски,  
Откроет по привычке Интернет,  
Где души однобоки и узки...

Иллюзии придуманной мирок  
С картинками чужими вместо лиц,  
Где мысли утекают мимо строк,  
Где пустота листаемых страниц...

Теряя драгоценные часы,  
Теряясь в безразличии имён,  
Здесь души вдруг становятся черствы,  
Пролистывая судьбы, как альбом...

Но стоит посмотреть по сторонам,  
Увидеть краски жизни наяву  
И, словно пробудившись ото сна,  
Почувствовать: ведь я ещё живу!..

## НАДЕЖДА ТРЕТЬЯКОВА

37 лет, окончила фармацевтический факультет Воронежского государственного университета, фармацевт, г. Воронеж

---

\* \* \*

Как пахнет снег истомой февраля,  
Как тянет грусть за волосы, за плечи,  
Так о весне промозглая земля  
Простонет в подсознании человечьем,

Так мы спешим за светом, за теплом,  
Стянув на горле шарфовое кружево.  
Любить зимой – тугое ремесло,  
Но без любви нам и весны не нужно...

\* \* \*

Смотреть в окно, прикинувшись невестой,  
Фата и тюль – единое начало.  
В душе темно, в груди бездушно-тесно,  
Как мало света! Мало, мало, мало...

И тень кольца белёсою полоской  
По тёплой замше загорелой кожи –  
Воспоминанием, осколком, отголоском,  
Напоминанием о том, как мы похожи,

Напоминанием о том, что счастье было,  
Казалось стойким, вечным, непреложным.  
И я была. Была, была, любила!  
И счастье это делала возможным...

Теперь осталось тут, за занавеской,  
Под лёгкий тюль забравшись с головою,  
Смотреть в окно, прикинувшись невестой,  
И тихо жить, прикинувшись вдовою.



\* \* \*

Из печали, из печали  
Будет выкована вечность,  
Там, где сосны раскачали  
Синеву и бесконечность.  
Опрокинутые тучи  
Разольют на мир чернила,  
Мир искомкан, мир измучен,  
Ночь перчатку уронила  
И озябшею ладонью  
Рассыпает тьму и холод,  
Мир в своей печали тонет,  
Мир изорван и исколот.  
Там, где сосны, там, где сосны  
Разволнованы закатом,  
Ничего уже не поздно,  
И как будто бы не надо.

\* \* \*

*Вечно молодым, вечно пьяным...*

У Шелли сегодня в последний раз  
Заклинили тормоза.  
Бар наполняется. Пробил час,  
От дыма болят глаза.

Эти глаза – что горчичный мёд...  
А в голове сквозняк.  
И Шелли танцует, она поёт  
И пьёт дорогой коньяк.

У бармена стойка натёрта, как ствол  
Начищенного ружья.  
И падает Шелли за пьяный стол.  
И вермут берёт в мужья.

Нынче сочится густой тоской  
Распахнутая душа.  
И пьёт с еле трезвой Вдовой Клико  
Шелли на брудершафт.

И там, где в раздрайвленном кураже  
Пора бы замедлить шаг,  
Шелли срывается на вираже  
И не тормозит никак...

Бармен хорош! – молчаливый врач  
Душ, отыскавших дно.  
И Шелли пирует, несётся вскачь,  
Наполнив бокал вином...

Под утро слетает с души труха...  
Ставши совсем больной,  
Не утопив своего греха,  
Шелли бредёт домой,

Где без причины на то убит  
На исцеленье шанс.  
Зеркало морщится и рябит,  
Но это в последний раз.

Шелли молчит...  
Распахнув окно,  
Шагает в рассвет звездой,  
Числясь навечно ушедшей, но

Пьяной  
и  
Молодой...

\* \* \*

Неоспоримы прошлого устои,  
Стой и смотри, полуоткрывши рот,  
Как наша жизнь становится водою  
И как вода незыблемо течёт.

Из наших снов сплетаются картины,  
Из наших слов построены мосты.  
И мы по ним так непоколебимо  
Проходим от черты и до черты.

А за чертой – невиданные дали,  
Не охватить ни взором, ни рукой.  
Мы эту даль когда-то простирали,  
Смотря, как жизнь становится рекой.

И как река уносит наши тайны.  
И как однажды, на исходе лет,  
Мы по мосту придём сюда случайно.  
Стой и смотри...  
Воды тут больше  
нет.

\* \* \*

К полувеку полувек  
Прирастёт, что прощел!  
Полулёд и полуснег  
На реке за рощей.

Полуправду, полусны –  
Всё размоют реки,  
Полные ладони тьмы  
В нашем странном веке.

Полуголая звезда  
Под веслом усталым.  
Мне вода сказала: «Да»,  
И меня не стало.

\* \* \*

Так пахнут липы! Детством безвозвратным...  
Во мне листва шумит, не умолкает.  
Всё кажется, как день, простым, понятным,  
И папа меня к солнцу поднимает.  
Взметнутся косы, пыльные сандали  
Дугу прочертят в воздухе отважно.  
У папы руки сильные, из стали!  
Я с высоты смотрю, и мне не страшно!  
Земля и небо золотом облиты.  
И что-то странно ухаает под сердцем.  
И голову дурманом кружат липы,  
И пахнут детством.

### **ЯНА ЦЫГАНКОВА**

*27 лет, магистр филологии, педагог дополнительного образования,  
г. Воронеж*

---

\* \* \*

Не боли у кошечки, не боли  
У собачки, пташки и у тебя,  
Говори мне, горюшко, говори,  
Если хватит пороху и огня,  
Волком вой, коль воется — ничего:  
Не по злобе это, а сгоряча.  
Раз не видишь линий и берегов,

Голоси мне в клетчатый порт плеча.  
Я ведь тоже больше так не могу  
(Но потом зачем-то могу ещё).  
Значит, нужно чьему-то больному лбу  
И моё тоскующее плечо...

\* \* \*

Снегу хочется в отпуск.  
Вот он, не собрав чемоданов,  
Говорит облакам  
На своём водянисто-туманном:  
Я поеду в Россию.  
Я слышал, там очень красиво,  
И опять же, июль...  
Сколько можно пахать сверхурочно?  
А в России – сезон:  
Купола наливаются блеском,  
Точно яблоки к Спасу.  
Снуют, полосатятся пчёлы.  
Расцветают луга,  
А чумазые руки мальчишек  
Норовят дотянуться  
До нежных девичьих ручонок.  
Говорят облака, улыбаясь щербатыми ртами:  
Поезжай. Отдохни.  
Мы тут, знаешь, и сами с усами.  
Жаль, купе раскупили.  
Уж ты как-нибудь на попутках...  
А в России красиво.  
Не зря мы её умываем.  
Ну, бывай.  
Привези нам букет земляники.  
Снег летит над рекой,  
Снег росой оседает на листьях,

Снег дрожит на крестах  
И на панцирях синих палаток.  
Удивляются дети,  
Глаза протирают туристы:  
Снег в июле?..  
...снежинка блестит на боку земляничном.

\* \* \*

Квинтэссенция района: гнетущая многоэтажка.  
Будто поганка гигантская, выросла  
Между садиком и гаражами.  
Кажется сюрреализмом и балабановщиной,  
Но здесь обитают люди.  
Живи бы я в этих стенах —  
Вряд ли умела мечтать и к чему-то стремиться.  
Только подумай: под крышей  
Именно этого дома  
Никогда  
Не гнездились  
Птицы.  
О нет, живи бы я в нём — пожелала, чтоб зеркала  
Глаз моих не отражали,  
И это — как минимум.  
Впрочем, как максимум, мне бы хотелось повеситься.  
Представь старый общедомовой балкон и ведущую в никуда  
Обшарпанную ржавую лестницу.  
Кто полюбит её (кто полюбит тебя саму?), кто полюбит такую?  
На кафельном пяточке давным-давно  
Не встречают рассвет, не сосутся,  
Пива не пьют.  
Да здесь даже ночами не курят,  
Потому что ветер пронизывающий.  
А я всё равно сюда выхожу,

И вместо петли и мыла в руках у меня – палитра.  
И каждый визит я рисую.  
Я закрываю первичное, бранное, пошлое и половое.  
Зарываю под краской выцветшее, отжившее и не-живое.  
Не жившее никогда, но въевшееся в стены памятью

девяностых –

Отголосками телепомех и газет цвета грязного снега.  
Я рисую тонкие-тонкие чёрные ветви,  
Пушистую горсть воробьёв  
На фоне лилового неба,  
Рисую гроздь виноградную,  
Спелую, с каплями влаги на ягодах,  
А этажом ниже – паучьи лилии  
И в розовой дымке пагоду.  
И меняется неуловимо унылое наше строение,  
Точно так же, как из верлибра  
Вдруг ритмичное  
Получается стихотворение.  
Каждый этаж становится неизведанным, новым и ярким,  
Таким же, как мир в молочно-зубастом детстве.  
Я опускаю кисть и, усталая, ухожу досыпать в квартиру.  
А ранним утром, часа в четыре,  
Топая на автобус от производства,  
Вдруг замечаю чирикнувший дерзкий комок,  
Который зачем-то уселся на ржавом периле,  
Как на перроне.  
На стене напротив зеленеют лавровые листья.  
А что, если благой вестью Ноев ковчег был обязан  
Вовсе не голубю?..

## АНТОН ШАМРАЕВ

25 лет, окончил Воронежский государственный технический университет, программист, г. Воронеж

---

\* \* \*

Это раньше стучал, успокаивая и дрожа  
на неровном стекле, а теперь барабанит и глушит.  
Только хвост ноября между пятиэтажек зажат,  
и страдает фонарь – неуклюжий, желтушный.

Словно ночью глухой злые люди обходят избу,  
смотрят в окна и всё замышляют недоброе дело.  
Но никто не войдёт. У тебя и у неба во лбу  
просто вновь наболело.

\* \* \*

А. К.

а зачем фонари и вообще визуальный ряд  
если голос твой лучше рисует чем сотни рук  
а герои проходят сквозь тысячи передряг  
пробиваются мучатся но всё равно умрут

продолжай говорить пешеходам и льду назло  
и не важно о чём потому что ты знаешь как  
и зачем понимать если способы связи слов  
говорят явно больше материи языка

\* \* \*

Нет, не звучит. И не хватает слога,  
И снова аритмия у строки.  
И трещины по высохшему слову  
Зияют, создавая сквозняки.



Я не звучу. Лишь меряю шагами  
Коробку от плеча и до плеча.  
Ты знаешь. И смеёшься, хулиганя.  
Иди сюда. И дай нам зазвучать.

\* \* \*

*...а жизнь, она – дежурный дирижабль,  
зависимый от направленья ветра.*

Аман Рахметов

И только пепел – пепел воронья  
кружит и приземляется на сосны,  
и вскакивает к выцветшему солнцу,  
и вслед за солнцем на круги своя

заходит, оставляя этажам  
зажмуриваться на грядущий вечер.  
А жизнь – она совсем не дирижабль,  
а только ветер.

### **ВАЛЕРИЯ ШАХОВА**

*21 год, студентка факультета журналистики  
Воронежского государственного университета*

---

### **КТО НЕ ОТТАЛКИВАЛ НАПРАСНО**

Кто не отталкивал напрасно,  
Не знает вкус фантомной ласки.  
Раствором снов своих не стал.  
Рассудок не отдал мечтам.

Кто не отталкивал напрасно,  
Не знает цену поздней страсти.  
Она не Эросом живёт,  
Она тебя с презрением жрёт.

Она – расплата за «всезнание»  
И за трусливое молчание.  
За то холодное бывшее  
И долгожданное чужое.

Кто не оплакивал напрасно  
Твою остывшую любовь,  
У тех по жилам льётся кровь,  
И жизнь – не тень от созерцания.

Но если можно воскресить  
Такой влюблённый и цветущий,  
Твой смелый, искренний, поющий,  
Что проникает до души...  
Скажи!

## **ЕСЛИ Б ЗНАЛИ ПУСТОТУ ВЫ НАПЕРЁД**

Мне – никак. И так за годом год.  
Меня скоро примет в свою массу  
Серо-злой скрученный народ.

Мне никак в прекраснейшие годы!  
О, порабощенные народы,  
Если б знали пустоту вы наперёд!

Вы боролись за глотки свободы,  
Выбивали место у природы,  
И друг друга убивали, чтобы –  
В будущем не извлекли урок.

Сколько жизни было в песнях фронта,  
Сколько чувств на черно-белых фото  
И молитв под темным небосводом...  
Отнимающий надежды, Кто Ты?

**ЕЛЕНА ШИЛОВА**

*34 года, программист, г. Воронеж*

---

## **ПОСЛЕДНИЙ МАЯК**

От рутины суетной нет житья,  
И на горле будто затянут жгут...

Мне вчера приснилось, что я маяк  
На крутом, изрезанном берегу,  
А вокруг – бескрайний, безлюдный мир,  
Шёпот моря, чаячий хриплый плач,  
И представить страшно, на сколько миль  
Расплескалась мгла.

Я смотрюсь в неё столько долгих лет,  
Что померк от горя лучистый взгляд.  
Мой огонь – единственный на земле,  
Но никто не ведает, где земля,  
И давно истлели останки тех,  
Кто бы мог направить ко мне корабль.  
Но я жду в зияющей темноте,  
Я всё жду утра.

Ни зажмурить век, ни шепнуть: «Спаси!» –  
Жить куда сложнее, чем умирать.  
Угасая, я на пределе сил  
Полыхну надеждой в последний раз,

Разгорюсь, как искра в сухой листве,  
Указав дорогу домой тому,  
Кто несёт в своих парусах рассвет  
Сквозь слепую муть.

...Привкус соли, холод и резь в глазах.  
Не реальность – выцветший гобелен.  
Напоённый сыростью воздух затхл,  
И простуда – меньшая из проблем.  
Я коплю усталость, как яд – змея,  
Обречённой рыбиной бьюсь в сети.  
Только в память въелось, что я – маяк  
И должна светить.



ПРОЗА

## **ПАНДЕМИЯ**

В добром здравии и отличном настроении мы собирали сумки. Все-таки давно не были дома. Верней, не была Лера, я-то ездил в январе, правда, всего на неделю и всю ту неделю работал за ноутбуком, а потому толком никуда не сходил, хотя с несколькими знакомыми повидался. Я любил приезжать, к примеру, на месяц, вдоволь наобщаться с родителями, оставшимися в родном городе друзьями, посетить памятные улицы и парки, в которых провел юность. Места силы, как модно теперь называть.

А еще настроение было прекрасным от того, что предстояла неблизкая дорога, коя для романтиков вроде меня – один из любимейших... символов, что ли. Федеральная трасса, ярко освещенная мощными фонарями, мелькающие в темноте деревья, темные спелые поля, маленькие городки, живущие своей размеренной жизнью... Сколько раз проезжал я мимо этих дворов, возле которых на старых лавочках сидели бабушки с внуками, а за воротами кипела работа, шла стройка, заготовка сена. Я проезжал, не зная, кто все эти люди, какие у них мечты, какое прошлое – безоблачное или непростое, но чувствовал: они – мои люди, в наших жилах течет одна и та же кровь, мы можем без слов понимать друг друга. И оттого на душе становилось спокойно-спокойно.

Выехали в ночь. Лера скоро задремала, а я слушал музыку, пытаюсь куда-то пристроить колени. Слушайте, такие автобусы, наверное, специально придуманы для издевательств над мужчинами высокого роста!

Вдобавок вызывал определенное беспокойство введенный из-за коронавируса COVID-19 карантинный режим. Нам предстояло пересечь границу между государствами, и как там обстоят

дела на Украине, мы толком не знали. В России-то действовали ограничения: в первую очередь, надо носить маски. Хотя в нашем автобусе (я специально осмотрелся) на эти рекомендации народ дружно клал, извините, с прибором. И мы с Лерой поддались этому тлетворному влиянию; дышать в масках было затруднительно, особенно теплой летней ночью. Правда, кашлял каждый третий. Немолодая женщина, сидевшая через несколько рядов позади нас, кашляла минимум раз в пять минут.

Тревожное происшествие в Верхнем Мамоне. Когда мы ночью остановились сбоку от трассы, возле автовокзала, где было полно магазинов, то увидели мигающие красно-синие сигналы автомобилей ГИБДД. Я подошел к ларьку купить газировки и спросил, что случилось. Оказалось, фура сбила человека, перебежавшего дорогу по нерегулируемому пешеходному переходу. Увы – на противоположной стороне трассы лежал мертвый мужчина, уже накрытый покрывалом, из-под которого были видны ноги. Чуть поодаль стоял грузовик и правоохранители оформляли аварию.

«Плохой знак», – подумал я и, как показали дальнейшие события, не ошибся.

На таможенном пункте всё прошло без сучка без задоринки. Еще около часа – и автобус въехал в родной городок, встретивший нас безлюдными утренними улицами, еще спавшими под первыми лучами восходящего солнца.

Я вытащил сумки, донес до парковки возле заброшенного супермаркета и посадил Леру в такси. Сам взял другую машину, потому что нам нужно было в противоположные концы города: она ехала к своим родителям, а я – к своим. То есть, ближайшие две недели предстояло провести порознь. «Ну, хоть отдохнем друг от друга», – философски подумал я. Да нет, наведуясь, конечно, пару раз в гости к теще и ее сестре, погуляем с Лерой по любимым улочкам, но ночевать – каждый у себя дома, со своими родственниками. Всё как в старые добрые времена, когда мы только начинали встречаться и я уезжал от Леры домой в полночь, а иногда и в час ночи.

Мой старый дворик, укрытый уютной тенью высоких тополей и раскидистых абрикосов, вызывает во мне сильнейший приступ ностальгии. Три дома буквой «П», один из них подъездами смотрит в соседний двор. Две беседки, на ближайшей к моей квартире мы с ребятами играли в «борща». Это те же лады, пятнашки, только нельзя прыгивать на землю, поэтому все носились по столу, бревнам, служившим лавочками, и хватались за перекладыны не хуже каких-нибудь обезьян. Любимая абрикоса с длинной горизонтальной веткой, на которой я любил сидеть и прятаться в зелени. Помню, с каким трудом мог допрыгнуть до этой ветки, а теперь она мне всего лишь по грудь.

Эх, сколько веселых часов провел я с друзьями в своем и соседних дворах!.. Тогда было уйма времени, которое тратили не задумываясь. Бездельничали, кидались каштанами, играли в баскетбол, а позже, в юношеские годы, покуривали и даже пили водку по подъездам. Это роднило нас со старым кварталом, повидавшим и «вырастившим» уже не одно поколение сорванцов, шагнувших отсюда в большую жизнь.

\* \* \*

Через несколько дней после приезда мы с Лерой гуляли по моему кварталу: возле университета, ходили на стадион. Я был на велосипеде и шуточно подгонял ее, а Лера говорила, что, кажется, неважно себя чувствует. Но я-то не обратил на это особого внимания.

А на следующий день ей стало хуже. Появился кашель и разболелась голова. Пожаловалась:

– Что-то меня тошнит.

– Может, наконец-то забеременела? – насторожился я.

Похожие симптомы и когда мы приезжали в прошлый раз. Но тогда оказалось – обычная простуда. Сейчас же стойко держалась температура.

Вообще-то летом часто так. Из-за жары пьешь холодную воду – и начинает болеть горло, а куда денешься? Однако...



Однако на следующий день почувствовал недомогание и я. Вроде и ничего серьезного, но как-то не по себе: раздражительность, усталость.

А в пятницу был уже совсем разбит. Еле дотянул до конца рабочего дня, захлопнул ноутбук и отправился через весь город к Лере. Пока доехал, лишился последних сил. Буквально вполз к ней в квартиру и свалился на пол рядом с диваном. Лера же жутко кашляла, а головная боль не отпускала уже несколько дней. Померяли температуру: тридцать семь и три. В организме явно воспалительный процесс. В общем, обессилели оба. А ведь строили планы: встретиться со старыми друзьями, посетить памятные места и некоторые интересующие меня мероприятия. Но увы: планы эти, судя по всему, летели коту под хвост.

Вечером мне стало еще хуже – не мог толком дышать. В квартире у Леры была духота. Жара на улице стояла страшная, июль не щадил никого. Я устроил сквозняк, однако это не помогало. Горячий воздух циркулировал по комнатам, не принося облегчения. Я испугался, зная, что коронавирус очень сильно бьет по легким.

Теперь не было сомнений – это о н.

(Замечательный отпуск вырисовывается!)

– Лер, нужно отменить все встречи! – почти простонал я. – Позвони Аньке. И посуда... Пусть мама выделит тебе отдельную тарелку, ложку и кружку. А в комнату твою заходят только в масках.

Прибежали мама Леры и тетя Оксана. Как полагается, начали причитать: «Ой, какой ужас!»

– Я же говорила – вакцинируйся! – истерила Валентина Васильевна.

Хотя ничего она раньше не говорила. Да здесь и не было достаточно вакцины для всех желающих. К тому же мы, как и большинство россиян, поначалу скептически отнеслись и к новому вирусу, и к вакцине от него. Почему? Да информационная кампания в СМИ была какой-то кривой. Врачи сначала

говорят одно, через время другое, абсолютно противоречащее первому. И как народу разобраться в такой путанице?

К слову, каждый наш визит сопровождался крупной ссорой с Валентиной Васильевной. Теща у меня – всем тещам теща. Именно про таких придуманы сотни анекдотов. Характерец еще тот. Это теперь она кричит: «Прививайтесь!», а еще вчера и слышать не желала ни о каком коронавирусе: «Не вздумайте делать прививки!» И так по любому поводу.

Естественно, в этот приезд тему для конфликта нечего было и искать.

– Притащили из своей России заразу!

– Еще не известно, где мы заболели! – огрызнулся я. – Это у вас все без масок ходят и каждый третий кашляет. Что-то в Воронеже за столько времени ничего, а едва приехали – сразу заразились.

– Нет, я говорила – делайте! – Теща была непробиваема.

– Мам, но ты же знаешь, что мы хотим забеременеть. А врачи в этих случаях прививаться не рекомендуют, – смутилась Лера.

Однако Валентине Васильевне на наши аргументы было плевать, и они с тетей Оксаной унеслись из комнаты так же быстро, как и ворвались в нее.

Я пожал плечами:

– Поеду домой. Дышать тяжело, больно душно у вас.

В глазах Леры появились слезы:

– Останься! Не бросай меня одну!

– Лер, да я лежу, и у меня просто какая-то паника: не получается нормально ни вдохнуть, ни выдохнуть. У моих-то хоть кондиционер есть...

В итоге поругались еще и мы. Я поздним вечером уехал к себе «на восток» последней маршруткой. Дома включил кондиционер и перед сном вволю надышался холодным воздухом. Полегчало, и все последующие дни не выключал его. Мама ругалась, переживала, что сыночка продует, но по-другому я не мог.

Мама дома ходила в маске, боясь заразиться. Она уже тяжело переболела в октябре, и, слава богу, вроде без последствий. А вот папа не соблюдал никаких мер предосторожности, но я сам старался держаться от обоих подальше. Не хватало еще родителей заразить!

Впрочем, с Лериной родней так и вышло. Сначала стало плохо теще, а через пару дней и тете Оксане. Упреки посыпались на Леру как из рога изобилия. Теперь она стала просто врагом народа. Ясно, что напряженная, нервная обстановка не способствует выздоровлению. Обратные билеты мы взяли еще по приезду, и:

– Давай поменяем! – взмолилась Лера. – Не могу больше здесь находиться. Вечно я во всем виновата!

Мне было ее страшно жалко. Да-а-а, когда такие отношения с матерью...

Позвонил на автовокзал и поменял Лерин билет. Сам должен был ехать почти неделей позже, в выходные. Лера же перенесла отъезд со среды на понедельник, не в силах выслушивать упреки матери. Дополнительный штришок: и безо всякого коронавируса теща была способна вытерпеть наше присутствие максимум несколько дней. А после начиналось: «Всё, хватит, валите отсюда!» Спусковым крючком могло стать что угодно: моя незамысловатая шутка, неудачная (на взгляд тещи) фраза Леры и т.д. и т.п. Кстати, доставалось не только нам. Еще чаще под раздачу попадала тихая и добродушная тетя Оксана.

Я с великим трудом провожал Леру, сам еле-еле волоча ноги. Отправлял ее с тяжелым сердцем. Правда, на обратном пути в родительский дом постарался взять себя в руки: «Ну нет, не сдамся! Этому проклятому коронавирусу меня не сломить!..»

Лера добралась нормально, границу прошла без проблем. И хотя слабость, головная боль и температура не отпустили, она сумела в таком состоянии преодолеть полтысячи километров.

Созвонились.

– Завтра же вызывай врача, – велел я. – Это тут всем наплевать, диагноз «коронавирус» никому толком не ставят, а в России с этим строго. Главное, что будешь под наблюдением врачей.

Понятно, пытался успокоить и себя, и Леру. В нашем родном городе действительно дела с вирусом обстояли неважно, но никакой конкретной информации по этому поводу не было, только слухи. Потому и к врачам обращаться смысла не было, противовирусные я могу и без назначения принимать. Наш семейный доктор тетя Алла посоветовала по телефону необходимые препараты. Ну и всё. Оставалось пить таблетки и ждать.

Слушайте, по квартире я еще кое-как передвигался, но на улицу выходить перестал. Не было ни желания, ни сил.

Вдобавок вскоре пропал вкус. Вообще непонятно! Да разве ж такое возможно?! Сосиска что резина, горчица – не горчит, хлеб – точно сено жуешь. Твою дивизию! Ехал домой, надеясь поесть вкусных блюд, которые готовила мама: борщ, макароны по-флотски, жареная картошечка со шкварочками, пирожки с плавленым сыром и – мамина коронка! – салат с грибами... И вот всё это в прямом смысле слова рухнуло в бездонную пропасть... безвкусия, что ли.

А вскоре исчезло и обоняние плюс саднящая боль в груди. Дни шли, а легче не становилось. Да тут еще мама подливала масла в огонь своей фирменной паникой и суетой. Она и здорового-то заставит усомниться, что тот здоров, а уж при наличии в квартире больного тошно будет всем, а не только страдальцу.

– Ну, сдохну я! Сдохну! – вопил во время особенно жутких дискуссий по вопросам моего самочувствия.

Мама же ракетой носилась по комнатам, заламывая руки: – Сына!.. Женечка!.. Что делать?..

Вот и попробуй выздороветь под таким сумасшедшим пресингом.

Хотя бы отчасти привести маму в более-менее адекватное состояние мог лишь папа. Он приходил с работы и грубо обрывал ее женские метания. В итоге и все мы чуть не перессорились. Куча проблем с родней Леры, а тут и у самого уже почти дурдом.

И вдруг – малюсенькая лазейка со вкусом: я стал чувствовать сладкое. Ради поддержания энергии (приходилось же еще работать) пару дней питался исключительно пирожными «Домино», печеньем «Топленое молоко», шоколадками, пил компот и чай. Ну что ж: и сытно, и приятно.

...Лера сдала тест, и коронавирус подтвердился. В поликлинике ей выдали таблетки и отправили лечиться домой. Я посмотрел названия лекарств – те же самые, что мы принимали и без врачей.

А у тещи и тети Оксаны обнаружили бронхит с пневмонией. Теща названивала Лере, громогласно обвиняя ее во всех своих бедах, и со злостью швыряла трубку.

Мы постоянно перезванивались и переписывались с Лерой. Бедная, она там одна, никто о ней не заботится...

Проходили дни, а легче не становилось. Настал и мой черед уезжать. Родители проводили меня на автовокзал. Слава богу, хоть их не заразил. Дорогу перенес нормально. Границу пересекли быстро, и ранним утром я уже стоял на остановке «Ильича» перед Чернавским мостом. Вызвал такси и добрался до дома. Да как же здорово завалиться на свой любимый диван и наконец отдохнуть, а то все эти приключения с поездкой и болезнью вымотали вконец. Еще и переживания по поводу работы: пришлось отпроситься на несколько дней.

Спустя же недели полторы коронавирус подкинул еще «сюрприз». Пошли на рынок за продуктами, потому что есть было уже нечего, но через пару сотен шагов на меня навалилась страшная слабость. Застыл столбом и пролепетал:

– Не могу идти... нет сил...

Лере было не лучше.

С великим трудом доковыляли до рынка, наверняка смахивая со стороны на нетрезвую пару. Да и ощущения пример-

но те же. Всё вокруг какое-то странное. Странные машины, высотки, люди на остановке... Потом показалось, что сейчас умру. Единственное желание – рухнуть на землю и уснуть. Жизненную энергию будто забрали какие-то злые сказочные волшебники. Еле проползли по рынку и вернулись домой. Весь оставшийся день провалялись пластом, пока хоть капельку не оклемались.

И не было желания ни работать, ни читать, ни серфить в соцсетях. Даже принять душ – проблема: слишком тяжело.

Я тоже сдал тест. В кабинете врача услышал такой разговор. Видимо, знакомая пациентка просила совета, делать прививку или нет.

– Решать вам, – пожала плечами врач. – Вы сейчас за городом, на даче? Хотите подождать до осени? Ну, смотрите сами. У нас одна медсестра привилась, а потом три недели под аппаратом ИВЛ пролежала...

Гм, очень оптимистичная информация... Да понятно, у некоторых реакция организма на вакцинацию бывает непредсказуемая.

...У меня ковид не выявили, хотя симптомы почти полностью совпадали.

И опять замелькали однообразные дни. Похоже, болезнь поселилась в нас прочно. Дышать вроде стало полегче, но упадок сил жуткий. Да когда же отпустит? Уж больше месяца мучаемся!

Вскоре Лера сдала повторный тест, который оказался отрицательным, но всё равно было паршиво. У меня продолжался кашель и боль в груди. Я снова запаниковал: а вдруг уже поздно? Вдруг процесс уже необратим, а я всё еще на что-то надеюсь?..

Гм, в общем, мы болели-болели, я всё не умирал-не умирал, а потом... А потом силы стали вдруг возвращаться, напал «работун», и даже захотелось что-нибудь полезное сделать по дому. Получается, выздоровели? Обошлось? А даже и не заметили, когда выздоровели...

«Мама Валя» и тетя Оксана всё еще мучались. И тем не менее:  
– ...Лера, я ездила на огороды, месяц там не была, такой бурьян вымахал! – звонила и причитала теща. – Ты бы знала, как я тебя проклинала!..

Подмывало, конечно, сказать тещеньке пару ласковых, но я в их разборки не лез. Лера всегда после подобных сеансов связи расстраивалась, чувствовала себя виноватой.

– Не принимай близко к сердцу, – утешал я. – Говорят же врачи, что каждый переболеет. Они ж маски не носили, обязательно заразились бы от кого-нибудь. Я ведь тебя не виню, что заболел. Знал бы, где упадешь, соломку подстелил бы. Главное – выздоровели!

Однако жаркое лето было испорчено. Целых полтора месяца ушло на то, чтобы снова ощутить себя здоровыми. Очень хотелось искупаться, хотя бы в Усманке, но боялись подхватить еще и воспаление легких. Бестолковое лето! Бывают же такие!

А пандемия продолжалась. Снова заговорили об очередной вспышке. По стране поползли вверх показатели заболеваемости.

Мы впервые за долгое время вышли прогуляться по набережной. Любовались сверкающими на солнце размеренными волнами воронежского водохранилища.

– ...Зато мы уже переболели, – говорил я. – Теперь у нас есть антитела.

Лера кивала:

– Только потом надо будет сделать прививки.

– Ты им доверяешь? – уточнил я.

– А куда деваться? Не хочу больше так тяжело болеть.

– Да-а-а, это мы еще легко отделались...

Но это мы с Лерой отделались, а вот теще и тете Оксане легче не становилось. Их состояние ухудшалось.

– Надо помочь чем сможем, – заявил я.

Заняли денег у друзей. Благо, что есть надежные люди, которые, даже если сами не имеют нужной суммы, перезаймут для тебя у своих знакомых. Но найти деньги – полпроблемы.

Главное – купить антибиотики, которые вроде бы помогают при коронавирусе. Мы обошли с десяток аптек в разных частях города: и на Московском проспекте, и на «ЮЗах», и на Левом берегу – нигде не было; оказывается, антибиотики в беспокойное пандемийное время раскупались быстрее, чем продукты первой необходимости. И покупали их даже те, кто пока не болел. Или уже не болел. Про запас.

Однако наконец нашли, но тут другая проблема. Оптимальный вариант переправить лекарство в другую страну – автобусом. Мы с Лерой, взмокшие и запыхавшиеся, едва успели на автовокзал за пять минут до отправления рейса. Заплатив пятьсот рублей, вручили водителю маленький пакетик с таблетками.

– Остается надеяться, что всё будет хорошо, – вздохнула Лера.

– Отлично будет, не переживай!..

Особенно Лера тревожилась за тетю Оксану, так, как ни за кого другого, потому что именно та воспитывала ее в детстве. Матери же, искавшей красивой жизни и богатых ухажеров, было абсолютно не до маленькой дочки. Гм, и некоторые потом еще обижаются...

А через несколько дней...

А через несколько дней наши с Лерой жизни круто переменялись.

– Кажется, я беременна...

Я не верил своим ушам. Неужели наконец что-то хорошее в это тяжелое время! Мы страшно желали стать родителями, но всё не получалось. И тут... Ну просто не мог нарадоваться.

Я сидел на лавочке во дворе серо-белой высотки и мечтательно смотрел на синее безоблачное небо, когда Лера вышла от врача и улыбнулась:

– Уже четыре недели.

Срок, понятно, еще маленький, но я, полон энтузиазма, отстранил Леру от работы по дому, запретил поднимать тяжелое, сам убирал квартиру, ходил за покупками, даже стирал. На ней остались только готовка и мытье посуды. Неужели мы скоро станем родителями?! А кто будет: сын или дочка?



– Ты кого хочешь? – спрашивал я.  
– И мальчика, и девочку, – пожимала плечами.  
– А я хочу сына. Надо еще заранее имена придумать. Тебе какие нравятся?

И мы начинали спорить о том, как назвать нашего будущего ребенка. Но это были приятные споры, а всё плохое отодвинулось на задний план.

Увы, всё плохое отодвинулось на задний план до тех пор, пока не позвонила Валентина Васильевна и не сообщила, что тетю Оксану подключили к аппарату ИВЛ. Хорошее настроение тотчас улетучилось. Лера страшно переживала, а ее переживания и боль передавались мне.

Увы, через два дня тети Оксаны не стало. Горько, очень горько... Лера не плакала, не истерила, она у меня сильная. Только однажды вечером, засыпая, я услышал, как она всхлипывает, но промолчал: не стал что-то говорить, утешать, ей нужно пережить это самой.

Поехать на похороны мы не смогли, попросту не было денег. Пришлось занять у друга и послать Валентине Васильевне, чтобы та достойно похоронила тетю Оксану.

Потеря близкого человека – испытание для каждого. Все через это проходят, так, к сожалению, устроена жизнь. Она, как боксер на ринге, который заведомо сильнее тебя, постоянно бьет нас, а мы не можем ничем ей ответить. Ну как, как ударить жизнь так, чтобы та присмирела и опомнилась: «Ладно-ладно, с этими лучше не связываться!» И – убежала с ринга.

– ...Лер, а я такие истории слышал: умирают бабушки-дедушки, кто-то из родственников – и рождается ребенок... Может, в этом и впрямь что-то есть? Какой-то высший смысл, какая-то логика?..

– Не знаю.

– ...Ушедшие как бы... освобождают дорогу, дают возможность родиться новым людям, своим потомкам...

– Я поняла.

Лера была серая, бесцветная, потухшая, не проявляла особых эмоций, но я-то ощущал, какие чувства бушевали в ее душе.

Не знаю, это ли сыграло свою роль или нет...

После очередного обследования у гинеколога, Лера сказала:

– У меня замершая... Плод перестал развиваться...

Внутри всё оборвалось. Наверное, я тоже в один момент посерел.

Она прошептала:

– Надо ложиться на операцию...

И больше ни слова. А какие теперь еще нужны слова?! Никакие не нужны. Ни мне, ни Лере. Вот так вот случилось. Коронавирус ли виной или стресс от потери близкого человека?..

Врачи не знали ответа на этот вопрос. Знал ли его Господь Бог?.. Да он-то точно знал. Надеюсь, когда-нибудь у меня получится спросить его об этом. Без претензии, агрессии и недовольства. Просто, чтобы он объяснил мне, дураку, как это всё устроено...

Леру положили в больницу. Я остался один и отправился бродить по улицам. Одинокий человек, шатающийся без цели, прямо как в юности. Только улицы другие. И город другой...

Устроился на берегу водохранилища. Вода набегала на кроссовки, я раскупорил чекушку. Для начала хватит, потом еще куплю. Как давно я не пил? Да лет пять точно. Но сейчас мне просто необходимо снять стресс. Нет, не напиться, просто выпить и расслабиться, отпустить всё это... И тети Оксаны не стало, и ребенка не будет...

...Ну как, как ударить тебя побольнее, жизнь?!

А ничего-ничего. Мы еще повоюем!..

## **ОТГОЛОСОК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Мой дедушка Толя родился в советское время. Как и многие ребята тех лет, он был пионером.

Быть пионером – привилегия самых лучших, ведь пионер означает первый, тот, кто ведет за собой остальных. Принимали в пионеры на торжественной школьной линейке. Каждый удостоенный этой чести произносил пионерскую клятву, и ему повязывали красный, как пламя, галстук. Пионеры гордились и берегли этот алый треугольник, ведь он – частица знамени страны и Знамени великой Победы.

А потом начинались пионерские будни. Ребята занимались очень важными делами: выпускали стенгазеты, помогали пожилым людям, подтягивали отстающих учеников. Лучшие из лучших становились вожатыми у октябрят. У каждой октябрятской звездочки был свой вожатый, и малыши очень радовались, когда старшие товарищи приходили к ним. Одним из самых важных дел был сбор металлолома. Ребята очищали от лома пустыри, и собранный металл шел на переработку, помогая промышленности страны.

Дедушка часто вспоминает те счастливые дни. Вот фрагмент из его воспоминаний.

– Наш отряд был очень дружным, – начал свой рассказ дедушка. – Мы часто ходили в походы – в лес, в поле. Иногда ночевали у костра. Пели песни, пекли картошку. Чудесные годы!

Был у меня друг Вовка – председатель совета нашего пионерского отряда. Мы окончили пятый класс и ушли на летние каникулы. И я с Вовкой решили заранее собрать металлолом, чтобы потом, когда официально объявят сбор, наш отряд занял первое место.

За домами, где жили, лежал пустырь, а за ним небольшой лесок, где было чем «поживиться»: много там осталось «пода-

рочков» со времен Великой Отечественной. И вот идем мы, рассуждаем о делах отряда.

– Слушай, Толян, у бабы Вали забор совсем покосился. Надо бы помочь, – сказал Вовка.

– Да конечно, – кивнул я. – Завтра же соберу свое звено и поправим. Ребята у меня сильные. А потом махнем всем звеном на речку, с вышки попрыгаем. Ты с нами?

– А куда ж я без вас? – засмеялся Вовка.

Пошли дальше. Где-то стрекотал двигатель трактора.

– Это мой дядька работает. Он сейчас землю на леваде расчищает. Там собираются дорогу строить, – с гордостью сказал я.

– Пойдем посмотрим, – предложил Вовка.

Мы с интересом наблюдали, как ковш вгрызается в землю, поднимает, пересыпает, разравнивает грунт и вгрызается вновь. Но когда ковш в очередной раз зачерпнул землю, мы оцепенели от ужаса: в ковше лежала крылатая бомба.

Вовка очнулся первым.

– Стой! Стой!.. – закричал он.

Но дядька уже и сам заметил страшную находку. Он аккуратно заглушил мотор, спустился на землю, отвел нас подальше от трактора и сказал:

– Значит так, ребятки. Я остаюсь сторожить бомбу, а вы бегом к командиру части. Ему надо срочно сообщить о том, что мы нашли.

Мы со всех ног бросились к расположенной неподалеку воинской части. На КПП преградил дорогу дежурный.

– Нам к командиру! – взволнованно заявил Вовка.

– Ваш пропуск, – ответил дежурный.

– Какой пропуск?! Нам командир нужен! – возмутился я. – Срочно! Там...

– Не положено, – отрезал дежурный. – Часть – это режимный объект.

– Но там бомба...на леваде... ковш трактора поднял... Она же взорваться может, люди пострадают! – затараторили мы с Вовкой.

В итоге дежурный передал информацию командиру части. Наша миссия была исполнена.

Военные оперативно оцепили район, прибыли саперы. Бомбу осторожно сняли с ковша и взорвали в безопасном месте. А нам с Вовкой на общем собрании пионерской дружины объявили благодарность.

Этот случай я запомнил на всю жизнь, – закончил свой рассказ дедушка.

...Дедушкины воспоминания словно позволяют мне собственными глазами увидеть то далекое время и тоже почувствовать себя частью большой и славной семьи, имя которой – «Пионерия».

## **СОЮЗ АЛЫХ ГАЛСТУКОВ**

Наступили летние деньки, впереди целое лето... Запах смородины, клубники, малины. Ах, лето, как же прекрасно пение птиц, которые сидят на ветвях яблони!

– Все мои друзья уже купались в речке. Можно мне тоже? – спросила я у мамы.

– Леночка, прошло только три дня лета, еще успеешь купаться, давай лучше собирать вещи.

– Ла-а-адно, – протянула я нехотя. – А что нужно делать?

– Поедем к бабушке и дедушке. Ты сможешь им в огороде, а мы займёмся разбором чердака.

Я очень любила ездить к бабушке с дедушкой, жившим за городом. Мы с родителями приезжали к ним как на дачу. Там стояли загородные дома, в которых горожане в летнее время отдыхали от жизни в квартирах, занимались огородом, садом, цветами. У меня было много друзей; мы купались в реке, протекавшей недалеко от домов, гуляли, собирали полевые цветы, забирались на деревья, качались на качелях и почему-то вообще забывали про гаджеты.

– Лена, ты готова? – спросила мама.

– Да, готова.

Родители положили мой чемоданчик в багажник. Сегодня дорога была быстрая, без пробок, и уже через час мы прибыли к бабушки и дедушкиному дому.

– Приехали! – крикнула бабушка.

– О-о-о, Леночка, иди сюда! – обнял меня дедушка.

– Как же ты подросла за эти два месяца! – восхищалась бабушка.

После горячей встречи мы вошли в дом, передохнули с дороги, поболтали о том о сем и взялись за дело.

– Мам, в общем, вы с Леной в огороде, а мы с Владом на чердак.

Я не хотела идти в огород, потому что там были насекомые, которых я жутко боялась.

– Ну ма-а-ам, не хочу в огород, можно тоже на чердак?

– Лена, там очень много пыли, – покачала головой мама.

– Да ладно тебе, Диана, возьми её с собой, – сказала бабушка. – А нам Влад поможет.

Я обрадовалась. Мы разделились, папа пошёл с бабушкой и дедушкой в огород, а мы с мамой забрались по лестнице на чердак. Там увидели пять каких-то сумок, белый чемоданчик, почти как мой, и ворох пыльной одежды.

– Мам, а что это за чемодан? – спросила я в недоумении. – Ведь у меня такой же, только розовый.

– Не знаю, надо спросить у бабушки.

Я думала, вещей будет больше, но справились мы быстро. Особых сложностей не оказалось: просто спустили вещи вниз, отряхнули от пыли, помыли стены, потолок и полы на чердаке, а потом принялись разбирать «добычу».

Мама сказала:

– Лена, позови остальных, будем решать, что выкинуть, а что еще пригодится.

Когда все собрались, я спросила:

– Бабушка, а что это за чемодан? У меня такой же, но розовый!

– А это, Леночка, была моя походная сумка.

Она открыла чемодан, а внутри чего только не было! Но больше всего меня привлёк красный платочек.

– Бабуль, а этот платок зачем?

Бабушка улыбнулась:

– Это не просто платок, а галстук.

– Какой ещё галстук? – не поняла я.

И бабушка начала свой рассказ:

– Когда мне было столько лет, сколько тебе, я была пионеркой...

- Как это? - перебила я.
- Да ты слушай! У нас, пионеров, была даже своя песня:

Взвейтесь кострами синие ночи,  
Мы пионеры – дети рабочих.  
Близится эра светлых годов,  
Клич пионера: всегда будь готов! – пропела бабушка.

Так звучал гимн юных пионеров 1960-х годов, а я в то время состояла в пионерской дружине имени Алексея Маресьева. Вступая в пионеры, мы торжественно давали клятву продолжать дело наших отцов, быть трудолюбивыми, послушными, честными гражданами Союза Советских Социалистических Республик. Это была такая гордость – вступление в пионеры! До сих пор помню день, когда мне повязали на шею красный галстук...

- Да-а-а, было время, – перебил бабулю дедушка, явно решив дополнить её рассказ.

- Знаешь, Леночка, с самых первых дней вступления в пионерскую организацию мы считали своей обязанностью стремиться к труду, созиданию, быть первыми во всех начинаниях. Мальчишки и девчонки устраивали субботники, шефствовали над малышами октябрятами, работали на уборке урожая, собирали металлолом, макулатуру, помогали беспомощным старикам...

Мы с родителями слушали с огромным интересом.

И снова продолжила бабушка:

- Я вспоминаю такой случай. Газеты в те дни писали: «Сделаем наши улицы и жилища чистыми. Чистота – преграда болезням. Присоединяйтесь к общенациональной кампании борьбы за чистоту!» И наш пионерский отряд имени Лёни Голикова откликнулся на этот призыв партии и правительства. Все вместе мы вышли на улицу, убирали мусор, подметали тротуары, ремонтировали заборы и даже хотели навести порядок в одном из дворов, но хозяин не впустил, да ещё и на-



кричал: «Ишь, чистюли нашлись! Делать вам нечего!» Но мы подкараулили, когда он ушел в магазин, и всё-таки навели порядок во дворе...

Опять подключился дедушка:

– Мы с удовольствием выполняли любые поручения по охране зелёных насаждений, очищали скверы, парки, посадки, лес от мусора и валежника, участвовали в сборе лекарственных трав. А самых отличившихся пионеров поощряли, занесли их имена и фамилии в Книгу почёта дружины. В канун же праздника Победы юные пионеры по решению ЦК ВЛКСМ ежегодно проводили Вахту памяти, направленную на расширение знаний школьников по истории Великой Отечественной войны. В дни Вахты памяти тимуровцы встречались с ветеранами войны, вручали им подарки и поздравления.

– А ещё мы играли в военно-спортивную игру «Зарница». И ещё у нас были пионерские сборы. В соответствии с законами и правами пионеров, обсуждали не только то, как учиться пионер, но и его участие в совместных делах пионерского коллектива. Сборы помогали морально подготовить нас к вступлению в комсомол. В общем, это было по-своему прекрасное время! – подвела итог воспоминаниям бабушка.

Мне было очень интересно. Я слушала и пыталась представить всё это. А надев на шею галстук, сказала:

– Теперь я тоже в Союзе алых галстуков! Отряд, стройся!.. – И побежала собирать друзей, чтобы рассказать им о том времени, когда все дети не только радовались жизни, но и имели ответственность, были отзывчивыми, добрыми и помогали старшим.

## **МИЛАШКА**

Взгляд бесконтрольно перепрыгивал с одной елочной игрушки на другую, пока не остановился на покрытом снегом маленьком домике. Огни гирлянд заставляли его ярко блеснуть. Я всегда старался разместить их рядом для достижения этого эффекта, ведь домик – моя самая любимая игрушка ещё с детства.

Интересно, а зачем я вообще елку в этом году поставил? Я же не делал этого много лет подряд. Может, теперь по привычке. Из-за Алены, своей бывшей девушки, с которой мы давно расстались, эта традиция была возобновлена. Сейчас, видимо, сработал рефлекс.

Когда елка уже стояла в комнате, я понял, что не было смысла ее покупать, что это бесполезная трата денег. Но потом успокоился, да и запах хвои зеленой красавицы подействовал ободряюще. Ну и как всегда процесс украшения, любимый с детства, сыграл в пользу покупки.

И вот теперь, исколов все руки и испачкавшись в смоле, потому что верхушку пришлось немного подпилить, чтобы лучше смотрелась звезда, я валялся на диване и любовался результатом своих действий.

Мне нравятся старые игрушки. Все эти зайцы, медведи и барабанщики на прищепках, шарики с фосфоресцирующими в темноте рыбками, сосульки, домики и многие другие. Это действительно настоящие игрушки. Глядя на них, возникает ощущение праздника, в отличие от пластмассовой дребедени, что продается сейчас по всем магазинам.

Интересно, что стало с теми игрушками, которые нашел мой отец? Теперь этого не узнать. Я помню тот год. Мои родители были уже несколько лет в разводе, и жил я с мамой.

А именно тот Новый год я впервые за долгое время проводил с папой. Он хотел меня порадовать и тоже купил елку, как и мама. Я тогда сказал ему, что наряжать всё равно нечем, ведь игрушки были забраны после развода. Отец только улыбнулся и ушел минут на пять, а вернулся с целым коробком старинных игрушек. Многие из них были такие же, что у меня, но некоторые оказались даже старше.

И снова воспоминания, связанные на этот раз с другим Новым годом, еще до развода. Это сейчас елка стоит в треноге, а раньше папа каждый раз делал крестовину. Да уж, я до сих пор чувствую за собой вину. Маленький требовательный ребенок, который желает наряжать елку прямо сейчас, а не терпеть до следующего дня. Однако старая крестовина сломалась, и отец решил сделать новую. Хотел обработать на пилораме, но из-за того что спешил для меня и позднего времени суток, попал себе по пальцам. Нет, слава богу, не отрезал, но указательному и среднему досталось конкретно. Если бы он был жив, я бы попросил прощения, а тогда еще ничего не понимал.

С возрастом елочная тема как-то заглохла. Смысл? Это детям в радость, а я Новый год даже за праздник особо не считаю. Ну, будешь ты теперь в документах писать не одну цифру, а другую. И это праздновать? Такое же отношение и ко дню рождения. Ты в этот день стал на шаг ближе к смерти. Капец, как весело, обязательно нужно отметить!

Только когда начал встречаться с Аленой, запах елки вернулся в дом. Она очень любила все эти традиции и связанные с ними процедуры. Так что пришлось мне отступить перед ее напором.

И помню еще один Новый год, который провел с Аленой. Когда били куранты, мы находились не за праздничным столом, а в постели. Два молодых беззаботных человека, думающих, что раз уж встретили этот год в постели вдвоем, то и дальше будем вместе. Я тогда сидел, привалившись спиной к стене, и просто любовался, как огоньки гирлянд отражаются в капельках пота на ее обнаженном теле. Кто же тогда знал,

что вскоре придется расстаться, причем из-за обстоятельств, которые от нас вообще не зависели.

Ладно, хватит предаваться воспоминаниям, и к тому же вся эта лирика не накормит желудок, который уже начал понемногу урчать. Почесал за ушком маленькую мягкую игрушку, что примостилась у меня на животе:

– Ну что, Милаш, пора бы и ужином заняться, правда?

\* \* \*

Милашка всегда была для нас чем-то особенным. А началось это давным-давно. Я тогда перенес с разницей в месяц две операции. И вот, после то ли первой, то ли второй выписки, ожидал на вокзале автобус, чтобы вернуться домой. Еще целый час праздного шатания. Наматывал круги у всех ларьков, от нечего делать глаза на витрины. Прошел мимо одной раз, другой, третий. Взгляд цеплялся за маленькую игрушку. Я смотрю на нее, она смотрит на меня. Большая голова, на которой выделяются круглые розовые ушки и крупные глаза, в центре черные, а по краям ярко блестят розовым. Носик и ротик вышиты нитками. Верхние лапки, будто в варежках, раскинуты словно в приветствии, а нижние – плоская платформа, из-за которой кукла находится всегда в сидячем положении, а на платформе нарисованы лапки. Шерстка же в основном серая с вкраплениями розовых и черных пятнышек.

Вот этот-то маленький зверек непонятной видовой принадлежности и стал подарком для Алены. А в дальнейшем, то ли шутя, то ли всерьез, мы стали считать игрушку чуть ли не членом семьи. Имя же приклеилось мгновенно – Милашка, она же действительно очень милая.

Сложно сказать, с чего все началось и почему. Сперва это были простые ситуации, вроде той, когда один читает книгу, а другой берет Милашку, заглядывает на страницы и спрашивает тоненьким голоском: «А что это ты тут делаешь?» И число таких ситуаций росло просто неимоверно. Постоянно в тройственном «диалоге» кто-то из нас играл роль Милаш-

ки, причем во время этого часто менялись. А если собирались смотреть какой-нибудь фильм, всегда брали ее к себе. Обычно Милашка восседала на моем плече и с интересом глазела в экран монитора либо телевизора. Черт подери, да мы даже ее «кормили»! Ведь она постоянно требовала вкусняшек.

Слушайте, не знаю, с чем это связать. Не исключено, нам не хватало домашнего животного. Мы оба хотели кошку, но возможности не было. Раньше у меня была, но заболела и умерла, в ветклинике не помогли. А всё потому, что у одной соседки двадцать с лишним кошек. Живу же я в частном секторе, и Масяня (оригинальная кличка, да?) любила часто гулять. Особенно зимой.

Когда она впервые увидела снег – это было нечто. Сперва тыкалась в него мордочкой, а затем как нырнет и помчит вперед, только хвост, точно акулий плавник, торчит из снежной белизны. А летом этих заморышей, которые и выглядели-то не кошками, а жертвами холокоста, выпускали наружу. Причем все до единой больные, будто те же фрицы над ними опыты ставили.

Вот так Масяня и заразилась. В какие только инстанции не обращались соседи, включая меня, – без толку. Пару раз приезжали проверки, грозили пальчиком и уезжали. Вот и всё.

И это было после первой операции. Мы с Аленой уже несколько месяцев жили вместе, и она ждала меня дома. Ну и, из-за одиночества и волнений за меня, стала периодически делиться переживаниями с игрушкой. Даже привезла Милашку с собой, когда я второй раз угодил на больничную койку. Да уж, были времена.

А затем понеслось на автомате. Садимся ужинать – берем Милашку. Смотрим фильм/мультфильм/аниме/просто любую хрень на Ютубе (выбор по вкусу) – берем Милашку. Работаем/играем за компьютером – берем Милашку.

Маленький чудной зверек начал по сути обладать своим характером и своими мыслями, которые были эдаким симбиозом меня и Алены. Мы даже часто обсуждали тему того,

что человек обязательно оставляет на предметах, его окружающих, частичку себя. И если бы это могло оживить Милашу, то она давно уже носилась бы по дому самостоятельно, а не у нас на руках.

И Милашка стала той самой отдушиной, которая помогла мне в первые дни после расставания с Аленой. Эх, было бы гораздо проще, кабы кто-то из нас сам решился на разрыв отношений, а не так, как получилось в итоге.

Короче, мама Алены свинтила с молодым любовником еще когда дочери было восемь лет. И девочка осталась на попечении отца. Он ее искренне любил, что было видно невооруженным глазом. Выражалось же это отнюдь не в подарках, хотя деньги у него водились, – сперва работал в налоговой, потом умудрился пролезть в городскую думу. Сколько раз я видел в глазах Алены тепло и любовь, когда рассказывала что-либо о своем папе.

А вот меня он, если честно, недолюбливал, правда, палки в колеса наших отношений не вставлял. Недолюбливал же потому, что считал меня не особо достойным дочери. Я догадывался, почему. Пик нашего романа пришелся на тяжелую пору больницы и потери работы. Я – компьютерный техник и работал у частника. Зарабатывал, в принципе, адекватно. Но неожиданно выяснилось, что у меня сильно искривлена носовая перегородка, да еще и киста обнаружилась в пазухах справа. Тогда и была первая операция. Но моему ИП не понравилось, что я засиделся на больничном, и пришлось выйти раньше, хотя толком не долечился. Так после выхода на работу еще и высказали, мол, атата, нельзя так долго отсутствовать. Я скрипнул зубами, но сдержался. При повторном же осмотре выяснилось, что перегородка срослась криво и нужна повторная операция. Но вместо заявления на отпуск либо предупреждения о новом больничном я просто уволился. Здоровье всё же важнее.

Пробыв на бирже чуть больше месяца (пробыл бы меньше, однако после двух операций, да еще в холода, нужно было

отлежаться дома), наконец-то удалось найти хоть что-то по специальности. Инженер в государственном учреждении. Да, зарплата не бог весть какая, но зато график работы нормальный. У ИП же, бывало, неделями без выходных пахал. Конечно, и другие варианты присутствовали, но часть объявлений были связаны с фирмами-однодневками, где-то – типичный лохотрон: отработаешь испытательный, а тебе скажут, что не подходишь. К тому же нужно было такое место, где я хоть как-то смогу реабилитироваться со здоровьем.

Так что, по мнению отца Алены, я был не особо благонадежным в финансовом плане. Ну, тут даже не спорю. Правда, помимо основного заработка, приходилось еще заниматься халтурами, связанными всё с теми же компьютерами. Как пример – переустановить у кого-либо дома ту же систему. (Не совсем, конечно, лицензионную, но тсс, все-таки в госучреждении работаю.)

Однако Алене было плевать на мой достаток, и когда всё это случилось, мы уже некоторое время жили вместе. Девушка была чуть младше меня и заочно училась на педагога. Странное решение, верно? Ведь средства и связи отца позволяли ей выбрать более престижную и прибыльную профессию. Но Алена хотела учить детей. Отец же оплачивал лишь обучение, денег у него она никогда не просила, подрабатывая в местной библиотеке. Чтобы облегчить ей обучение, я собрал из старых деталей второй компьютер. До этого долго улучшал свой, и от прошлого ящика остался только корпус. В итоге просто купил еще один коробок и запихнул в него предыдущие остатки.

...И – в один день всё рухнуло. Алена вернулась домой в слезах. Из ее сбивчивого рассказа стало ясно, что им с отцом необходимо покинуть страну, несмотря на собственное нежелание уезжать. Причины пока объяснить не может. Так мы и провели вечер – ее постепенно прекращающиеся слезы, всхлипы, и пустота и боль в моей душе. Сложно описать эмоции, что я испытал. Ведь мы действительно любили друг друга, и нашей вины в разлуке не было, отчего становилось только хуже.

Ведь согласитесь: гораздо проще винить в разрыве партнера, в редких случаях – себя. А сейчас – всего лишь казенные слова об обстоятельствах непреодолимой силы.

В общем, больше мы с Аленой не виделись, если не считать общения по веб-камере. Из него, а еще отчасти из программ новостей, я и узнал причины столь стремительного отъезда. На Алениного отца завели дело о коррупции. Правда это или нет – не мне судить, но его решили посадить. К тому же велика вероятность, что он мог потянуть за собой и других, да и компроматы пока никто не отменял. И, почувяв, куда ветер дует, отец, предвидя последствия, заблаговременно свалил вместе с дочкой за бугор. С одной стороны, я его в какой-то мере виню в том, что теперь между мной и Аленой многие тысячи километров. С другой – благодарен ему: отец защищал свою дочь, ведь не известно, что бы с ней стало, останься в России. Давление на родственников – классический метод воздействия на человека.

Поэтому у нас теперь лишь переписка да звонки. Первое время было очень тяжело и даже не верилось, что, скорее всего, уже никогда не увидимся, только на экране монитора. Либо через кучу лет, когда и чувства изначальные забудутся, и мы просто с тихой ностальгией будем предаваться старым воспоминаниям.

А Милашка осталась со мной. Алена так решила – на память о ней. Памятуя о том, как оба относились к игрушке, это было правильно. В итоге теперь мы живем вдвоем – я и Милашка. Уже почти два года.

Только не сочтите меня душевнобольным – два года «созительства» с мягкой игрушкой! Нет, я, конечно, искал себе пару. Ну, не сразу после разлуки, спустя время. В основном это были краткосрочные отношения уровня потусить с недельку, переспать и разбежаться, плюс-минус пара дней. Бывали, правда, и исключения, но, к счастью, закончившиеся ничем.

Вечерами я подрабатываю на дому у клиентов. Кому систему переустановить, кому ящик от гадости почистить, ви-



русы погонять. Автомобиля нет, так что передвигаюсь либо пешком, либо на маршрутках. А всё почему? – работа в государственном (!!!) учреждении дарует вечную бедность. На минималку тяжело прожить, потому и перебиваюсь дополнительными заработками. И, возвращаясь к отцу Алёны, – я его не осуждаю, будь он хоть трижды взяточником. Уверен – на его месте поступал бы так же. Кушать всем хочется.

И вот однажды мне позвонила одна из клиенток – тетка Верка. Вреднющая, словно ее каждый день собаки кусают, причем явно бешеные. Я бы давно ее на хрен послал, да платит щедро, посему и терплю. Но сейчас просто подзавис: ведь всего неделю назад ей систему переустанавливал! Как за неделю ухитрилась ее угробить?! Ууу, человеки, глупые создания!.. А была суббота, одиннадцать утра, дикая рань, когда я еще дрыхну без задних ног. Ясен фиг, не горел желанием к ней идти, хоть тут пешком минут семь-восемь. Увы: в итоге жажда наживы оказалась сильнее лени.

А компьютер, как выяснилось, в полном порядке. Так, мелочь всякая, что специальных знаний не требует, обычный пользователь сам поубирает. И уже в тот момент меня стали терзать смутные сомнения. Тетка Верка отнюдь не дура, да и чуть ли не авансом деньги сует. Что-то подозрительно. А-а-а, ладно, главное – деньги.

Предчувствия не обманули. Оказывается, к тетке Верке приехала на каникулы племянница. И учится она, представьте себе, как раз на компьютерщика, так мне ее представили. Я скептически отношусь к этому слову, уж больно компьютерщик – понятие растяжимое.

Но что удивительно, я повелся! Вполне симпатичная девчонка, кому-то покажется даже красивой, улыбчивая, шустрая. И ей нравится компьютерная техника: сразу засыпала десятками вопросов. Я же, окрыленный любимой темой, не сразу заметил, что вопросы повторяются, многие донельзя глупые и она просто не запоминает то, что я сказал. Нет, она действительно училась, но вот мозгами бог обделил.

Поначалу все шло очень даже неплохо: свидания, прогулки, увеселительное времяпрепровождение в постели, где племянница тетки Верки оказалась вполне себе... Но тогда-то я и заметил первые странности. Милашка обычно сидела на своем месте в кресле, повернутая к окну, а сейчас... Сейчас она смотрела прямо на меня во время, гм, процесса. Причем смотрела с осуждением... Да что за мысли лезут в голову не вовремя!..

Тетка же Верка всеми силами сватала меня своей племяшке Дашке. Сначала никаких инсинуаций по поводу имени той у меня не возникло, но затем так и лезло в голову: «Если Катя не катит, Люба не любит, Света не светит, то есть тогда Даша, которая всегда молодец!» Потому что с какого-то момента нас стали связывать только сексуальные взаимоотношения. А помимо этого с Дашкой было скучно и неинтересно. У нее один лишь ветер в голове. Про таких на старом месте работы мы говорили, что к нормальной жизни они не приспособлены – ни по дому прибраться, ни еду приготовить, да просто жить, при том не присоавшись (во всех смыслах) к какому-либо благодетелю. Ну, или к богатому папику, если очень повезет.

Конечно, можно было продолжать эти постельные приключения, но в конце концов опостылело! Даже нормально поговорить не о чем! Айкью табуретки! Мы часто с неким сотрудником вели по этому поводу беседы. Была одна студентка, которая ходила в магазин копии делать за всю группу. А мы предложили ей купить принтер и печатать самой. Мол, зарабатывай на этом и спекулируй, как незабвенный Чичиков. Тот же еще до мертвых душ спекуляциями чуть ли не с детства занимался. А она вылупилась на нас: какой такой Чичиков? И вот мы рассуждали, что интеллект в девушке не главное. Мне было сказано: ты что, хочешь заниматься сексом с академиком, чтобы с нее очки слетали, а сама в это время размахивала своими дипломами и диссертациями? Весьма красочное зрелище, как я себе представил. Хотя ответил, что лучше уж так, чем иметь табуретку на четырех кривых ножках.

Но интеллект Дашки – одна проблема. Другая – тетка Верка. Та становилась всё назойливей и назойливей. Чем я Дашке ее не жених? Парень молодой, видный, и жилье свое есть. Да к тому ж программист! А это нынче самая лучшая и дорогая работа! Ведь быть программистом – стильно, модно, молодежно!.. (Ну, во-первых, не программист, а техник (терпеть не могу, когда любого растяжимого компьютерщика сгребают в единого программиста), а во-вторых, частными походами занимаюсь отнюдь не от хорошей жизни.)

Но слава богу, каникулы кончились и Дарья свалила обратно в свой город. Какое-то время мы еще переписывались, а потом прекратили. Мне Дашка была безразлична, она же ожидала другого отношения. Ведь дорогих подарков я не делал, пышно не ухаживал и прочее. Не, а на фига? Смысл на ножку табуретки прицеплять дорогостоящие часы, к примеру? И тетка Верка тоже отстала. Нет, продолжала обращаться по делу, но смотрела так, будто я мешок картошки у нее спер. Правда, выбора у тетки Верки не было: я брал за работу дешевле, чем многие другие.

И второй случай тоже связан с частными походами. В общем, какие-то знакомые знакомых посоветовали меня как специалиста третьей знакомой. Ирина – коротко стриженная брюнетка со спортивной фигурой. Белый короткий топ, открывающий покрытый бисеринками пота плоский животик. Пока ждала меня, занималась на велотренажере. Без лишних экивоков объявила о наличии вирусов на ноутбуке, с которыми самостоятельно справиться не смогла, но на всякий случай сохранила все данные, если вдруг придется восстанавливать систему. Такой практичный и толковый подход меня приятно удивил.

С работой я справился быстро. Когда знаешь, что и как лечить, то процедура занимает незначительное время. Под финальные же щелчки мышью мне был предложен чай, отказываться от которого я, разумеется, не стал.

А спустя неделю у Ирины действительно накрылась система, но виновато было криво установившееся обновление. Это был первый и последний раз, когда я у нее переустанавливал

винду. Потом прозвучал шуточный предлог заглянуть, так сказать, на другой чай.

...Шел уже второй месяц нашего, кхэм, общения. Говорить о каких-то сверхчувствах не стоит, зато нам друг с другом было комфортно. Даже подумывал предложить ей переехать ко мне, но пока не спешил.

В какой-то момент уровень доверия подрос, и Ира спросила, почему я не найду работу получше. Честно ответил – после двух операций еще не полностью восстановился и с более энергоемкой работой мне пока тяжело. Думал, что после этого будет разлад, все-таки не гребу деньги лопатой и в гараже у меня не «бэха» и не «мерин», а куча хлама. Но нет, Ирине это было не важно.

И все бы ничего, пока в один прекрасный день я не явился к ней раньше условленного. Нет, никаких любовников не застукал. Просто увидел, как она усаживает в автомобиль мальчишку лет восьми, который уж очень похож на нее. Моя Иринка оказалась с «прицепом», который умело прятала до сего момента. Нет, наличие «прицепа» (ну ладно, ладно, ребенка) меня никогда сильно не напрягало. Придерживался такой позиции, что если встречу девушку, у которой уже есть ребенок, то это не вызовет особенных осложнений. Я не стану кидаться высокопарными словами, мол, буду любить его как своего. Это глупо. Я буду его любить, но как ее ребенка. И захочу потом общего. Но никогда не стану их делить и обделять не моего вниманием.

Здесь же все вышло несколько иначе. Отношения продлились еще месяц, пока я ее не бросил. Сперва все началось со скандала, истинную причину которого Ира переврала. Я был возмущен не тем, что у нее «прицеп», а тем, что утаила. На это получил ответ – опасалась, что брошу ее из-за правды. В общем, я неотесанный мужлан, который не понимает, что ей тяжело воспитывать сына, что ему нужен отец и прочее, прочее. А то, что мальчик уже несколько месяцев живет у бабушки с дедушкой, – никого не колышет, пускай под ногами не мешается, пока мама папку ищет.

Ладно, черт с ней, с такой позицией. Дальше – хуже. Теперь, когда у Ирины появился я и узнал ее маленькую тайну, можно уже и со мной оставлять мальчишку. Пока она будет заниматься своими делами, я должен сидеть с ее отпрыском. Серьезно? Можете сразу начать кидаться в меня гнилыми помидорами, однако я невзлюбил его моментально.

Нет, понятно, всего девять лет, но он глупый, необразованный и бескультурный пацан, от которого слышно только «Дай!». И есть с кем сравнить. Имеется у меня племянник, уже почти совершеннолетний. В те стародавние времена ему было десять лет, а я был тем еще задротом. Особенно любил танки. И как-то оказался в гостях у родственников. Илья (племяш) тоже тот еще танкист. И начал допытываться у меня, на чем ежжу да как играю. Сперва я думал, что и из пацана действительно растет задрот и родители болт положили на то, что он уйму времени у компа проводит. Но всё оказалась гораздо лучше, чем я мог представить. Илья тут же, с ходу начал сыпать десятками фактов о разных танках: когда велись разработки и испытания, кто создатель, в какие годы войны и где принимали участие. С гордостью показал книжные полки, заставленные энциклопедиями, посвященными данной тематике. И, что больше всего поразило, он уже в этом возрасте занимался весьма неплохим моделированием. В данный же момент на его рабочем столе потихоньку собирался советский тяжелый танк «ИС-3». Это увлечение так и не было заброшено спустя годы, даже наоборот.

Но еще хуже – постоянные звонки Ирины по поводу и без. Вот мой Лешенька получил четверку за стихотворение. А вот он случайно на труде порезался. А вот он сам лучшие скидки в магазинах выбирает. А вот то, а вот се... Да как же надоело! Такое чувство, что она мне не про сына рассказывает, а про племенного жеребенка, который вообще-то крашенный, но его обязательно нужно втюхать какому-нибудь лошку. Сплошная реклама, от которой уже тошнит. И почти каждый такой разговор заканчивался просьбой (требованием) посидеть с маль-

чишкой. Снова звонок, снова реклама, динамик я постоянно забываю приглушить, и теперь даже на отдалении телефона на вытянутой руке я продолжаю слышать одно и то же, одно и то же... Повернул голову и увидел Милашку. И она смотрела на меня с сочувствием.

Я уже начал думать, как бы тихой сапой срулить в туман, как всё разрешилось само. В этот выходной мне пришлось встать пораньше, чтобы прибраться по дому. С друзьями просто без повода решили собраться по классике – выпить, поболтать. К тому же дом немаленький, можно остаться с ночевкой, так что ограничений по выпивке практически нет. И – вуаля! Звонок! Думал, это Коля, он любитель заявиться пораньше, но нет, Ира. Хочет, чтобы я опять побыл с ее сынком. На что я ответил: предупреждал же заранее, что в этот день буду с друзьями. Нет-нет, Ира в курсе, Ира помнит, ничего страшного, посидим все вместе, и мальчишке веселее, и мы при деле. Одновременно со свистком электрочайника на кухне рванул мой мозг, и я высказал всё, что думаю о кобыле по имени Ира и ее жеребенке Леше! Хэппи энд! Теперь у меня появился уважительный повод выпить и отметить столь прекрасное событие.

А в дальнейшем жизнь текла по тому же руслу, не растрачиваясь ни на что особенно серьезное.

\* \* \*

За пару месяцев до Нового года я стал замечать некие странности. Прихожу с работы на обед (благо идти две минуты), а телевизор почему-то включен. Списываю на то, что утром забыл его вырубить. Просто когда собираюсь на работу, ориентируюсь во времени при помощи телепередач. Началась погодная сводка – всё, пора бежать, а то опоздаю.

Поначалу даже не обращал внимания, с кем не бывает. Но потом такое же и с компьютером стало происходить. Так ладно еще, что с моим – его я часто оставляю работающим, чтобы скачать новый сериал или аниме. Но нет, это компьютер, собранный для Алены.

Иногда заглядывал в холодильник, думая, что остался маленький кусочек колбасы или сыра, а там пусто. Может, уже съел, да из башки вылетело?

Милашка тоже вела себе странно. Я укладывал ее на подушку так, возвращаюсь – совершенно иначе лежит. Или же она оказывалась в комнате с телевизором. С утра с ней носился и оставил там?.. Короче, в какой-то момент стало казаться, что схожу с ума. Хотя, с другой стороны, – усталость и недосыпание, плюс нехватка витаминов. Отсюда и рассеянное внимание, и забывчивость?..

Последний рабочий день перед зимними праздниками. Только вернулись с обеденного перерыва, как созвали на внеплановую планерку, где всех поздравляли с наступающим Новым годом уже давно набившими оскомину словами. Но что приятно: тут же отпустили по домам. С одной стороны – класс, а с другой – нельзя было до обеда поздравить? Ну да ладно. Я же ерзал как на иголках, ведь, кажется, дом забыл запереть. Так что бежал обратно весьма быстро.

Дорожку во дворе я почистил хорошо, даже обувь не пришлось от снега отряхивать. Из прихожей, еще не раздевшись, сразу направился на кухню попить воды. И... малость впал в ступор от увиденной картины – на столе сидела Милашка, а рядом с ней лежал надгрызенный кругляш докторской.

Я хмыкнул. Это кто же завалил в открытый дом, чтобы этак прикольнонуться? Кто-то из друзей? Вроде все пока на работе. Родственники? Тоже не вариант, в чем смысл такого подкола? Да и следы от снега в прихожей должны были сохраниться.

Подойдя к столу, я наклонился и вперил суровый взгляд в Милашку:

– Ну и что сие означает?

Ответа, ясно, не ожидал, и уже собрался развернуться, как Милашка понуро опустила головку и в тишине раздалось:

– Блин, спалилась...

...Допустим, упавшую на пол челюсть я сумел быстро поднять и вставить обратно, но вот брови с потолка отдираться не хотели категорически.

– Какого х...?!

А Милашка уперла лапки в бока и прошипела:

– Чего ругаешься?! Нос откушу!

– Хандец...

В голове продолжал крутиться всё тот же матерный вопрос, но ответа на него, пусть даже и матерного, всё равно не было. Офигев от происходящего, я направился к холодильнику:

– Щас напьюсь...

– Ха, у тебя в холодильнике ничего забористей пропавшего молока отродясь не было!

– Да ну?! Мы с друзьями часто у меня собираемся выпить.

– Ага, только вся выпивка не доживала до холодильника!

– А это? – Схватив упаковку апельсинового сока, я потряс ею над головой. – Напиваться буду этим!

– Шиза.

Вот про шизу нужно бы мне говорить, а не игрушке. И зачем вообще с ней пререкаюсь? Форменные же глюки! Видимо, действительно стоило витаминчиков принимать. Но кто ж знал-то?!

Взяв стакан, я налил сока до краев и залпом выпил. Однако только поставил его на место, раздалось возмущенное:

– А мне?!

То ли мой мозг полностью отключил свое нормальное функционирование и адекватность, то ли еще по какой причине, но я вновь наполнил стакан. Милашка приблизилась к нему странными прыжками, обхватив лапками, припала к краю, и на моих глазах оранжевая жидкость начала исчезать. При этом ротик из ниток даже не открывался. А потом:

– Блин, почему холодный?! Я аж охрипла! Еще и ты заболеешь, станешь гриппозной бактерией и будешь чихать и соплевить. Меня заразишь!

Нет, ну не должно это быть реальностью! Может, с соком показалось? А в ней самой встроена микрофон, и кто-то из друзей-приколистов сейчас стебется над простачком?

Согласитесь, версия более-менее правдоподобная. Я схватил Милашку и кинулся ее ощупывать, но ничего, кроме мяг-



кого тельца, да горошек влагопитывающий. Милашка же отчаянно сопротивлялась и вырывалась, возмущенно вопя:

– А ну,пусти!.. Хватит лапать, я согласия не давала!.. Руки прочь от советской власти!.. Куда полез, маньячина?! Не трожь попу! Не трожь, кому сказала!! В тапки наассу!!!

Пораженный последней фразой, я замер. Милашка шумно выдохнула и стремительно ретировалась в дальний угол стола, чтобы я сразу не дотянулся. Сама же с подозрительным прищуром наблюдала за мной. А я даже шевельнуться не мог: эта фраза была только наша с Аленой... Хотя... Хотя чем еще маленькая игрушка способна угрожать? Не террористическим ведь подрывом подушки? К тому же Милашка точно к кому-то из семейства кошачьих принадлежит, а из-за окраса мы ее иногда называли леопёрдом. Похоже, отсюда и уши растут тапочные.

– Либо я здорово повредился рассудком, либо это действительно правда?..

Милашка стала медленно приближаться:

– Ну, с мозгами у тебя всегда были проблемы, но при любом из вариантов я реально существую.

Окончательно офигев, я медленно опустился на стул. Несмотря на то, что уже совсем взмок, ведь верхнюю одежду до сих пор не снял, просидел так несколько минут. Милашка же, изредка бросая на меня опасливые взгляды, добралась до недоеденной колбасы и продолжила трапезу. Я обалдело смотрел на то, как кругляш просто исчезает по кусочкам, и только следы от маленьких зубок появлялись то здесь, то там.

– Да как ты это делаешь?!

– Ммм? – промычала игрушка с набитым ртом.

– Как ты умудряешься есть?

– Сищас, прожжжую... Ага, всё... Честно говоря, сама не знаю. Правда, имеется одно предположение. Вы же, когда со мной возились, в том числе и «кормили» меня. Физически я же не могла ничего сделать – вы якобы делали всё за меня. Поэтому... – Милашка изобразила лапками круговые движения. –

Потому это просто условности. Мне необязательно раскрывать рот, чтобы говорить или есть. Необязательно нажимать кнопки на клавиатуре. Нужно лишь находиться рядом – и то, чего пожелаю, произойдет само собой. Условности. Элементарные условности!

Я продолжал сидеть, тупо уставившись в пустоту. Даже если мозги еще на месте, даже если происходящее реально – то как к этому относиться?..

Рука неосознанно потянулась к Милашке, та испуганно дернулась, но я лишь почесал ее за ушком. Спустя мгновение раздалось довольное мурчание. Она обхватила лапками мою ладонь и стала тереться об нее головкой, как кошка.

А я чувствовал в ее лапках силу, чувствовал, как шерстка касается моих пальцев... Милашка... действительно живая? Получается, мы с Аленой вдохнули в нее эту самую жизнь и душу? И что же мне делать дальше?..

Слушай, да всё то же, что и раньше, – ответил себе. Продолжать общаться с Милашкой, кормить ее, развлекать. Только теперь это будет уже, так сказать, по-настоящему, не нужно брать на себя роль маленькой игрушки, которая стала самостоятельной.

– Не отрежешь еще колбаски? Ну пожа-а-алуйста!

Милаша умильно тарацилась на меня. Я лишь хмыкнул:

– Сейчас, дай хоть раздеться...

\* \* \*

Утро 31 декабря. Я стою в магазине игрушек и сквозь зубы тихо матерю себя, людей вокруг, людскую очередь вообще и дебила на кассе в частности. Ах да, еще и Новому году на орехи досталось. Единственное утешение моей злобной душе – хныканье мальчика, из-под носа которого я увел игрушечный танк. Мама оставила его на минутку у витрины, чтобы выбрал себе бронетехнику, и карапуз не отрывал взгляда от советского «Т-34-85». Лучший экземпляр из оставшихся на витрине! Местный ипэшник хоть и затарился заранее, но предпринял

ничный наплыв страждущих сметает всё подчистую. И – за мгновения до возвращения матери я успел схватить танк и дернуть на кассу, увидев в глазах пацана разбитую вдребезги надежду. Прости, парень, но дяде нужней! Привыкай, привыкай к взрослой жизни.

– ...Ма-а-ама, тот дядя забрал танк, который я хотел!

– Ну, ничего страшного, купим другой, посмотри, сколько их тут много.

– Я хотел тот! Мне нужен тот!..

В итоге малыш успокоился после того, как для него vybrали самолет, от которого он оказался в полном восторге. В общем, никто не ушел обиженным. Правда, в очереди долго проторчал.

А потом я отправился к маме. Подарок ей сделал еще несколько дней назад – электрическую мясорубку, она такую давно хотела. Поздравили друг друга с наступающим, поболтали о том о сем. Однако на душе было грустновато. Сто лет не встречал Новый год с мамой. То в компании друзей, то с Аленой, либо и то, и то одновременно. Думал, прийти к маме с ночевкой, но она уже договорилась отмечать с братом. Они с дядей двойняшки, и он собирает всех родственников. Я был тоже приглашен, но отказался: не люблю многолюдные посиделки. С друзьями же – это несколько иное.

Побыл бы подольше, но мама начала собираться. Уходил нагруженный салатом. Накануне я приносил все ингредиенты для готовки. На самом деле рецепт не особо сложный, даже я могу справиться, однако такой вкусный у меня никогда не получится.

Какое же это удовольствие – ввалиться с мороза в теплый дом! Быстренько скинув одежду, я вошел в комнату. Милашка, уже ничуть не опасаясь, упоенно рубилась за компом в какую-то стрелялку. Я нажал на клавишу Esc, ставя игру на паузу.

– Милаш, я купил тебе подарок. Закрой глаза.

Фыркнула:

– Как ты себе это представляешь? У меня даже век нет!

(Маленькая врединка.)

– Условно закрой.

– Ну ладно.

Я быстро распаковал танк, наблюдая, как Милашка нетерпеливо подпрыгивает на месте. После взял ее и посадил на танк.

– Всё, можешь условно открывать.

Игрушка встрепенулась и стала озираться по сторонам. А потом посмотрела вниз, на танк... По-моему, глаза ее сделались в разы больше. Изумленно ахнула:

– Ух ты! Та-анк! Ураааа! Вперед! За Ро... Стоп! – Милашка присмотрелась повнимательней: – А, это же наш? Тогда все верно. Вперед! За Родину!..

Смеясь над ее реакцией, я повел танк в воображаемую атаку, наматывая при помощи пульта управления круги по полу. Милашкины глаза сияли от восторга. Значит, угадал и угодил. Когда мы жили с Аленой, та всегда ложилась спать раньше меня. Я же не мог уснуть раньше часа-двух ночи. И чем заняться до этого времени? То книжку читаю, то фильм посмотрю. А бывало, что в танки компьютерные по настроению рубился. Правда, уже не в те, студенческие, а другие. И Милашка всегда подбадривала меня своими боевыми кличами.

Потом я аккуратно примостил пульт на корпусе танка, чтобы Милашка «условно» могла дотянуться до управления. С чего вдруг решил сделать ей подарок, и не самый дешевый, если она спалилась лишь накануне? А вот решил. Мы проболтали весь вечер и почти всю ночь, и общаться с Милашкой мне было очень уютно. Ведь мы, как говорится, не вчера познакомились – знали друг друга годы. Как призналась, эти метаморфозы стали происходить задолго до моего расставания с Аленой. Правда, тогда она конспирировалась гораздо тщательней, ведь странности мог заметить не только я, но и моя девушка. Хотя раньше какие-либо нестыковки – с включенным компьютером или иным расположением предметов – мы списывали друг на друга, а уж точно не на мягкую игрушку. Ну а в последние месяцы Милашка подрасслабилась.

Характером же она получилась гибридом меня и Алены, и не скажу, что взяла от нас самое лучшее. Таковую врединку еще поискать! И что интересно – Милаша одновременно и напоминала нас, и была абсолютно иной. По сути, симбиоз двух людей, который стал третьим, но уже совершенно другим существом. Словно маленькая душа появилась на свет и заточена теперь в тельце маленькой игрушки. Хотя нет, не верно. Это настоящая душа внутри игрушки, не заточенная, а свободная, которая даст фору многим двуногим, что ходят по улицам.

Пока Милашка развлекалась, я начал выкладывать салат и поставил варить картошку. Достал бутылку шампанского. Пить одному – алкоголизм, но Милашка присоединится. Ей уже несколько лет от роду, даже не считая с момента производства на каком-то китайском заводе. В общем, вполне взрослая, тем более что мы с Аленой невольно заложили в нее характер и привычки нашего ровесника. Короче, ничего страшного не случится, спаивать малолетку я не собираюсь.

Милашка накаталась, но выглядела почему-то грустной – ушки понуро опустились, блеск в глазах потух. Я взял ее на руки и спросил:

– Что стряслось? Подарок не понравился?

Леопёрд вздохнула:

– Понравился, даже очень. Просто... Просто мне нечего тебе подарить. Сегодня праздник, а ты без подарка. Как-то с моей стороны эгоистично.

– Да брось, Милаш! Всё в порядке, я не в обиде. Да и как бы ты могла что-то подарить?

– Не знаю. Но всё равно это неправильно...

Мы занялись приготовлениями. Несмотря на свои размеры, Милашка мне помогала и была очень даже полезна. То вдруг нож под рукой, когда надо, окажется, то картошку в кастрюле сама помешает. Так и прошел у нас предновогодний вечер. Затем поздний ужин – и Милашка со своим «условно» спокойно умяла порцию не меньше моей. Не удержался, спросил, как

оно всё в ней помещается? В ответ были упомянуты «условности». Мол, она может условно наесться, условно объесться, но сейчас всё условно же зашибись!

А затем мы залипли на фильме про войну вампиров и оборотней. Слава богу, снят он был задолго до того времени, когда вампиры превратились в слащавых типов нетрадиционной сексуальной ориентации, что блестят на солнце, а оборотням только дай волю, сразу начнут щеголять голым торсом.

\* \* \*

Шел пятый день новогодних каникул. Гм, вот приклеилось, и всё тут. Хотя и работаю уже много лет, как были эти дни каникулами, так оными и остались. Правда, когда трудился у ИП, праздники ограничивались лишь первым января, а второго – изволь-ка на работу. Хорошо же работать в нашей стране – либо минималка, но зато график божеский, либо зарабатываешь лучше, но отдыхать будешь только два дня в году, причем второй день – собственные похороны. И то начальство позвонит и потребует выйти на работу.

Где-то около половины двенадцатого раздался звонок. Номер оказался неизвестным. В первую секунду даже не взял трубку, думая, что сейчас замолчит. Уже надоевшая тенденция всяких недобанков и жуликов – позвонить и сбросить, чтобы человек сам набрал в ответ. В лучшем случае потратишь только время, услышав в трубке голос бота, рассказывающего про прекрасные кредиты. А в худшем – спишут деньги со счета.

Но рингтон не умолкал, и я буркнул:

- Да?

- Здравствуйте. Гериллов Андрей?

- Э, здравствуйте, да, это я.

- Улица 9-го января, дом 21 – ваш адрес?

- Да, мой.

- Выйдите, пожалуйста, на улицу, вас ожидает курьер.

Немало озадаченный, я начал одеваться, не заметив, с каким любопытством прислушивается к разговору Милашка.

На заснеженной улице меня ожидал дипидишный фургончик, а рядом топтался курьер. Снова были заданы те же вопросы. Я ответил и поинтересовался, что за доставка. Заказ номер такой-то, сумма такая-то, предоплата. От меня требуется только подпись да паспорт, а иначе посылку не получу. Повезло, что документ оказался во внутреннем кармане куртки и не пришлось возвращаться.

Удивленный происходящим, я понес посылку, терзаясь желанием поскорее посмотреть, что же внутри. Размеры средние, но весит от души. Поскользнулся на пороге и ввалился в дом.

Кинув куртку на диван, я взял ножницы и стал аккуратно вскрывать упаковку. Один слой, второй, третий... Обратил внимание на отправителя: магазин, в котором ни разу в жизни ничего не заказывал. Нет, я про него знаю, но – не заказывал. Всё страннее и страннее.

Вот уже снят последний слой, и предо мной оказалось... несколько книг по циклу Warhammer 40000. Я его давно собираю, и именно эти хотел со временем купить. Пока останавливала цена, они дорогие, зато материал обложки и бумага высокого качества. Сорвав полиэтилен, я ощутил непередаваемый запах типографии и еще не читанной книги. А пальцы побежали по белоснежным страницам. Но от кого, от кого такой подарок? Да к тому же именно те издания, которых у меня нет.

Из соседней комнаты выглянула любопытная мордочка. Мордочка она аж светилась лукавством и озорством и явно была дико довольна собой.

– Милашка?! Ты?.. Но как?!

Из ее сбивчивого рассказа стало ясно следующее. Она стала нынешней очень давно, еще до того, как уехала Алена. Открываться же не хотела, боялась. Да и мы относились к ней, как к живой, и к чему всё нарушать? Но когда я и Алена целыми днями пропадали на работе, чем заниматься Милашке? Сперва много времени проводила за просмотром фильмов и компьютерными играми. То-то, повторюсь: замечал: порой что-то не так с моим прогрессом. Да и, бывало, возвращался,

а компьютер включен. Но я списывал это либо на свою, либо на Аленину невнимательность и забывчивость.

В итоге Милашка решила заняться самообразованием. Нет, она не стала изучать русский язык и математику. Мы же с Алёной заложили в нее нашу ровесницу не только характером, но и знаниями, так что она неплохо разбиралась в компах и педагогике. Однако этого ей было мало. Милашка тяготела к знаниям. Она впитывала всё как губка, правда вот, обратно ничего не просачивалась. И обладала просто феноменальной памятью, что ей здорово помогало. Видимо, мое влияние оказалось сильнее, поэтому она подалась именно в компьютерную тематику. Куча самоучителей по программированию, сотни часов отсмотренного видеоматериала. Да взять ту же пресловутую 1С. Если б Милашка не сообщила, никогда бы и не узнал, что на компьютере Алёны была установлена эта программа, в которой Милаха проводила свои эксперименты. Да, кто-то заявит, что самостоятельно многому там не научишься, что нужен тот, кто расскажет и подскажет. Но это их мнение, а у Милашки оно свое.

Затем в ее маленькой головке родилась идея-фикс – рано или поздно придется открыться, а быть лишним ртом на иждивении она не хотела. Потому всем этим и занялась усерднее, чтобы в дальнейшем пофрилансить. Правда, вначале появилась проблема: а куда деньги перечислять? На мой счет слишком палевно, создать свой электронный кошелек мешает отсутствие каких-либо документов. В итоге Милашка нашла мой старый кошелек на вебмани и реанимировала его. Прodelьвала это ночью, забрав мой телефон и поставив его на беззвучный режим, чтобы смс-уведомления меня не разбудили. Она даже как-то умудрилась отключить дальнейшее оповещение о пополнении счета и полностью затерла все следы пребывания за моим компьютером и все смс из телефона.

Начала Милашка с простого – взялась за курсовые работы. Нашла необходимые сайты и стала рыться по объявлениям. Цену пришлось везде предлагать низкую, так как не было у нее еще ни рейтинга положительного, ни отзывов. И мало кто ей



пока доверился бы: вдруг возьмет деньги и ничего не сделает? Или делает так, что отправишься потом на пересдачу?.. Но вот первый студент обратился. За полночь, ему утром сдавать работу, а только сейчас очнулся. Доплачивал за срочность. Студенту повезло, что меня не было дома и Милашка со спокойной душой могла заняться заказом. Ведь сколько она экстренно выключала компьютер, если я просыпался среди ночи.

И – первый довольный клиент и первый отзыв. Затем еще, и еще. К ней обратились и на другом сайте. Дело, как говорится, пошло. Тогда Милашка взялась и за 1С. Здесь было сложнее, так просто не вырвешься из недоверия к молодому специалисту, да и многие сведения об образовании требовали. Правда, тут Милашка схитрила – полностью использовала мое имя и мое же образование. Хотели диплом? Вот, получите и распишитесь. В общем, потихоньку стала известность набирать. Не обошлось и без кидалова, неоднократно причем, но Милашка не отчаивалась и находила более порядочных заказчиков.

Однако больше всего ей нравилось создавать сайты. Если и то, что делала в 1С, тоже можно назвать созданием и творческим процессом, то в данном случае Милашка получала эстетическое удовольствие не только от просмотра сухого машинного кода удачно скомпилированной программы. В общем, проявилась творческая жилка, доставшаяся ей от Алёны. Всё, что выходило из-под ее лапки, было красочным и запоминающимся: идеально подобранные кнопки, рабочие гиперссылки, ничего лишнего не бросалось в глаза, дизайн просто потрясающий! Откуда знаю? А просто маленькая маэстро любит похвастаться и в дальнейшем мне все показала.

...И вот теперь я сидел в немом офигевании. Милашка же, увидев мою реакцию, понуро опустила ушки и вздохнула:

– Тебе не понравился подарок?

Я посадил ее на ладонь и стал чесать за ушком:

– Не говори глупостей! Прекрасно знаешь, что я часто захожу на сайт издательства и слежу, какие новые книги вышли, даже если и не собираюсь покупать. Огромное спасибо!

У Милашки загорелись глазки. Я потерял об ее мордочку носом и продолжил чесать ушко. Она замурылыкала, затем издала короткое «мяк!» и завалилась на бочок.

– Но как же доставка так быстро пришла? Сегодня только пятое!

Милашка повернула головку:

– Интернет-магазин работает с третьего числа. Да и в курьерской службе можно доплатить за скорость. Так что всё на мази.

– Эххх, чудо ты мелкое!..

\* \* \*

Прошло два дня. Я возвращался из супермаркета, нагруженный пакетами с едой. Почему? Да потому, что проснулся утром от того, что на груди сидел некто серо-розовый и осуждающе смотрел на меня. И не только смотрел, а высказал: мол, в холодильнике хоть шаром покати, маленькому же леопёрду нужно хорошо питаться и расти. Короче, вали, дорогой, в магазин.

Невольно улыбнулся утреннему воспоминанию и покачал головой. За прошедшее время я привязался к Милашке еще сильнее. Мне было уютно и комфортно с ней, словно знакомы не один год. Впрочем, так оно и было. Сколько лет мы общаемся? То-то!

Правда, периодически казалось, что ожившая игрушка лишь плод воспаленного сознания, что от одиночества и старой тоски по Алене у меня элементарно поехала крыша. Но старался об этом не думать. Хотя такой разговор у нас с Милашкой уже был. На что она, покачав головкой, ответила: «Как бы тебе не хотелось пребывать в мире логичного и рационального, но я настоящая. И никуда от этого не денешься. Остается только смириться». Может, и так. Да и многие моменты сложно объяснить бредом сумасшедшего. Ну откуда у меня деньги на электронном счете? Я даже пароля не помню! Проще действительно смириться и жить, как есть.

Два поворота ключа, щелчок, и наконец входная дверь открылась. Я поднялся по ступеням в прихожей, слушая скрип. Но... нет, это скрипели не ступени, а мое левое колено. Теперь к нему надо привыкать и только изредка горестно вздыхать.

Уже разувшись, я не сразу понял, что включен душ. Волосы встали дыбом. Кто-то пробрался в дом?! И мало, что пробрался, так еще и водные процедуры принимает!.. Быстро скинув пакеты, огляделся, подыскивая что-нибудь в качестве оружия. И ведь до кухни тайком не прошмыгнешь: мимо ванной идти надо. Удовольствовался сдернутым с вешалки зонтиком.

Вооружившись столь экстравагантным орудием, я стал красться вперед, но тут дверь ванной отворилась и оттуда в клубах пара... вынырнуло нечто. Нечто имело хорошую фигуру и весьма симпатичное личико. Самые пикантные места целомудренно прикрывал пар. Но вот два полукруглых розовых уха, торчащих над головой, ничто не могло прикрыть! А глаза... Черный зрачок без радужки на розовом же фоне. Я глухо застонал...

Нечто ехидно хмыкнуло, в глазах заискрилось адское пламя, а затем оно взмахнуло копной мокрых волос. Ох, какого там только не было цвета. Но в основном уже классика – розовый, серый, черный и капельку белого. Такой окрас имели и отдельные пряди, и круглые, словно у леопарда, пятна. Взгляд непроизвольно скользнул гораздо ниже, благо пар почти везде рассеялся. Я зажмурился. Черт, и там то же...

– Милаш!.. Какого хрена?!

Чудо якобы недоуменно пожало плечами:

– Да я давно уже умею принимать человеческую оболочку. Ну, почти... – С этими словами она почесала за розовым ухом. – Старалась скрывать, чтоб не шуганулся, как сейчас.

Я кисло ухмыльнулся:

– Ты хоть бы прикрылась, что ли. А то расхаживаешь в чем мать ро... завод выпустил. Не стыдно?

Она рассмеялась:

– А должно быть стыдно? После того, что вы вытворяли на глазах у маленькой бедной пушистой игрушки?..

В ответ я буркнул что-то невразумительное и скользнул мимо нее. От Милашки пахло чем-то лесным, даже показалось – хвоей. Странно, ни мыла, ни шампуня с таким ароматом в ванной нет.

– Ну ладно, прикроюсь. Одежду дай.

– У меня нет женской!

– Свою гони.

– Ага, разбежалась! Обратнo становись мелкой и пушистой!

– Не фига, буду нагишом щеголять и тебя возбуждать. Думаешь, не видела, как ты мою фигурку глазами пожирал? Да и вообще... Как напрягся твой... зонтик. Кстати, закрой его, в самом-то деле.

Только сейчас я заметил, что непроизвольно нажал на кнопку на ручке зонта. Вот же засранка мелкая! Ладно, будет тебе одежда. Не впервой делиться собственной с противоположным полом.

– И еще. Пора меня кормить.

– Вон пакеты, выбирай что хочешь.

– Не, не фига. Приготовь, а затем уж и корми. А то совсем от рук отбился.

– Черта с два я буду готовить! К тому же прекрасно знаешь, какой из меня повар.

Милашка досадливо поморщилась, но аргумент приняла. Готовить я не способен от слова совсем. Только полуфабрикаты. Либо салаты. Простые салаты. Поэтому, схватив пакет за ручку, она потянула его на кухню, ничуть не обращая внимания на свою наготу.

Мне осталось только покачать головой. Прошел в комнату и плюхнулся на край дивана. Да что ж это за чертовщина-то творится, а? Теперь я еще больше засомневался в собственной адекватности. Происходящее до банальности напоминало типичную анимешку с незамысловатым сюжетом, где с главным героем начинает жить девушка, которая еще на полставки является животным/демоном/ангелом/монстром. Нужно подчеркнуть.

Бред, какой же это бред... Я глухо застонал и откинулся на диван, разбросав руки в стороны. Потер лицо и тупо уставился в потолок. Может, обратиться к психотерапевту?.. Стоп, а почему только сейчас? Типа, говорящая мягкая игрушка – норма, а ее превращение в человека – нет? Хотелось кричать и биться головой о стену. Вдруг полегчает?

Но тут в поле моего зрения снова нарисовалась Милашка. Иронично изогнутая бровь, руки в боки, насмешливый взгляд. Она покачала головой и, ничтоже сумняшеся, начала самостоятельно копаться в шкафу с одеждой, что стоял рядом с диваном. Я даже не стал препятствовать.

На пол полетели вперемешку рубашки, майки, штаны, нижнее белье. И я наконец возмутился:

– Ты что творишь?! Там же разложено было!

Из-за дверцы высунулось Милашкино лицо:

– Да ладно! Всё вразнобой! Трусы на майке, майка на шортах, шорты на носках, носки на брюках! Что за винегрет?

Мне оставалось только подвывать, вновь гипнотизируя потолок. Докатился – мои глюки меня же и попрекают. Всё в шкафу нормально, я ведь почти мгновенно нахожу то, что нужно. А маленький беспорядок – в пределах допустимого. Как рабочий хаос на моем столе. Со стороны ужасно, по факту весьма функционально.

Прошло несколько минут, и – тишина. Приподнялся на локтях и удивился: на полу ничего уже не лежит. Подумал, что Милашка просто всё скомкала в единый шмоточный шар и утрамбовала внутри шкафа. Только собирался посмотреть туда и ужаснуться, как взгляд коснулся девушки. Черная футболка с окровавленной злобной матрешкой с черепом вместо лица. Ее я урвал в день концерта немецкой группы Oortm! еще в прошлом году. И мои старые шорты, которые она затинула потуже.

– А почему ты из всех футболок выбрала именно ее? – проворкотал я.

Милашка улыбнулась:

– Потому, что мне самой нравится эта группа. Да и вообще... Ее правая рука взметнулась вверх, состроив классическую рокерскую козу, и, добавив в голос хрипотцы и типа немецкого акцента, она прогрохотала:

– Сиськи!

В подтверждение своим словам левой рукой обхватила себя за грудь и сдавила. Я судорожно сглотнул, получив в ответ ехидную улыбку.

– И из кучи их песен ты выбрала кавер на Шнура?! Серьезно?!

(На концерте я, как и многие другие фанаты, несколько офонарел, когда Деро с жутким акцентом на ломаном русском стал исполнять песню Сергея Шнурова «Сиськи». Шок и трепет. Еле успел в очередной раз включить камеру и заснять этот угарный трэш.)

– Ты же часто включал записи с концерта, вот я и запомнила. К тому же песня сейчас очень даже в тему. Да и лицезреть твою вытянувшуюся физиономию просто бесценно. Будто никогда женского тела не видел.

...Так, спокойно, досчитай до десяти, дыши ломанным-переломанным носом... Ты спокоен, абсолютно спокоен. Теплые волны несут твое тело. Ты ни о чем не думаешь, только о солнечных лучах и потоках воды... Фухх, вроде отлегло...

Когда я открыл глаза, Милашка уже свинтила на кухню. Стараясь не обращать внимания на звуки, что начали доноситься оттуда, я наконец-то зыркнул в шкаф. И брови снова изумленно поползли вверх. Идеальный порядок, полочка к полочке, одежда к одежке. Остолбенело покачал головой и захлопнул дверцы.

Пока переодевался в домашнее, с кухни поплыли до боли знакомые запахи. Милашка крутилась у стола, тихонько мурлыча те самые «Сиськи». Запахи же шли из бутербродницы. Пока там происходил процесс готовки, девушка продолжала нарезать ингредиенты на следующую порцию. Помню, как еще папа их делал. Берутся два куска батона,

намазываются майонезом и кетчупом, сверху – сыр, колбаса и лук. Ломти соединяются, кладутся в бутербродницу и крепко сжимаются крышкой. Страшно любил, когда папа готовил их по утрам в выходной. И даже когда наша первая бутербродница накрылась, он умудрялся делать горячие бутерброды в духовке.

И вот теперь столь знакомый запах снова обитает на кухне. Я даже замер на пару секунд. Потом спросил:

– Почему ты сделала именно горячие бутерброды?

Девушка вздрогнула и вляпалась кончиком пальца в кетчуп. Облизнула его, избавляясь от соуса. Удивительно, но теперь ни в ее движениях, ни во взгляде не было никакого сексуального подтекста. Может, почувствовала мое состояние и решила не портить неуместной в данный момент пошлостью? Затем пожала плечами:

– Не знаю, просто захотелось. Ты делал их несколько раз, мне понравилось. Вот и повторила. – Она немножко отстранилась. – А ты пока займись кофе: чайник поставь, в кружки всё понасыпь. Мне три ложки сахара и две кофе.

День поплыл дальше. Я постепенно осваивался с тем, что Милашка уже отнюдь не маленькая игрушка, хотя мысль о собственном сумасшествии не давала покоя. Сейчас же мы расположились на диване и смотрели телевизор. Учитывая, что на федеральных каналах, кроме пропаганды и надоевших эстрадных исполнителей, ничего не показывают, включили 2x2. Там как раз крутили новый сезон «Южного Парка». Я же вполглаза еще и книгу умудрялся почитать, из новых.

Вдруг Милашка со стоном потянулась, выгнулась дугой, словно подчеркивая все прелести своей фигуры и пластичности. Не думаю, что эта процедура была направлена просто на то, чтобы подвигать затекшими конечностями. Когда же заканчивала, не очень аккуратно дернулась, и ее левое розовое ухо загнулось.

– Ой, ушко помялось!..

Она сделала умильно-удивленное личико и попробовала по-кошачьи поправить его, но почему-то не получилось, хотя казалось бы...

И вдруг голос стал жестким и командным:

– Ухо поправь!

Я засмеялся, но поправил. Ну да, это была одна из старых шуточек. У Милашки часто загибались ушки, и их приходилось поправлять. Коварно воспользовавшись этим казусом, она мгновенно примостила голову у меня на коленях. Я же почти рефлекторно начал чесать ее за ушком. Книгу пришлось отложить, но я был не против, слушая уютное мурчание. Тогда Милашка потянулась совсем уже как кошка и замурылыкала еще сильнее.

И почему-то стало спокойно-спокойно. Не хотелось думать вообще, и, подозреваю, ни одна разумная мысль не могла бы пробиться через эту стену умиротворения. Правда, легкая улыбка все же коснулась моих губ. Гм, на моих коленях сейчас лежит девушка, которая совмещает в себе еще и кошачью антистрессовую функцию. Я совершенно забылся и даже не заметил, когда мурлыканье сменилось стоном отнюдь не антистрессовой интонации. И только опустив глаза, сообразил, что моя рука, обхватившая ладонью девушки, покоится на ее груди.

– Милашка!!! – У меня аж веко задергалось. – Да что с тобой, блин, творится?! Пошлые шутки и не менее пошлые действия так и сыпятся, как из рога изобилия! Ты же раньше такой не была!

– А была такой? – Она состроила наивное выражение личика, вытянула губки и невинно захлопала длинными ресницами, однако руку мою все же оставила в покое. Затем хитро подмигнула: – Не, ну а какие пошлости могут исходить от игрушки? Сам подумай, насколько это глупо и неуместно. Но теперь, когда обладаю подобным телом... Да еще и немного переделанным...

Девушка зажмурилась и вновь сладко потянулась... как вдруг раздался громкий хлопок – и на моих коленях осталась



одна лишь футболка, на которой восседала изумленная маленькая игрушка.

– Довыпендривалась, – прокомментировал я, но Милашка лишь отмахнулась лапкой.

– Я еще не могу долго пребывать в человеческом теле. Периодически всё равно придется возвращаться в исходное состояние, хотя бы раз в несколько суток. Да и вообще, это ты виноват!

– Я?!

– Да, ты! – Она скрестила лапки на груди. – Не фиг было меня слишком долго за ушком чесать! Вот расслабилась и потеряла самоконтроль!

Удивительно, но ночь прошла спокойно. Опасался, что Милашка начнет приставать – спим же в одной постели. Но то ли она растратила чересчур много сил, то ли ничего уже не хотела, так что рядом со мной на подушке разместилась маленькая игрушка. Пожелав друг другу спокойной ночи, на том и завершили этот несуразный день.

Проснулся я оттого, что в лицо били солнечные лучи. Перевернулся на левый бок, на правый – бесполезно, злопакопное солнце везде достает. И вдруг светлое давление исчезло. Я облегченно вздохнул, но, оказывается, расслабился рано.

– А ну хватит дрыхнуть! Вставай, нас ждут великие свершения!

Я лениво приоткрыл один глаз. На фоне ярких лучей темнел силуэт, и удивительно, но уже не ушастый. Сумела «справиться»? И, кстати, цвет волос стал иным – теперь Милашка брюнетка. С трудом подавив зевок, пробормотал:

– Какие еще свершения?

– Покупка новой одежды.

– Да есть же одежда.

– Ага, твоя! Ни в магазин сбегать, ни по городу пошляться, ни просто выйти в свет.

Я глухо застонал и отвернулся, уткнувшись носом в подушку. В первые секунды всё было спокойно, но потом горячее

дыхание обожгло шею, продвигаясь к уху. Волосы встали дыбом, а сонная пелена перед глазами исчезла в единый миг.

– Ну-у-у, если пока не хочешь идти... можем заняться чем-то более интересным...

Томный голос заставил меня вздрогнуть, а когда ладонь девушки коснулась моей спины и двинулась ниже, я аж подпрыгнул:

– С ума сошла?

Милашка презрительно поморщилась:

– Ну что ты как девственник, в самом-то деле?

– Да иди ты...

Я вскочил и стал одеваться. Настроение испортилось в клам. Нет, не то, чтобы был против, скорее за. Да и тяжесть внизу живота явно на это намекала. Но определенная абсурдность и неадекватность ситуации не позволяли действовать более грубо и прямолинейно. В тот момент я почувствовал себя чуть ли не моральным импотентом. Красивое женское тело, долгое отсутствие ласки со стороны противоположного пола – как говорится, бери, коль дадут, как бы двусмысленно это ни звучало. Однако некая стена останавливала.

– Соберись. Пойдем по твоим магазинам.

Признаться, то, что предстало передо мной, слабо напоминало девушку, щеголявшую по дому в моей футболке. Мои старые, слишком большие джинсы, майка и мужская же темная рубашка на несколько размеров больше. Не менее мужская куртка, которая хотя бы по длине была еще туда-сюда, благо рост у Милашки незначительно уступал моему. Слава богу, уши и хвост уже отсутствовали, а глаза стали обычными, цвет серый. Но если сильно приглядеться, то иногда проскальзывал розоватый оттенок. Милашка покрутилась у зеркала:

– Ну как?

Я сделал волнистые движения открытой ладонью и издал нечленораздельные звуки в подражание доктору Коксу из «Клиники». Но девушка осталась невозмутимой.

– Да пофиг. В первом же магазине возьму в чем не стыдно будет ходить по другим.

– Э? А что, мы по нескольким будем шляться?

– А ты как думал? Минимум пять! А иначе какой это шопинг? Ни одна уважающая себя девушка не пойдет только в один магазин. В общем, готовься шмотки за мной целый день тягать.

– Твою ж мать...

Оказавшись в пункте назначения, Милашка сразу набрала кучу вещей и отправилась в примерочную. Я остался рядом на всякий случай: вдруг понадобится принести что-нибудь еще, унести обратно, да и просто – мало ли что. Вдруг из-за ширмы высунулась тонкая ручка и потащила меня внутрь. Это ей удалось легко, так как ничего подобного, естественно, не ожидал. Предо мной предстала Милашка. Нет, не обнаженная, правда, легче от этого не стало. Черное полупрозрачное возбуждало и будоражило фантазию даже сильнее, нежели отсутствие оного. Невольно сглотнул, любуясь девушкой, и она мгновенно потянулась ко мне. Наши губы встретились – и снова тот хвойный аромат. Я прижал Милашку к себе, продолжая поцелуй, однако его пришлось срочно прекратить, когда девичьи ручки начали целенаправленно расстегивать мою ширинку. Кое-как вырвался, но неловко запутался в занавеске и рухнул на пол, благо ничего не повредив.

А полуголая Милашка насмешливо глядела сверху вниз. Я залился краской и заозирался по сторонам. Ф-ф-фу, повезло, что никто из покупателей и продавцов не смотрел в данный момент в нашу сторону (о камерах старался не думать). Гм, возможно, и помышлял когда-нибудь о сексе в общественном месте, но помышлять это одно, а делать – совсем другое. К тому же стену пока никто не отменял.

А Милашка провела острым язычком по губкам, взбудоражив меня еще сильнее, а потом, хихикнув, задернула шторку.

– Засранка... – скрипнул я зубами.

Спустя пару-тройку часов мы оказались дома, но обрадовался я рано. Милашка накупила много чего, правда, отдам должное: выбирала то, что было по скидке либо не выбивалось за рамки разумного. Так что ее счет хоть и прохудился, но пока еще был на плаву. Да и я не остался в стороне, купил ей кое-что. И тут Милашке втемяшилось в голову устроить показ мод. А учитывая количество обновок, всевозможных вариантов, комбинаций и наличие в зале огромного зеркала, процесс обещал стать весьма длительным.

Я же начал смотреть старый, но все еще прикольный фильм «Васаби». А еще прикольнее, что когда Милашка затеяла свои пируэты у зеркала, постоянно спрашивая, что ей идет больше, в это же время дочь главного героя занималась тем же самым. И мы словно понимающе переглянулись с персонажем Жана Рено.

А потом я скучал целый вечер. К Милашке обратился очередной клиент с доплатой за срочность, и она уселась за работу. Мне же заняться было абсолютно нечем. В итоге провтыкал на Ютубе. Убила новость – очередная сдвинутая депутатша заявила, что пенсионный возраст нужно поднять еще. Мол, многие ее знакомые при достижении 65 лет не знают, куда бы деть нерастраченную энергию. Так что надо догнать до 70. Долбанутое создание! А ведь и Малышева подобное уже заявляла. Блин, хорошая же тетка когда-то была, и программу вела достойную. А что у нее сейчас? Танцующие яички, поющая матка и процедура обрезания полового органа, где в качестве макета используются девушка и ее свитер. Уж сколько воды утекло с выхода тех эфиров, а народ помнит. Но впрочем, чему удивляться? Федеральные же каналы самые бедные и убыточные в сетке телевидения. Россия – священная наша держава...

Первый час ночи, Милашки не видно, не слышно. Я валяюсь с книжкой в постели. Наконец раздались шаркающие шаги, и красноглазое чудо рухнуло рядом со мной. Потом был косплей гусеницы, и она наконец-то более-менее угнездилась на соседней подушке. В очередной раз залюбовавшись точеной фигуркой, я задал неслабо интересовавший меня вопрос:

– Ты говорила, что немного меняла тело. В смысле?

– Ну-у-у... изначально я просто ощутила себя в этом теле. Но пока осознание толком не пришло, интуитивно могла еще что-то менять. Где-то добавить, где-то убрать... – Говорила и показывала, что и где добавляла либо убирала, после чего подмигнула: – Сейчас уже не смогу. Так, мелочевку, навроде изменения цвета глаз. Или чтобы хвостик с ушками не афишировать. В основном же ориентировалась на твои вкусы.

– Чево-о-о?!

Ехидная улыбочка сделалась еще ехиднее:

– Ну, я ведь видела, чем ты занимался холодными зимними вечерами. Вот и решила подстроиться под твои предпочтения.

Я зашлепал губами, словно выброшенная на берег рыба, которую в придачу и башкой об лед звезданули. Чуть не заорал:

– Во-первых, кто без греха? Во-вторых, это было давно и неправда! В-третьих, сто лет не встречался с девушками! А в-четвертых, тебе-то какое дело? Ты только мягкая игрушка, понятно?!

Уже выдавливая последние слова, смекнул, что перегнул палку. Милашкиной улыбки как не бывало. Лицо окаменело. Девушка, шевельнув челюстями, словно плюнула:

– Ты прав, ты абсолютно прав. Я слишком много о себе возомнила...

И отвернулась к стене. А я лежал рядом и тупо пялился на ее спину под одеялом. С губ сорвался короткий мат. Ну вот что я наворочал на ровном месте? Почему не заткнулся вовремя? Или до сих пор считаю ее игрой воображения? Но больно уж яркая и впечатляющая игра. Вон даже продавщицы и консультанты в магазинах о-го-го как активно реагировали на мой глюк. А после казуса в примерочной так вообще персонал провожал похабненькими улыбочками (запалили гады!). А кабы иначе – крутили бы пальцем у виска.

Милашка – не настоящая? Разве перед тобой не лежит девушка, живая, теплая, со своими мыслями и желаниями? Игрушка, да? И боль в ее глазах, мелькнувшая на долю се-

кунды, тоже игрушечная? Слушайте, по сути, хотя мы всего и пару дней в таком виде рядом, но знакомы-то уже несколько лет. Милашка всегда меня поддерживала, пусть и безмолвно. А когда выяснилось, что она живая, мне стало еще уютнее и комфортнее, словно с близким человеком, с которым можно поделиться самым-самым сокровенным. Ну и зачем же я так-то? Ведь у нее, кроме меня и Алены, никого и никогда не было. И вот единственный человек, проведенный с Милашкой большую часть ее жизни, оказался просто-напросто хамом!..

Захотелось взвыть, даром что было не полнолуние. Потер ладонями лицо и уставился в потолок. Как же глупо получается!.. А-а-а, к черту все эти терзания! Она настоящая, и точка!

Я наклонился над девушкой и, вдохнув аромат хвои, тихо прошептал:

– Прости...

Рука же мгновенно нырнула под одеяло и устремилась к ее ножке, коснулась бедра и по внутренней стороне поползла выше, выше...

Милашка вздрогнула и резко обернулась. Одеяло сдвинулось, футболка чуть задралась, оголяя низ плоского животика.

– Ты что делаешь?!

Я якобы удивленно приподнял бровь:

– Да вроде ясно сказал. Прошу прощения.

– Таким образом?

– А чем он хуже других? Кстати, весьма действенный, уж поверь.

Обхватив ножку чуть сильнее, я придвинулся к Милашке, чувствуя, как горячий стон летит в мое лицо. И – снова поцелуй, еще более страстный, более настоящий... Запах хвои становится почти обволакивающим. Ощущение, что оказался в лесу. Хотелось вдыхать его и вдыхать, но...

Но Милашка вдруг слегка отстранилась. Ее глазки нервно забегали.

– Погоди, есть небольшая проблемка...

– В смысле?

- Ты же в курсе, что я заводская?
- Ну и?
- А что обычно ставят на заводах?
- Э-э-э...

Тотчас последовал подзатыльник:

- Не тупи, валенок! Пломба у меня заводская!
- Я засмеялся и вновь приник к ее губам.
- Кого и когда это останавливало?..

Утро начинается не с кофе – заявляю с уверенностью. Последний выходной, надеялся, выплюсь... Ага! Проснулся на минутку, увидел перед собой улыбающуюся девушку и обнял ее. Это и стало ошибкой.

Просто Милашка ощутила, как что-то уперлось ей в живот. Вообще-то обычная утренняя штука, от физиологии не уйдешь. Но она надумала решить проблему более кардинальным способом, чем просто позволить мне снова уснуть. И вот уже одеяла отброшены в сторону, дабы не мешались двум разгоряченным телам.

Плотоядная улыбка так и не сходила с губ девушки, лежавшей подо мной. Как бы я не двигался, какие бы стоны не вырывались из нее, но улыбка не собиралась исчезать. И вдруг мы услышали, как в замочной скважине входной двери стал поворачиваться ключ. И без того мокрая спина покрылась ледяной испариной. У Милашки округлились глаза, она приглушенно ойкнула... хлопок – и вот уже я валяюсь на мягкой игрушке.

Даже не думал, что способен на подобные трюки. Гигантским кульбитом я оказываюсь на краю кровати, запихивая под нее ногой скомканную окровавленную простыню, и тут же, чуть ли не через заднее сальто, возвращаюсь обратно, одно одеяло накидывая на Милашку, а в другое заворачиваясь сам.

В этот миг в комнату вошла мама:

- Привет! Решила деньги тебе занести, хотела тихо, чтобы не разбудить, но слышу, кровать скрипит.

Моя мама категорически не желает заводить никакую пластиковую карту. Поэтому, когда требуется перевести деньги моему сводному брату, что живет в другом городе, она просит об этом меня, а потом передает наличку. И происходит это относительно часто: у брата здесь осталась квартира, которую мама сдает.

Собственно, эти самые деньги она сейчас и положила на стол. Я лишь подъял очи горе:

– Мам, да не обязательно было заносить. Во-первых, не к спеху, и сам забежал бы. А во-вторых, нам какую-никакую, но премию выписали, так что не голодаю.

– Да мне всё равно по пути. А ты чего мокрый и взъерошенный?

– Ох, кошмар дурацкий приснился. Как в старых фильмах ужасов, когда куклы и злые игрушки оживают... – Бросил короткий взгляд на соседнее одеяло.

– Ясно. Ну, отдохай. Завтра же на работу. А я побежала, дел еще невпроворот.

И только когда входная дверь закрылась, я с невероятным трудом вытолкнул из груди застрявший там воздух. Внезапно соседнее одеяло, обретя объем и соответствующие формы, сдавленно хихикнуло. Высунулось личико и язвительно подмигнуло:

– Что, испугался, мамочка застучает?

Я скривился:

– Если б кто застучал во время секса с девушкой, то да, почувствовал бы нефиговую неловкость, хотя и не более того. Но вот кабы меня увидели возбужденно елозящего на мягкой игрушке...

Тут уж Милашка захохотала совсем бесстыже. Не дожидаясь завершения этой мини-истерики, я обхватил ее, подтянул и взвалил на себя. Ладони сдавили упругие ягодицы, и хохот оборвался.

– Мне кажется, у нас осталось незаконченное дельце! – плотоядно рыкнул я.



Острые коготки впились мне в грудь. Глазки хитро прищурились:

– Я только за.

\* \* \*

И кто мог подумать, что пошлый быт так быстро ворвется в нашу с Милашкой жизнь. Первое время она носилась как электровеник по дому, чтобы избавить его от печати холостяцкой жизни, но вскоре я вдруг стал вьючно-посыльным осликом и в данный момент безропотно торчу на кассе в очередном супермаркете, сверяясь со списком необходимых приобретений.

Единственное, что доставляет дискомфорт, – гыгыканье школьниц, которые глазели в мою корзину. Ведь помимо продуктов и бытовухи там наличествовали прокладки. Более взрослому и адекватному контингенту было глубоко до лампочки, как и кассирше. Парень с соседней кассы даже хмыкнул с пониманием. А мелюзге, по сути детишкам, капец как смешно, что особь мужского пола покупает этакое. Ну, бред же, давным-давно в просвещенное время живем!

Вот приобретение первого презерватива или лубриканта – тут да, тут чувство кринжа просто невыносимо. А здесь обычная физиология. Мы ж не стесняемся покупать туалетную бумагу. «О боже!.. Это туалетная бумага!.. Значит, он ею будет... О ужас!.. Тычьте в позорника пальцем!.. И вообще, туалетку надо продавать из-под полы, втихую, как порножурналы в старину!..»

А начиналось всё еще презабавнее, когда Милашка заявила, что ей нужны эти средства гигиены.

– На хрена? – удивился я.

– Как на хрена?! – Она округлила глаза. – Потребность, блин!

– А как раньше справлялась?

– Условности, черт подери! ПМС у мягкой игрушки! Ты можешь такое представить?!

Честно попытался. Но понял, что начинаю зависать и тряхнул головой:

- Ну сходи и купи.
- Не могу!
- Почему?
- Потому что есть риск в любой момент превратиться в себя мягкую!
- Так в чем проблема, превратись сейчас.
- Не могу!
- Почему?
- Потому что ПМС!
- Тогда просто дождись, когда превращение сработает само.
- Не могу!
- Дай угадаю...
- Ага!

И вот, когда уже покупки были совершены, а Милашка выходила из ванной, ее глаза вдруг расширились:

- Поздно...
- В смысле?!

Хлопок – и я едва успеваю поймать малютку. Одежда падает на пол, а в воздухе медленно планирует прокладка, за полетом которой наблюдают две пары глаз.

Ну и на фига я спешил?

\* \* \*

Так вот и жили. Однако в какой-то момент возникла проблема, хотя и не в плане наших отношений. Я тогда вернулся с работы и застал забравшуюся на стул с ногами Милашку у компа. Как выяснилось, снова возникла проблема ее образования. Несмотря на кучу положительных отзывов и успешно выполненных заказов, многие все равно не обращались к ней из-за отсутствия совершенно бесполезной, на мой взгляд, бумажки, годной только на единоразовый поход в туалет (по словам самой девушки, осмелюсь отчасти с ней согласиться). На предложение же купить диплом в переходе я был одарен таким многозначительным взглядом, что смекнул – скоро ими сам отправлюсь торговать, если не заткнусь.

Да и простой пример, который Милашка привела, заставил задуматься. Пока прошла всего пара месяцев наших новых отношений. И я, как-то окрыленный эмоциями, совсем не задумывался о будущем. Да банально тормознет патруль и попросит предъявить документы. И что делать? Дома забыли? Ага.

Тогда-то я и предложил обратиться в соответствующие организации. МФЦ, кажется. Сколько народу пропадает и внезапно появляется, ничего при этом не помня из прошлой жизни. И какие-никакие документы им дают. Но здесь опять возникает проблема образования. Его же всё равно придется получать с нуля.

И осенила наши головы идея не особо лицеприятная – поискать на разных сайтах пропавших без вести и найти похожих на Милашку людей. Спустя недели три поисков нарисовались несколько вариантов. Да, аморально, и самим это не нравилось, но выхода-то не было. Один из вариантов наиболее «удачен» – именно в нашем городе в многоэтажке произошел взрыв бытового газа настолько сильный, что руины дома было проще снести, чем восстанавливать. Большое количество погибших и пропавших без вести, ведь тела некоторых так и не удалось отыскать. Ничего удивительного, учитывая, насколько ужасным был взрыв. И вот там как раз проживала семья девушки, очень похожей на Милашку. Все остальные погибли, а ее тело не нашли. И иногородних родственников у той девушки не было. Но как же мы себя тогда отвратительно чувствовали! Словно гробокопатели.

Правда, тогда отложили это в долгий ящик. Вернее, считали, что отложили.

В тот день перед уходом с работы мне пришли просто полотно сообщений от Милашки. И столько всего там было написано: и как мы якобы встретились, как я помог ей справиться с ПТС и амнезией, и как ее отхаживал, и прочее, прочее, прочее. Жутко удивился, но ответ строчить не стал, благо уже домой пора.

Войдя в дом, сразу заметил Милашку на кухне.

– Милаш, что это за «Война и мир» в миниатюре, что ты прислала?

Она отвернулась от плиты, состроила мне страшные глаза и приложила палец к губам. В то же мгновение из соседней комнаты вышла моя мама и уперла руки в бока:

– Так значит, да? Девочку, значит, из беды выручил, а мне ни слова? И долго ты еще собирался прятать ее от меня? Если бы не зашла деньги оставить, ничего и не узнала бы!

В общем, вы поняли, сколь насыщенный вечер у нас получился...

Мама подключила к «процессу» своего брата, обрисовала ситуацию – и понеслось: куча документов, посещение различных организаций, доказывание каждому, что ты не верблюд. Разумеется, и Милашке пришлось попытеть. Она истратила, казалось, последние силы, чтобы изменить цвет глаз и некоторые черты лица, в частности – добавила маленький шрамик над правой бровью.

А ведь и впрямь «повезло», что у несчастной девушки не было больше родственников. Звали ее Олеся Кисляева. Также на пользу дела сыграло и то, что наследства от погибших тоже не осталось. И еще – что хотя каждый понимал, что там был не несчастный случай, а скорее недобросовестность застройщика, скандал замяли и прохиндей выскользнул из воды сухим, а посему никому никаких компенсаций. Где те строчки из гимна про державу?

На всё ушло несколько месяцев. Огромнейшее спасибо родственникам! Могло бы получиться и раньше, но меняли имя. Милашка стала Милой Кисляевой.

Конечно, мы неоднократно возвращались к вопросу морали – правильно ли поступили? А вдруг девушка объявится? Однако в конце концов отмели сомнения в сторону – навряд ли от нее что-то осталось. А так бедняжка в каком-то смысле продолжит жить, и пускай хотя и совершенно посторонний человек, но все же продолжит существование ее рода.

\* \* \*

Мы с Милашкой болтали по телефону уже минут двадцать, аж ухо вспотело. Я очень сильно соскучился, ведь она уехала на сессию в другой город. Ей удалось поступить на «вышку» в этом же году, и снова спасибо маме: здорово помогла. Правда, Мила и так на высший балл сдала вступительные экзамены. Она могла бы и из дома дистанционно сессию сдать, но захотела именно «живьем». Противоречить я не стал и со вздохом отпустил. Понять ее можно: окунуться в студенческую среду, завести знакомства, ощутить наконец себя частичей большого-большого мира.

– Милаш?

– А? – Девушка осеклась, оборвав рассказ о забавном казусе, что случился недавно с ее одногруппницей.

– Мне страшно не хватает тебя... – На секунду спазм сдавил горло. – Я так привык к тебе за эти годы... Когда ты была еще маленькой, помнишь, мне хватало просто почесать тебя за ушком, чтобы успокоиться. А когда, кхэм, повзрослела, я всегда знал, что ты ждешь меня дома, и все время будешь рядом. А сейчас я чувствую себя ужасно одиноким. Хоть и понимаю умом, что ты скоро вернешься...

Мила вздохнула. А спустя мгновение – словно легкое прикосновение пушистой лапки к щеке. Улыбнулся, ощущая, как тепло растекается по телу. Тоже вздохнул:

– Условности, да?

– Да. – Показалось, что она улыбнулась, но...

– Ох, блин, уже половина второго! А мне еще три курсяка делать!

– Ты же вроде их все подавала?

– Свои – да, но еще подвязалась паре сокурсников помочь. И лишняя копейка не помешает. Ведь мы – молодая семья? – Коротенький смешок.

Улыбка на моем лице приобретает несколько другой оттенок:

– У нас уверенный вид!

- У нас нет ни хрена! – сдавленный хрюк.
- Кроме нашей любви! – в унисон заканчиваем мы, дружно смеясь.
- Спокойной ночи, милый.
- Спокойной ночи, Милашка.

И снова нас отпустили пораньше. По факту, мы должны были и завтра работать, 31-го числа, но указом этот рабочий день перенесли на субботу. По мне – весьма глупо. Шесть рабочих дней, выходной, снова рабочий и новогодние праздники. И один выходной ни туда ни сюда, и рабочий день такой же.

Едва потянул за ручку входной двери, возникло ощущение дежавю. Дверь была не заперта, но в этот раз я железобетонно ее запираю. Впрочем, объяснение обнаружилось быстро – на коврике в прихожей стояли женские сапожки. А сама их носительница, судя по звукам, была на кухне.

Заглянул – и узрел картину: Мила режет всё ту же несчастную докторскую, а сама уже жует. Заметив меня, откусила еще раз и возмущенно махнула ножом в мою сторону:

– Ты чего приперся? Я собиралась сюрприз сделать, приехала пораньше, проголодалась, решила с дороги перекусить, а тут нате, явился!

Несмотря на якобы грозный вид, естественно, она была рада видеть меня. Я подошел, забрал нож (чисто на всякий случай) и подхватил Милашку на руки:

- Помнишь, какой сегодня день?
- Да! – дожевывая, сдавленно пискнула она. – Ровно год назад ты не дал мне нормально поесть колбасы! И вот опять!..

Милашка занималась приготовлениями к очередному Новому году, а я рылся в сетях Интернета, пытаюсь найти фильм, который мы еще не смотрели. Сложная задачка, если честно. При том, что вкусы у нас в плане кинематографа весьма схожи, это задачу не упрощает, а даже наоборот.

И тут раздался звонок. От неожиданности я чуть было не закрыл окно вызова. Ведь звонил не абы кто, а Алена. Да-а-а, неожиданно...

Быстренько нашарил вебку, установил перед собой. Клик – и вот уже из колонок полился радостный голос:

– Приве-е-ет! С наступающим! Всех благ и прочей мишуры, что желают в этот праздник! Как дела?

– Привет... – Я кое-как привел веб-камеру в порядок и улыбнулся в объектив. – Дела идут замечательно.

– Девушку себе нашел? – Уж кому, как не ей, знать о моих приключениях.

– Ага.

– Милая? – лукаво подмигнула Алена.

И тут я заметил, что всё это время Милашка была рядом, но вне зоны видимости камеры. Она смотрела на монитор и тоже улыбалась.

– Да, оч-ч-чень милая, – с нажимом произнес я. – А у тебя какие дела на личном фронте?

– Ой, с таким интересным студентом познакомилась! Чем-то тебя напоминает, периодически в себя погружается. Представляешь, он даже русский язык учить из-за начал. – Хмыкнула: – Правда, там те еще перлы.

– Например? – поинтересовался я.

– Приивввееееет! Ти тайкайа юмнайа, Чьебьюрашка!.. – Алена засмеялась. – Нет, Чебурашка, конечно, зачет, но надо будет сказать ему, что от таких комплиментов девушкам лучше воздерживаться.

Я тоже рассмеялся. И тут заметил, что Милашка подает мне знаки.

– Погоди минутку, Ален.

– Ага.

Мы вышли в соседнюю комнату.

– Андрей... Я хочу повидаться с Аленой.

Моя бровь удивленно поползла вверх:

– И как ты это представляешь? Я знакомлю бывшую с нынешней? Нормально!

Милашка покачала головой:

– Да понимаю. Но я соскучилась по ней. К тому же могу обратиться.

(Хм, почему я не догадался?)

Хлопок – и вот уже из памятной футболки с матрешкой выбирается маленькая игрушка. Я беру ее на руки и несую к столу.

– Смотри, Ален, кто с тобой поздороваться хочет.

Глаза девушки восторженно расширились:

– Класс! Она до сих пор с тобой? Привет, Милаш! Как жизнь? Он тебя не обижает? Вкусняшки покушает?

– Привет, Ален! Всё просто супер! Он у меня в ежовых рукавицах! К тому же, если что, угроза насчет тапок всё еще в силе.

Алена засмеялась, приложив ладошку ко рту.

Впервые я не делал вид, что говорю за Милашку. Я делал вид, что якобы говорю за нее. И это оказалось значительно сложнее. Но, слава богу, Мила попыталась изменить свои интонации, потому что чисто женские я бы не потянул.

Так и продолжался наш диалог. Вернее, это Алена думала, что диалог. И вдруг я чисто рефлекторно начал чесать Милашку за ушком, чувствуя, как она еле слышно мурчит и подрагивает...

Внезапный хлопок был настолько ошеломителен, что даже не сразу сообразил, что передо мной уже не мягкая игрушка, а обнаженная девушка.

Несколько секунд абсолютной тишины и офигевания. Потом Милашка повернула голову и виновато посмотрела на меня:

– Прости. За ушком чесал, вот и не удержалась...

И мгновенно перекатилась вниз, спрятавшись под столом. Чуть высунулась, по-кошачьи приподняв голову над столешницей.

– ...Андрей! – вспыхнула Алена. – Если это очередная твоя шутечка, то иди в задницу! Едва кондратий не хватил! А ну



вырубай свои утилитки! Я нормально хотела поговорить, а ты мне голых девиц в экран суешь!

Я застонал. Господи, за какие грехи...

– Это не шутеечки... – Это... это Милашка... История долгая, но впрочем, есть кому ее рассказать...

Я опустил взгляд на скорчившуюся под столом девушку. Та вздохнула, поднялась, сопровождаемая градом крепких словечек, вылетевших из колонок, и... с повторным хлопком опять превратилась в игрушку. Хлоп – и снова девушка...

Теперь уже матов не было, только высшая степень охренения, огромные глазищи и раскрытый рот. Впрочем, в первый раз я и сам выглядел не лучше. Сбегал в соседнюю комнату за Милашкиными шмотками. Она стала одеваться, попутно поясняя:

– Да Ален, не ругайся. Это я, я – та самая Милашка, которую вы знали как игрушку и которую, получается, создали как человека...

Я попытался беспалевно смяться и бросился обуваться, но Милашка окликнула:

– Андрей, ты куда?

(Ч-ч-черт, не удалось тихой сапой свалить.)

– В магазин.

– Зачем? Ведь всё есть.

– За куревом.

– Ты же не куришь! – Сразу обе фурии вклинились.

Я огрызнулся:

– С вами не только закуришь, а и запьешь!..

## **ЗАЯ**

### **(Глава из романа)**

*Действие происходит в маленьком изолированном Городе, окружённом лесом, жители которого, по собственной воле и уже давно, превращаются в разных животных. Сейчас Город накрыла эпидемия. Проявляется она в том, что в заражённом человеке становится больше звериного, а дом, где тот живёт, постепенно разрушается. Нежилых помещений зараза не касается.*

1

Тонкая кисточка пробегает по чешуе, оставляет чёрный след и опускается обратно в банку. На всю комнату, от пола до потолка обклеенную плакатами, несёт аммиаком вперемешку с затхлым подвальным запахом сырой стекловаты.

– А тебе не станет плохо?

Крупная серая гадюка прикрывает глаза, и непонятно, что это может означать. Согласие? Отрицание? Смирение?

Девушка снова опускает кисточку в банку с разведённой краской для волос – ещё одна короткая чёрная полоска на чешуе. Гадюка не шевелится, вытянувшись во всю длину на расстеленной на полу красной ткани. Взяли что было: кто-то притащил в подвал обивку для гробов, и теперь ею накрывали, чтобы не заляпать, линолеум. От света пыльного плафона чешуя кажется желтее, так же как и руки девушки. И жёлтые же змеиные глаза опять открыты, наблюдая за каждым её движением.

– Нам с тобой здесь долго придётся... – Девушка вновь начинает говорить, потому что тишина замедляет время, а хочется уже поскорее вырваться из подвала на свежий воздух. – Хочешь моё мнение? Зря ты это затеяла. От Города не

спрячешься, даже если покрасишь чешую и будешь выползать только в темноте. Сколько ты уже здесь? Около двух месяцев. Ну, ещё полгода протянешь, а дальше?..

Змея дёргается под кистью, смазывая очередную полоску, и шипит, резко развернувшись к девушке.

– Я не со зла говорю. – Та не выглядит испуганной, снова обмакивает кисточку в краску, голос абсолютно спокойный. – Побереги свой яд для врагов, Заюшка. Да сама посуди: ты провинилась перед мужем, муж – бандит. Почти весь Город его боится, а кто не боится – его друзья. У тебя же только этот подвал и лес. На твоём месте я бы ушла туда. Понимаю, там ты быстро потеряешь рассудок и станешь просто змеёй – плохо, да. А здесь постоянно рисковать жизнью лучше?

А чешуя тем временем делается чернее и чернее. На чистой до того ткани несколько чёрных капель.

## 2

Заей её прозвали из-за имени. Зоя – изменить всего одну букву и получится что-то мягкое, пушистое и совершенно противоположное оригиналу. Благодаря такому контрасту прозвище и прижилось.

Почему она попросила покрасить чешую именно Веронику, и сама бы не сказала. Скорее всего, потому что Вероника даже когда обклеивала стены подвала плакатами, старалась, чтобы всё было идеально ровно: такая не испортит. Но её прямота – собачий лай, честное слово!..

Зая знает, что подвергает опасности не только себя, а и других, знает, что долго прятаться не получится, но она найдёт, обязательно найдёт способ ударить первой. Это же так просто – пробраться в свой прежний дом и ужалить спящего мужа. Трещина в фундаменте с каждым днём становится шире – скоро через неё будет легко проползти.

Как оно произошло, и сама не поняла. Муж постоянно повторял: «Сиди дома!» А тут подвернулся шанс – ногти. В первый раз увидела у подруги: крепкие, не надо постоян-

но подкрашивать – на несколько месяцев хватает. Мастера искала через третьих лиц. В Городе так всегда: подруга не признается, где делала, но кто ищет, обязательно найдёт. А уж Зая-то!

Не стоило идти на квартиру, не стоило рисковать. Первое, что поразило, когда попала туда, – закрытые стены. Шкафы, полки, занавески. Из-за этого помещение казалось раза в два меньше, но Зая тогда так и не поняла, что оно заражено. Скорее всего, недавно, потому что зараза ещё не успела тронуть мебель.

Обнаружилось всё позже, когда дома она поскребла ногтем странную точку на обоях и от этой точки по стенам поползло дерево трещин.

Зая испугалась не самой заразы, не того, что она скоро забудет своё человеческое обличье, а того, что случится, когда Лёня узнает. Лёня вырвал бы ей эти самые ногти с корнем, а потом и руки, и ноги переломал бы.

«Рождённая ползать...» – цитировал он что-то, на его взгляд мудрое, и смеялся, называя Зая идеальной женой, которая «да убоится мужа».

Хватит!

Она уже представляет, как выходит в Город днём, как сама покупает продукты в магазине, как спокойно смотрит в лица прохожих, не страшась встретить знакомого. Но... Но если муж умрёт от змеиного укуса, на кого подумают в первую очередь? Город узнает её убийцей. Скорее всего её даже отправят в тюрьму. Что там ждёт? Стеклокоробка и редкие превращения обратно в человека под строгим надзором. Великий стыд! Но впрочем, сложно ли ей, заражённой, окажется это терпеть? В чешуе-то, поди, поуютнее будет...

На дне баночки почти не остаётся краски. Чёрная гадюка, совершенно неотличимая от подобных чёрных гадюк, сворачивается в клубок.

– Размажешь же! Перекрашивать придётся! – Вероника тяжело поднимается с пола: – Ноги затекли.

Змея смотрит на девушку глазами, которые в контрасте с чёрной чешуёй кажутся ещё желтее. Пара секунд – и на ткани, где она только что лежала, сидит молодая женщина. Очень худая, с тёмными кругами под глазами.

– Спасибо... – Голос тихий и немного шипящий. – Спасибо, что покрасила. И... Вероника, если собеседник не может ответить, не надо задавать острые вопросы.

Вероника в глазах Заи – маленькое порождение Города. Города, в котором принято учить жизни других, Города, подмечающего твой каждый неверный и неосторожный шаг. Вот зачем она про Лёню напоминала?

– Только одно скажу: мой муж не такая важная птица, как ты себе представляешь... – Зая усмехается чему-то своему.

Вероника перебивает:

– Да делай что хочешь. Просто я подумала...

– Свободна! – Тон начальницы, отчитывающей молодую секретаршу. Так могло быть всего несколько месяцев назад, до того как она принесла в дом Лёни заразу.

Покраска чешуи – всё-таки паранойя. Кто из дружков мужа видел её такой?

### 3

Ночной Город скалится золотыми зубами домов. Ночной Город – это пустые улицы. Смело шагаешь прямо по проезжей части и не боишься машин. Фонари горят через один, но есть и такие места, где их нет вовсе. Например, в Сером парке.

Трое идут по единственной асфальтированной дорожке к старой сцене. Она ржавая, а задняя стенка вся покрыта корявыми надписями, начиная от «Вован – лох» и заканчивая «Цой жив!». Как ни странно, темнота парка их не прячет – вполне можно прочесть.

– Зай, извини, но ты нормально себя чувствуешь? – спрашивает женский голос из темноты.

– Более чем... – Она подпрыгивает и усаживается на край сцены.

– Я к тому, что ты слишком много времени проводишь в змеиной шкуре. А с нашей болезнью...

– Тебе надо выходить чаще, – перебивает мужской голос. – И не обязательно с нами. Мы с Мариной, понятно, каждый день не можем.

– Я и одна могу, Сань. – Зая пожимает плечами.

К Сане она примчалась три месяца назад прямо на его работу, к тюремным воротам. Вся слезах, глаза бегают, словно выискивая опасность. Точно – «зайка»! Ну умеет, умеет казаться... Оттащила в сторону, мол, ты моего мужа знаешь. Представляешь, что со мной будет?..

Саня не оттолкнул, помог спрятаться, а позже оказалось, что он сам заражённый и таких много. И что с этим даже можно жить, если... если за тобой не охотится твой бывший.

– Сейчас лето. – Марина перебивает её мысли. – А придёт зима? Зимой же змеи спят.

– Тогда положите меня в коробку и оставьте до весны, – шипит Зая.

...Сама пусть о себе думает, сучка енотовидная! В сон зимой тоже, похоже, клонит сильнее. И как Саня её терпит? Почему она сейчас здесь – да мужа ревнует, ночью на прогулку с другой женщиной только под присмотром. Заина компания ей вряд ли приятна...

Но Марина права: до зимы надо успеть сделать всё, что задумала. А там – будь что будет.

#### 4

Зверь позволяет себе больше, чем может позволить человек, тем более если этот зверь разумен.

По ночной улице идёт женщина в голубом дождевике с тележкой и корзиной в руках. Перекаtywаясь через бордюры, тележка каждый раз громыхает колёсами, но дождь бьёт о жестяные крыши так сильно, что этого почти не слышно. Кругом частный сектор, где хибары соседствуют с особняками. Женщина, похоже, из тех, кто живёт в хибаре, – обитатели особ-

няков в такую погоду пешком не ходят. Да и, правду сказать, тележек не возят, дешёвых дождевиков не носят.

Она останавливается около витых ворот самого шикарного дома на всей улице, опускает корзину на землю и оглядывается по сторонам, будто забыла дорогу. Но быстро «вспоминает», снова хватая свою ношу, как бы не замечая, что из корзины словно вытекло нечто длинное и чёрное и мгновенно слилось с темнотой.

Женщина проходит еще полквартала и сворачивает к остановке. В такое время бесполезно ждать автобус – очень красивое, но редкое для Города явление. Но она всё равно садится под остановочный козырёк и ждёт...

– Вероника!

Вздрыгнув, женщина открывает глаза. Капли блестят на голубом капюшоне дождевика. Прошло минут двадцать, не больше.

– Всё?

– Не знаю. – От холода Зая переступает с ноги на ногу, то и дело заслоняя свет фонаря.

– Может, в корзинку?

– Нет.

Заины туфли на тонких каблучках отбивают чёткий ритм по старому неровному асфальту. Когда, громыхая тележкой, они переходят деревянный мостик через ручей, «шпилька» проваливается между досками. Вероника дёргает Заю за руку, мол, что ты там застряла, – и каблук резко ломается, оставшись зажатой дощечками неочевидной уликой, ядовитым клыком, напоминанием Городу о том, что и он сам уже трещит по швам, как его дома, как его жители. Дальше Зая идёт прихрамывая.

5

Сашка и Марина ждут их в подвале. Вероника останавливается у входа и достаёт из прикреплённой к тележке сумки яблоки. Один пакет, второй, третий. Пакеты не завязаны, ставит Вероника их кое-как, и яблоки раскатываются по полу.

- ...Что ты наделала!..
- ...Тебе придётся сдать полиции...
- ...Тебя посадят в стеклянную клетку...
- ...Змее место в террариуме!..
- ...Ты убила!..
- ...Мы не будем тебя прятать...
- ...Мы не будем тебе помогать!..

Зая уже не разбирает слов. В комнате четверо, а голосов становится всё больше. На Веронику никто не обращает внимания. Даже соучастницей не называют, хотя казалось бы...

Она уже не в подвале, она в Городе, где на неё смотрят из каждого окна, где прохожие молчат так громко, что хочется заткнуть уши, где о ней знают все, а не каждый третий. А тюрьма...

Но зачем ей тюрьма?

Город сам сделает своё дело.

Город перевоспитает.

Змеиные сны не похожи на человеческие. Они путаются сильнее, но веришь им гораздо больше.



## **СМОТРИ МОИМИ ГЛАЗАМИ**

Опора скользнула прочь. Больно ударившись о корявый ствол плечом, Тим рухнул на землю. Сдавленно выругавшись, поднялся, с досадой пытаясь приладить кусок разодранной штанины, но тот предательски оттопыривался и никак не ложился на место.

Сверху донесся залиvistый смех. Тим раздраженно вскинул голову – согнувшись пополам, Кира просто укатывалась над ним, тряся выбившимися из «хвоста» кудряшками.

– Растяпа ты растяпа! Пх-пха... Говорила же: не клади доску на ветку, навернешься... Ну, или закрепил бы ее, что ли.

– Без тебя знаю! – зло бросил Тим. Ее снисходительный тон порядком бесил, два года разницы не повод важничать. А прямо не сказать – дурак дураком окажешься, как младшеклашка обидчивая. Отряхнувшись, полез обратно, упираясь в глубокие складки коры.

Кира протянула руку:

– Давай помогу, горе луковое!

Жгучий гнев на самодовольную девчонку заставил Тима рывком сдернуть ее вниз, перехватившись другой рукой у основания ветки. Но в следующий момент пожалел – ломает еще себе что-нибудь, не дай бог, тащи потом в медпункт.

Кира же, коротко вскрикнув, мгновенно остановила дугу полета, мягко спружинив о ствол, и теперь ехидно поглядывала снизу, точно ожидая дальнейших действий парня.

– Кончай глумиться, совсем не смешно! – рыкнул Тим. Приняв кивок в ответ, помог подруге вскарабкаться обратно. Следом уселся сам, крепко обхватив ветку ногами.

Отсюда открывался отличный обзор на пустырь. И на медуз. Голубоглазых, синеглазых, изумрудноглазых и совсем уж

старых, отцветающих – с черными бусинами зрачков по периметру зыбкого тельца. Приближаться к стаям боязно, потому дерево выбрали шагах в пятидесяти. Оптику достала Кира. Чудную, но годную: пара длинных трубок на перемычке, с настройкой дальности до трех километров (с ее слов, не проверяли). Где добыла – тайна, покрытая мраком. Заявила, что в дедовом сарае откопала, но Тим сомневался. Тот, конечно, механиком начинал, полно всякой всячины прятал: клещи, тиски, гидравлические ножницы, даже фрезерный станок (если название не спутал)... Но такая приبلуда явно не его профиль.

С полчаса ребята не отрывались от бдений, сталкиваясь лбами в поисках позы поудобнее. Самое лучшее время: закатное солнце искрилось на маленьких скользких куполах, а глазки медуз будто электричеством налились. Порхают себе, гирлянды сине-зеленые, не думают ни о чем... А им и нечем. Их дело – зацвести, в воздух подняться, людям нервы потрепать, да и осесть обратно на траву вдоль дороги черно-белой массой.

Незаметно напоззли сумерки, медузы опустились к земле, зависнув на высоте с полметра, почти неразличимые даже вооруженным глазом. Кира отвязала от ветки вещмешок, спрятала оптический прибор, а наружу извлекла сверток с пирогом. Развернула, разломила пополам: густо пахнуло капустой. У Тима засосало под ложечкой, и он порывисто отвернулся. Кира, удивленная эти маневром, придвинулась и протянула кусок.

– Хватит меня подкармливать, думаешь, дома есть нечего? – нахмурился он.

– Глупость какая! Обедал еще до школы, ученическую пайку Дэну отнес... До ночи теперь голодать?

Тим хотел было возразить, но, махнув рукой, взял свою порцию пирога, буркнул «спасибо» и умял ее в момент.

– А мне плантограмма вчера пришла, – словно невзначай обронила Кира. – Через две недели уезжаю.

– Промежуточный Второй?

Девушка отрицательно покачала головой, преувеличенно внимательно разглядывая носки башмаков.

– Первый?!

– Внутренний... – тихо выдохнула она.

Тим уважительно присвистнул. Они жили в Третьем Промежуточном округе. За особые успехи на второй этап обучения обычно отправляли в следующий, более близкий к Узловому Центру. Реже перескакивали через уровень... но чтоб через два!..

– Родители гордятся, наверное? – Скрывая горечь за иронией, парень одобрительно ткнул подругу в бок.

Кира пожала плечами:

– Мама плачет. Отца не видела еще – выброс вторые сутки ликвидирует.

– А чего плакать-то? Радоваться надо! Так, глядишь, и до Центра доберешься. А там хоть и биологические, но технологии. Говорят, вода горячая в жилые капсулы подается. Опять же, сами капсулы – не чета нашим баракам.

– Да ведь несколько лет не увидимся... А может, и вовсе никогда. Если б во Второй, и родителей могли бы, опережая график, со мной перевести – мол, новая программа, поддержка семейных связей, то да сё... А через два уровня точно не станут, жирно слишком. Да и квалификация не дотягивает, работать они там не смогут. В общем, как ни глянь – без вариантов. А по графику им до Второго округа еще три года, а потом еще семь – до Первого. Про Внутренний вообще молчу.

– Сама-то что думаешь?

– Здорово это, конечно. Только страшно... Далеко, и совсем одна.

– Ну, там же тоже люди. Товарищей найдешь, другую жизнь узнаешь, другие возможности откроются. И потом, почему не увидитесь, будешь приезжать с караваном...

Кира улыбнулась:

– По ходу, за то тебя мой дед и любил. Он тоже всё про технологии свои твердил, про возможности. Мол, такую цивили-

зацию профукали, живем, как в средние века... А нормально живем! Воздух чистый, еда есть, одежда есть – сама растет, между прочим, крыша над головой опять же...

Тим вспомнил проклянувшуюся утром платяную грядку: тугие сине-фиолетовые стебли, покрытые буровой слизью, перли ровным частоколом. Передернул плечами: пока рубашки не вызревали окончательно, эти посадки не вызывали ничего, кроме опасливой брезгливости.

– А чем в Центре лучше? – продолжала Кира. – Выбор больше? Так там и света белого не увидишь! С караваном, говоришь? Первое время у меня график восемь через двенадцать будет, и это в обучающем режиме. А потом еще мельче дробление станет, нагрузка-то выше.

– Ну, откажись, если боишься! Желающие на твое место мигом найдутся. Чего канючишь?

Парень рассердился: да что она, в самом деле?! Такая удача. У него-то с биологией не складывалось... с биоинженерией тем более. Вот к древней технике влекло сильно. Дед у них с Кирой, считай, был общий. Родного мальчик не знал, а со старым Яковом понимали друг друга с полуслова. Совсем мелким Тим забегал в дедов сарайчик, заползал под верстак и с горящими глазами кидался на поиски сокровищ. Старик, довольно крякнув, вытаскивал его оттуда с кучей барахла в загребуших ручонках и рассказывал, для чего нужно это, а для чего другое... Но прошла та пора. Да и механики нынче не требуются. После Второй Зеленой революции все технологии кроме биоинженерных и ментальных под строжайшим запретом. А с ними и любые механические приспособы. Безотходное производство, мир и согласие с природой, понимаешь...

– Дурак ты. Думаешь, не соображаю, какой шанс? Если до Центра дойду и нормально сложится, то и родителей вытащу. Семьям узловых работников довольствие предоставляется, и вообще. Но там все сложнее, чем лозу из земли тянуть да помидоры с верблюжьей колючкой скрещивать. Раз не прыгну выше головы, лучше и не пытаться.

– Сама дура! Не получится – вернешься. А не попробовать глупо.

Кира фыркнула:

– Что ж ты-то не «пробуешь»? Документы на интервальную аттестацию так и не отправил. Ждешь, чтобы до второго этапа не допустили?

– А меня и так не допустят, ты это прекрасно знаешь, – неожиданно спокойно ответил Тим. – Здесь вырос, здесь и помру. По оценкам софитронов я не способен к ментальному труду и малопригоден к биоаграрной отрасли. За два года вред ли что изменится. Ну не могу я с этой слизью...

– Не понимаю, чем дедово машинное масло приятнее!

– И не поймешь, – сухо отрезал Тим и спрыгнул на землю.

– Ты что, обиделся? Тим! Ну перестань!

Не оборачиваясь, тот зашагал в сторону барачков.

\* \* \*

Быстро темнело. Люмениров вдоль жилой улицы всего два – в начале и в конце. Направление видно, а вот ямки и кочки нужно ловить ощупью. Оставив за спиной входной конус света, Тим замедлил шаг, осторожно выбирая, куда ступить.

Из темноты выцеживалось странное бормотанье. Парень остановился. Звуки не стихали. Метрах в пяти от дороги, повернув одну ногу под себя и крепко обхватив другую, застыл Разноцветный Дэн. Не открывая глаз, он лишь иногда кивал, то ли подтверждая свои «слова», то ли соглашаясь с невидимым собеседником. Бедняга опять надрался, и где только находит...

А может, его «этим делом» кто-то жалеет, как Тим собственными пайками? А ведь ночи еще холодные, роса вот-вот выпадет, застудится. Надо бы до дома дотащить...

– Вставай, дружище!

Но худосочный Дэн словно врос в землю. Уж Тим его и так и этак – не поднять. Когда же попытался усадить горемыку поудобнее, тот разлепил веки. Гм, замутненный взгляд не вязался со ставшей вдруг твердой, отчетливой речью.

– ...Не ходи за отца на поляну... не ходи за отца на поляну...  
– повторял и повторял он, то всхлипывая, то явно кому-то угрожая, пока слова вновь не слились в сплошной неразборчивый бубнеж.

– Эк тебя накрыло... Ну ничего, тут недалеко, давай-ка поднимайся, – приговаривал Тим, закидывая руку выпивохи себе на шею.

Он жалел Дэна. Он помогал Дэну. Он страшно боялся увидеть в Дэне будущего себя. Оставшись после первого этапа в округе – на второй не взяли, – тот пошел работать на Комбинат. И чем дальше, тем увереннее спивался. И чем дальше, тем сильнее ненавидел сизые грядки и просто теплицы. В этом он признался однажды, когда пришел к бабке, как водится, выпросить закваску на опохмел. Бабки дома не было, а маленький Тим старательно измерял высоту проклюнувшегося в горшке фасолевого ростка – первое домашнее задание. Дэн тогда скривился:

– Сперва фасоль, потом строительные лозы, а потом эти лиловые уроды, из которых родится все подряд. Попомни мое слово, парень: наступит час – вылезет такая дрянь на жирном стебле, будет расти-расти, вымахает выше дома, а когда раскроется, там окажется не рубашка, не ведро, а плотоядный монстр!..

Тим не боялся промышленных грядок, но на всходы старался не глядеть – выскальзывал на улицу, огибая дом с обратной стороны. А с того дня проникся к Дэну симпатией, почувствовав какую-то общую с ним тайну, общую нелюбовь.

Когда же Дэн остался без работы, и вовсе начал втихаря носить ему часть своих паек. Вообще-то, страшная подлость: медузы – выброс Комбината, и из-за них же людей увольняют! Мол, не зевай, не подставляйся, а если проросла какая на тебе, так прости-прощай без выходного пособия.

Бабка рассказывала, перспективный проект считался. Самый первый. Комбинат только основали, еще старым способом построен был (как и бараки, которые такими и стоят).

Что там пытались вывести, не известно, но результат вышел боком. Бабка после учебки техником первого звена работала: собственноручно выносила эти ванны с питательной жижой и выливала на пустыре. Осень, ветра. Думали, высохнет-выдует да и промерзнет под конец. Вроде высохло. Вроде промерзло. А по весне-то в первый раз медузы и зацвели... Говорит, изучали года два еще нечаянную «радость». Не много узнали. Размножаются они чем-то типа грибницы, а для чего цветут, и вовсе непонятно. Как только ту грибницу не травили – все без толку, прорастает. Спасибо хоть, за границу пустыря не летят, как колпаком прикрытые. С тех пор выбросы под строжайшим контролем.

\* \* \*

– Садись давай, сейчас кашу согрею!

Тим не сказал, что уже поел, чтобы не обижать бабулю, и послушно сел за стол. Щелкнул энергопузырь, по кухне поплыл рыхлый аромат каши. Мошки наворачивали круги возле лампы с упитанными светляками, кто-то стрекотал за пыльным окошком... «Совсем как в детстве», – прикрыл глаза парень. Потом вздохнул:

– А где батя?

– Ох, да кто ж его знает, не вернулся еще.

– Говорят, выброс был.

– Эт кто говорит, Кира твоя? – прищурилась старушка. – Ну, ей видней. Можт, и был. Отец придет – расскажет. Как в школе?

– Нормально...

– И где ж допоздна гулял?

– Дэна домой отводил, – почти не соврал Тим. Как заходит речь о медузах, нотаций не избежать. Даже если свидание на безопасной дистанции.

– Ох, да уймись ты уже, совсем ведь он блаженный стал, что с ним возиться? Можт, так побыстрее бог приберет, отмучается...

– Ба!

– Что «ба»? А ведь какой парень был! Теперь одна тень осталась... Вот гляди и на ус мотай, что с человеком выпивка делает!

– И Комбинат, – буркнул себе под нос Тим.

– Комбинат?.. Ну, конечно! А как бы весь округ без Комбината жил? Стукнет время – и сам туда пойдешь. А огрехи везде случаются. Коли ума нет, кто ему виноват? Нормальные люди дома спят, а не по улицам шатаются.

Тим не ответил. Старушка же вдруг насупилась, заглянув под стол.

– Ну-ка-ну-ка, ногу-то выставь! Кому говорю!.. Э-э-эх... Опять как приبلудный будешь... Новые только месяца через два вызреют. Чего промолчал-то? Сам, что ли, латать собрался? Не позорь бабу, снимай штаны, аккуратно починю: дурак не поймет, умный не скажет.

\* \* \*

Спал Тим беспокойно. Долго ворочался, временами проваливаясь в полудрему... Вязкая темнота заползала под одеяло, свивалась в клубок под боком, словно ища самое слабое место, самую нежную кожу, чтобы проткнуть ее жирным щупальцем и вытянуть внутренности...

...В предрассветном сумраке хрупкая фигурка опустилась на корточки над домашней платяной грядкой. Воркующий мамин голос нашептывал что-то стеблям, тонкие пальцы ловко освобождали кончики побегов от излишков слизи. Иногда фигурка замирала, речь затихала, и в этом затишье стебли плавно покачивались, хотя даже при штормовом ветре стояли не шелохнувшись. Затем процедура повторялась со следующей грядкой...

Тим застыл в трех шагах, глядя через плечо мамы на странный ритуал и уже твердо зная, что рубашки вызреют теперь к концу недели, а не к осени...

Хищный проем двери исполински возвышался справа от грядки, маня и пугая своей чернотой. А фигурка склонялась



над ростками все ниже и ниже... Хотелось завопить, схватить за плечо и развернуть маму, всмотреться в лицо, броситься на шею, утонуть в ее ласке, ее теплых руках, нежном голосе... И спросить, спросить, почему она не взяла его с собой!..

В такие моменты он вскакивал с постели мокрый как мышь. И уже не мог уснуть до самого утра.

\* \* \*

Сегодня сводный экзамен. Он ничего не решает; после официального приглашения – простая формальность. Умом Кира это понимала, но ладони потели, нехорошо тянуло в животе, а сердце точно рвалось наружу через горло.

Долгий выдох... Сняла с подоконника горшок с геранью, поставила перед собой. Вчера на конце мясистого стебелька проклюнулась крохотная розетка будущих бутонов. Кира выпрямила спину, закрыла глаза. Прокрутила в голове алгоритм из инструкции. Снова пристально посмотрела на герань и замерла в напряжении. Зрачки расширились, к щекам прилила кровь...

Минута... вторая... третья... Зеленые кулечки набухли и медленно выпустили из сердцевины багровый бархат, развернувшийся в шарик соцветия...

Девушка расслабилась, откинулась на спинку стула. Получилось! Поставив горшок на место, она направилась к двери.

– Доченька... – Голос мамы звучал глухо.

Кира обернулась – мама неловко поправляла косынку и тебила в руках объемистый узелок. – Доченька, ты увидишь Тима?

Вспомнив вчерашнюю размолвку, девушка нахмурилась:

– Не знаю, не уверена... Слушай, я... мне нельзя опаздывать.

– Хорошо-хорошо, сама отнесу!

Кира кивнула, но, помедлив, уточнила:

– Все нормально?

Мама побледнела:

– Виктор... В общем, он не вернется.

– Отец Тима?! Что случилось? А папа? Папа в порядке?! – вскрикнула Кира.

– Да-да, в порядке. – Женщина неопределенно кивнула в сторону спальни. – Кажется, я говорила, был выброс... Серьезный, шестого уровня. Менталисты держали периметр, а техники по очереди зачищали «поляну» от внешнего края. К эпицентру первой подошла группа Виктора. Они и пострадали. Окончательно извели уже огнепалом. Боялись, что перекрестная реакция начнется, но бог миловал, утихло. Людей жалко... – Она порывисто прижала дочь к себе, погладила по голове и беззвучно заплакала.

Кира понимала: это слезы не только о погибших. Но и об отце, и обо всех, кто может оказаться на их месте. Непрофильный персонал не особенно берегут. Выбросы случаются не часто, но их не избежать. Как и не предскажешь заранее истинный масштаб угрозы. Поэтому Кира с детства привыкла к мысли, что надо прилежно учиться, тогда твоя ценность будет выше. Менталисты – надежда и опора. Без них все рухнет, а значит, нужно стать менталистом.

\* \* \*

Голова немного кружилась, но настроение было приподнятым. На волне эйфории – по скорости роста и прочности ее лоза на порядок обошла остальные – Кира напрочь забыла утренний разговор с мамой. Почти вприпрыжку летела к пустырю. После упражнений ей чудилось, что медузы – поют. Мелодично, нежно. Это, конечно, было не так, но по телу от того разбегалась приятная щекотка. Остановившись метрах в пяти от их ареала, Кира закрывала глаза, покачиваясь в такт лишь ей слышимой музыке.

– Эй, шлындра!..

Кира напряглась (голос Регины ни с чьим не спутаешь) и медленно обернулась. К ней приближались три фигуры.

Прогибаться нельзя:

– Это ты представилась или с кем-то из подруг знакомишь?

– Смелая типа? И самая умная? – Регина подошла вплотную и, нависнув над Кирой, процедила: – Если б не ты, тварь, меня бы во Второй округ отправили, а теперь на полгода пере-профиль и только потом, если повезет, сдавать. С нуля!

– Ты до норматива не добрала. Я-то что? – опешила Кира. – При чем здесь вообще я и Второй округ?

– Хватит комедию ломать, все знают, что тебя во Второй взяли! А в этом году берут только одного. И с нормативом брехня: его по среднему рассчитывают от лучшего результата!

– Слушай внимательно, говорю отдельно, – вздернула подбородок Кира. – Меня во Второй округ не брали. Если уж ты так туда хотела, стоило отправить заявку, глядишь, и выгорело бы. А раз нет – захлопнись и переучивайся!..

Ее трясло. Регина крупнее и сильнее, ее подпевалы, хоть и мелкие, дают численное преимущество. Лихорадочно сообщая, как вывернуться из этого дерьма, Кира отвечала на автомате, почти не задумываясь.

– Нет, вы слышали эту брехливую сучку?! – Толчок в грудь, полшага назад, но устояла. – А кого тогда с потока переводят, а? Может, Эмму? – Минди кивнула на гоготнущую подругу.

– Это меня не волнует. Я перехожу во Внутренний!

Ошибка... Регина отшатнулась, окинула Киру недоуменным взглядом и, ядовито прищурившись, выплюнула в лицо:

– Спорим, не переходишь?..

Кира свалилась в пыль, едва успев что-то сообразить. Прогля досада – уходить от подсечек Тим учил в первую очередь, а она...

Вскрикнула:

– Если софитроны узнают, что ты навредила потенциально сильному менталисту, не то что во Второй не попадешь, во Внешний вышлют, без права пересмотра!

– Сначала докажи!

Регина уселась на нее сверху, заломила руки за спину и начала спутывать обрывком какой-то ветоши. До Киры дошло, что с

ней хотят сделать... Если бросят на пустыре, доказать и впрямь будет сложно, кто поверит? Прижатая к земле, она обмякла, сбегая силы. Один глаз не открывался, его нестерпимо резало от попавшего под веко песка, но другим разглядела силуэт вяза...

Лежа под острым углом к границе пустыря, Кира отчетливо оценивала спасительную траекторию. И не менее отчетливо видела сгрудившуюся у края стайку медуз...

Самое отвратное – связанные ноги: ее собирались волочить по земле. Кира отчаянно извивалась, стараясь сместиться в нужном направлении. Без толку. До дерева слишком далеко... И вдруг заметила едва торчащий из почвы корень. Ее бросило в жар, зрачки расширились, потом резко сузились, и корень дернулся вверх, прямо перед занесенной для удара ногой Регины...

На землю они рухнули клубком. Морщинистый ствол ближе... совсем близко... Вложив в последний рывок остаток сил, Кира хлестанула поднявшихся на ноги противниц нижней веткой вяза. А уже теряя сознание, видела убегающие фигуры, слышала, будто издалека: «Ну ее, эту чокнутую!» и пару зарядов трехэтажной брани.

\* \* \*

Несколько дней после похорон отца бабушка держалась очень тихо. Вся в черном, и без того невысокая, она словно стала еще ниже. Когда Тим приходил, кормила его, а все остальное время молча сидела в уголке, сложив морщинистые руки на коленях и глядя в одну точку. Иногда плакала. И уж совсем изредка обнимала внука, всхлипывая: «Совсем ты сиротинкой остался...»

Тим тоже ходил как оглушенный. Жил точно по инерции. Школа – Разноцветный Дэн – школа – дом... Киры на похоронах не было. Подруга, называется... А мать ее помочь забегала. Сказала, что Кира болеет. Раз по пути домой решил проведать – не открыл никто. Черт ее знает. Уже неделю не видно. Нигде.

На пятый день бабушка куда-то пропала. Вернувшись из школы, Тим съел холодные вертыши, лег на кровать и уста-

вился в потолок. В последнее время он особенно часто думал о матери. Почему она ушла? Почему без него? А главное, куда?.. Это было легче, чем тосковать по отцу...

От мамы Тиму достались «прозрачные» (так бабушка говорила) глаза, и еще остались о ней тревожные сны. Лица ее он не помнил, только голос и некое смутное спокойно-теплое, слишком рано потерянное чувство... Менталистка, не чета отцу, да, видно, сердцу не прикажешь. Однако едва сынишке исполнилось полтора года, она исчезла. Шептались, что ушла с караваном, но это вряд ли: без ордера туда и мышь не проскочит. А может, в чистые, настоящие леса подалась?.. Не ведомо. Тиму почему-то казалось, что перед уходом она была какая-то... чужая... или больная. Но возможно, только казалось.

Хлопнула дверь. Тим сбросил оцепенение, встал и побрел на кухню.

Поджав губы, старушка гремела мисками.

– Мне сегодня тест по биоквалификации засчитали, – сообщил Тим.

– Угу, – кивнула, не глядя, бабка.

Тиму стало досадно, обычно она живо интересовалась его успехами. Сейчас, конечно, все изменилось...

– Куда ходила? – Он прислонился к дверному откосу, скрестив руки на груди, – словно поменялись ролями.

– Никуда! – отрезала старушка. Замерла на мгновение и неловко опустила на стул. – Не берут они меня! – выдавила со злостью. – Старая слишком, не годна.

Тим сел рядом:

– В смысле – не берут?

– На Комбинат обратно не берут... – Голос дрогнул, глаза заблестели.

– Спятила?! – обомлел Тим. – Зачем тебе Комбинат? Ты уже на бессрочном довольствии сколько? Лет пятнадцать?

– Не смей с родной бабкой так разговаривать! Дожила! «Спятила» – ишь! Чужие ни во что не ставят, и внук туда же!

– Прости, ба, не кипятись. Нет, серьезно, ты зачем на работу просилась?

– Просилась – значит, надо!

– Но зачем? Продукты и промсемена тебе выдают, у меня пока ученическая пайка, еще пару лет продержимся. А там... видно будет. – Что там будет видно, Тим не придумал. На чудо и перевод (что, в общем-то, одно и то же) он не надеялся. А думать о Комбинате не хотел в принципе. Вот пройдет два года, тогда и подумает.

Бабка тяжело вздохнула:

– Барак этот мне дали, когда сюда приквартировали, после учебки, как служебный. Я в ту пору уж на сносях была, а то б в общежитие приселили и все...

Тим открыл было рот, хотел спросить про деда, но бабушка, как обычно, замахала руками: мол, отстань.

– ...Ну вот, а вскорости Виктор родился. Потом я старшим техником стала, потом руководителем группы. А там, глядь, и отец твой эмансипировался. Еще через десяток лет меня на покой отправили. Да Виктор уже тоже комбинатским числился, нас трогать не стали, так и жили. Мать твоя появилась, ты родился... Но это, внучек, другая история. А нынче выходит, что законного основания оставаться тут у нас с тобой и нет. Меня во Внешний округ отправят, в богадельню, а тебя в интернат при школе на оставшийся срок.

Такого поворота Тим не ожидал. Ни об интернате, ни о том, чтобы кого-то из барачков выселяли, он прежде не слышал. Но зачем бабке сочинять? Пожал плечами:

– Ничего, я через два года эмансипируюсь, устроюсь на Комбинат и заберу тебя обратно.

– Не заберешь. Я на довольствии, ты без семьи, так и будешь маяться в общегае. Да не думай, не за себя переживаю. Мне два понедельника осталось – тут или там, велика ль разница? Тебя вот бросать боязно, а то... – Бабка осеклась, однако Тим догадался: она чуть не сказала «станешь как Дэн». И смутилась, сожалела о том, что едва не выпалила в сердцах. Но ведь не выпалила же.

Тим напрягся, до белизны костяшек стиснул кулаки. Глядя на перекатывающиеся желваки внука, старушка испугалась, что он вот-вот бросится к двери и сгинет в ночи совсем как его мать... И страшно корила себя за длинный язык.

Но Тим не бросился и не сгинул. Он поднял на нее странно посветлевшие глаза и хрипло выдавил:

– Завтра пойду в правление.

– Милый, милый... – залепетала старушка. – Они мне наотрез отказали, точно не возьмут...

– Я эмансипируюсь сейчас и устроюсь сам!

Тим принял решение, потому что иного выхода нет, и дело тут, конечно, не в доме.

Бабушка охнула, но ничего не сказала.

\* \* \*

Тим сжимал в руках документы: неполный аттестат, справку из медпункта с результатами анализов и штампом о тотальном осмотре на предмет инородных включений. И сейчас впереди, шагах в десяти, кружили в воздухе эти «включения»...

Ругая себя за глупость (не стоило вовсе ложиться, дотерпел бы до утра), он неуверенно переминался с ноги на ногу. Всю ночь промучился бессонницей, вернее, муторным ожиданием сна... Рисую в голове возможные ужасы застенков Комбината, отключился только перед рассветом. Снова видел мать. В этот раз она обернулась, но на месте лица колыхалась зыбкая белесая масса, по абрису которой то загорались, то гасли разноцветные искры. А из каштановых волос змеились тонкие стебельки с пурпурными зевами на концах...

Очнулся Тим лишь к одиннадцати и в медпункт за результатами, разумеется, опоздал. Пришлось ждать конца перерыва. Однако на Комбинат к назначенному часу он обязан успеть: и так еле удалось договориться об испытательном сроке.

Идти в обход – далеко и долго... Парень оттянул рукава толстовки вниз, накинуд капюшон и зашагал напрямки. Ко-

роткой дорогой, через пустырь. Конечно, продираться сквозь «цветник» плохая идея, а что делать?

Разглядывать их со стороны – это одно: парят себе, разноцветьем глаз переливаются, красиво... А вблизи – только успевай уворачиваться! К одежде почему-то не присасываются, зато к голой коже с превеликим удовольствием. И не сильно вроде жалят, но если прилипли, держись. Отскрести потом большого труда стоит, и зудит обожженное место – жуть! Кто в детстве влипал, реву было! Главное, чтобы прорасти не успели, иначе вырезать с мясом: глубоко вгрызаются, сволочи.

Дэн же ведь так и попался: отключился по пьяни под деревцем на пустыре, а они наутро зацвели. Ну и проснулся к обеду весь бляшками глазастыми разукрашенный. Потому и «Разноцветный». Проросли, пока дрых. Срезать не стали, не выжил бы: столько гадин облюбовали его, сплошным слоем. А с работы поперли. Одной твари на коже – уже с избытком: вроде токсины они выпускают в кровь, но не все время, а как бог на душу положит. Значит, и глюки носитель может словить в любой момент и натворить бед. А кому это надо? Потому все и увечатся, если припрет, – работа дороже. Кроме Дэна еще дед древний на окраине жил меченый. Тот пока понял, что не комары покусали, а похуже дела, дня три прошло. Резать категорически отказался. Благо бессрочного довольствия за такое не лишают. Да теперь уж помер, наверно, давно было.

Правда, потом Разноцветного медузы облетали. Точнее, не прилипали к нему, а словно хороводы водили. С тех пор от разговоров он уклонялся. Тим иной раз просто приходил и сидел рядом. Порой Дэн не замечал чужого присутствия, а порой благодарно улыбался, хотя на вопросы отвечал односложно, а больше молчал.

Быстрым шагом Тим преодолел уже половину пути, ловко уворачиваясь от полупрозрачных стаек. Но вдруг слева неожиданно вынырнула голубоглазка, взмыла метра на три и, рванувшись в штопор, нацелилась точно в Тима. Парень



побежал, стараясь не упускать ее из виду. Однако медузка не отставала, болталась как привязанная, то чуть обгоняя его, то кружа совсем близко. И внезапно... пропала.

Тим обернулся, надеясь вновь поймать ее в поле зрения, и в этот момент зацепился носком башмака то ли за камень, то ли за корень. Едва успел сгруппироваться в полете, прикрывая лицо, но через мгновение почувствовал жжение на тыльной стороне ладони. Вскрикнув, вскочил и помчался дальше. Насчет руки иллюзий не питал, но ладно, лишь бы добежать до границы...

За краем ареала Тим с минуту переводил дух, а затем, стиснув зубы, остервенело вцепился в прилипшую медузу. Кожу вокруг бляшки разодрал в кровь, но тварь не сдавалась. Он заметался в поисках хоть какого-то орудия... Сухая ветка – то, что надо!.. Еще через пару минут белесо-розовый ошметок валялся на земле.

На проходной спросили, что с рукой.

– Упал, – пожал плечами Тим. Действительно ведь упал.

Главное – успел.

\* \* \*

Домой он возвращался полумертвый. Взяли подсобником. Работа оказалась не такой уж мерзкой, но тяжелой. На люменирах Комбинат не экономил: гибридные органические витрины переливались всеми цветами радуги. Первое время болели глаза, но потом привык. В обязанности Тима входила переноска контейнеров с образцами с одного уровня на другой, ворошение перегнивающих куч с удобрениями (чтобы лучше поступал кислород), фиксация показаний в лабораториях – правда, только раз в неделю. Такой смены у него еще не было. Имелся и риск угодить на ликвидацию выброса... Но, если верить ребятам с третьего этажа, до следующего месяца три почти, и, мол, по степени угрозы они бывают разными, а случаются как по часам – каждые девяносто дней.

Садина на руке заживала медленно, времени, чтобы сменить повязку, тем более промыть регенератором, на работе не хватало. Тим опасался – вдруг рука отнимется. Но пока вроде терпимо: даже не болело, лишь чуть зудело, мокло и не застало толком.

\* \* \*

Погода скурвилась: мелкий дождик, совсем не по-весеннему секущий по лицу, постоянно менял угол атаки, ветер валил с ног. Тим шел, наклоняясь вперед, одной рукой придерживая капюшон, а другую – пострадавшую от медузы – пряча от ненастья под толстовку. В отдалении почудилась знакомая невысокая фигурка. Он ускорил шаг, окликнул Киру, но не догнал. А она не обернулась – не слышала или все еще сердилась? Ну, выздоровела – и то хорошо...

Сразу с проходной он отправился переодеваться в подсобку. Смена в лаборатории. Там и обсохнет, и отдохнет на непыльном посту. Задумавшись, не заметил вынырнувшего из-за угла начальника техников и чуть не сбил его с ног. Обычно степенный, аккуратно причесанный на пробор, сегодня мужчина был непривычно взъерошен. Уставившись на парня, коротко бросил:

– Иди за мной!

Тим хотел возразить, что ему вообще-то к лаборантам, но, напоровшись на жесткий взгляд, уныло поплелся за начтехом.

Тот на ходу пояснил:

– Все смены на ликвидации, на текущих задачах по одному дежурному. Если оперативно разберемся – дальше на местах по расписанию.

– А я слышал, выбросы раз в девяносто дней бывают... – промямлил Тим.

– Не знаю, что ты слышал, сейчас делом заняться надо!

– Получается, наврали, – вздохнул Тим.

– Если бы... – скрипнул зубами начтех.

\* \* \*

На «поляне» (ничем внешне не примечательном квадрате, со стороны метров тридцать) суетились с полсотни человек. Чем занимались ликвидаторы, Тим сначала даже не понял. Они с размаху всаживали в рыхлую почву длинные древки, увенчанные чем-то типа широких штык-ножей, проворачивали там и вытаскивали обратно, собирая невидимую добычу в мешки. Но вокруг была видна лишь трава. Самая высокая – по центру, а к границе поля все ниже и ниже. Край «поляны» обрамляла трехметровая полоса грунта, а дальше – шеренга менталистов в наглухо застегнутых светлых мундирах.

Начтех добрался до середины грунтовой полоски. Крикнул:  
– Марк, закругляйся, я смену привел!

Долговязый, болезненно бледный мужчина с дальнего угла вяло кивнул и пошел к ним. Тим же увидел, что у самого края «квадрата», стремясь за его пределы, то ныряет в землю, то выныривает обратно тонкий пурпурный вьюнок. Уходя в глубь, цветки его сворачивались острым клином, а появляясь вновь, распахивались, напоминая крошечные орхидеи. Тиму они показались смутно знакомыми, хотя на домашних клумбах ничего похожего вроде не росло. Преодолев по голому грунту с полметра, «орхидеи» замирали, увядали и чернели. Вероятно, из-за действий ликвидаторов.

Взяв у Марка верхний комбинезон и «штык-копье», облачившись, Тим занял свое рабочее место. Разглядеть в траве вьюнок было сложно, поймать еще сложнее – тот будто уворачивался от ударов. Когда все же удалось попасть лезвием по тонкому стебельку, зацепить и выдернуть корневище, Тим услышал пронзительный писк. Правда, длилось это долю секунды. А стягивая черный клубок со штыка, чтобы упаковать в мешок, заметил на штанине пурпурное шевеление.

Схватив вьюнок за самый кончик, Тим принялся наматывать его на руку, намереваясь выдрать и отправить к остальной добыче. Но тут словно удар током! Непроницаемый, густой зеленоватый смог перед глазами, заложило уши, а под

ложечкой похолодело, как при резком падении. Через мгновение глаза привыкли...

...Когда смог рассеялся и парень пришел в себя, клубок вился у его ног, не чернея и не стремясь к краю. И Тим... узнал эти цветы – змеящиеся былинки с пурпурными зевами в каштановых волосах...

Он испуганно оглянулся. Да нет, кажется, приступа никто не заметил. Раздраженно ударил штыком по доверчивым стебелькам. Старую ссадину нестерпимо жгло.

\* \* \*

– И сколько ты был в отключке?

– Толком не знаю, но посмотрелся достаточно, врагу не пожелаю.

– Тебе бы в медпункт, может, подхватил что...

Тим с Кирой сидели на той же ветке, что и в последнюю встречу. Странно и неловко, точно прошла не дюжина дней, а несколько лет. После работы Тим вызвал подругу на разговор. Иначе не простил бы себе.

– Я здоров. – Взъерошил волосы. – Просто некому больше рассказать... Это, понимаешь, будто тонешь, но... Но не тонешь. Нет, с ходу не объяснить!.. А вдруг... Вдруг это не морок, вдруг так оно и устроено?.. И что тогда? Все равно поедешь? Чтобы стать живым механизмом, удобрением?! Даже не знаю, как назвать...

Тим испытующе посмотрел на подругу. Та молчала. Он вздохнул:

– Ладно, чем болела-то?

Кира повела плечом:

– Трудно сказать. Врачи не определили. Мама говорит, Дэн меня притащил, в день сводного экзамена... Экзамен помню, Дэна – нет. Он тоже ничего толком не объяснил, только, что нашел меня у пустыря. Ну, и провалялась я дома без сознания четыре дня. Хотели на караван вне очереди заявку писать, не успели, очнулась.

– Дела-а-а...

Разговор явно не клеился, но Тим не сдавался.

– Подумай: как можно увидеть во сне то, чего не видел в жизни? И тем более, как мне могло померещиться все в таких деталях на «поляне»? – Нахмурился: – Ты же не считаешь, что я фантазирую?

Кира не ответила. Спросила сама:

– Вы в респираторах были?

– Без... Но какое это имеет значение? Остальные же в порядке.

Девушка водила руками по тонкому побегу, проклянувшемуся из прошлогоднего спила. Тим рассердился: и на нее за недоверие, и на собственную беспомощность. Зуд в ладони усилился. Увидев, что на побеге раскрылись новые почки, парень совсем разозлился:

– Да оставь ты в покое эту хворостину!

Кира вздрогнула: в глазах застыло недоумение, а в руке – опавшие с побега желтые сухие листочки.

– Это ты сделал?

– С ума сошла? Я даже строительную лозу на полметра выгнуть не могу, не то что на чистые деревья влиять!

– Больше некому... Я заставила их распусться и расти, убивать не собиралась. – Кира силилась понять, как отнестись к такому открытию.

Ладонь Тима под повязкой зажгло сильнее, чем когда-либо. Он вскрикнул и сорвал повязку, пытаясь охладить кожу.

Кира напряглась:

– Что это?!

Парень стиснул зубы:

– Долгая история...

– Ничего, похоже, мне уже спешить некуда, – пожала плечами девушка и придвинулась ближе: – Показывай...

\* \* \*

Когда вернулись к баракам, уже стемнело. Кира не унималась:

– Я бы на твоём месте сходила вырезала! Во-первых, небезопасно, в любой момент накрыть может, а во-вторых, важно понять, ты в самом деле менталист или это побочка какая...

Тим брел понурый и растерянный. Он же не сомневался, что скovyрнул всю медузу, будь та трижды проклята!.. И правда, дурак, надо бы сразу в медпункт – почистили б. Но вместе с тем... Вместе с тем почему-то не оставляло странное, почти забытое чувство комфорта и защищенности...

– А вдруг я узнаю, что случилось с мамой?.. – Он тряхнул головой: – Получается, не было бы счастья...

– Ага, «помогло»! – фыркнула Кира. – Скажешь тоже. Впрочем... Впрочем, может, ты и прав. Если только эти видения не от токсинов, конечно. Но хотя бы кошмары прекратятся. – Девушка ободряюще похлопала друга по плечу. – Одно непонятно: при чем здесь «поляна»?

– Погоди, я же не рассказывал тебе про кошмары! – сузил глаза Тим.

– Что значит, не рассказывал? А сегодня с чего начал? Он мотнул головой:

– Сегодня я говорил про один сон!

– Успокойся, я это и имела в виду. А были еще?..

\* \* \*

Едва коснувшись щекой подушки, Тим отключился.

...Вокруг снова сгущался туман, только теперь его наполняли не сумбурно, а медленно сменяющиеся картины. Образы перетекали друг в друга плавно, звучала тихая, нежная музыка, напоминавшая звучание тростниковой флейты... Как и на «поляне», слышался голос. Знакомый, но почти истаявший в воспоминаниях голос... И впервые Тим сумел различить слова.

– Смотри, малыш... Смотри, не попадись...

Из смога вновь выныривали то промышленные плантации, лиловыми пиками устремленные в небо, то огромные переплетения прозрачных пузырей, в которых колыхались человеческие тела. Потом картинка приближалась настолько,

что удавалось разглядеть застывшие глаза с расширенными зрачками и медленно открывающиеся и закрывающиеся рты, словно у выброшенных на сушу рыб. От основания черепа и суставов к поверхности пузыря тянулись разной толщины белесые лианы...

План удалялся, и – новый: гигантская сеть, раскинутая во все стороны, истончалась по периферии, расходясь в лучи с нанизанными на них кругами. В сердцевине же сети клубилась бесформенная ярко-изумрудная громада; отдельные растения в ней были неразличимы, но все это шевелилось и ширилось. Словно перебродившее тесто, зеленая масса непрерывно вспучивалась и вырывалась за пределы очерченного ареала, сминая и поглощая соседние пузыри...

Затем – опять резкая смена кадра. Теперь – «от первого лица». Тим идет к «поляне». Он смотрит на свои руки и видит женские, с длинными тонкими пальцами. Чувствует знакомое жжение, но только в области щиколотки. Слышит м а м и н г о л о с...

– ...Держись... до третьей лаборатории... взять фиолетовый флакон, затем на минус первый... со склада огнепал и молниестрел...

Эти слова повторяются снова и снова. Но чем ближе к «поляне», тем чаще голос срывается то на фальцет, то на хрип... Цель Тима уже не испытательные посадки, а неприметная дверь за ними. Он ступает на грунтовую полосу. Кружится голова, ноги ватные, и – опять звучит флейта... Громче, громче, громче...

А из-за шторы уже бьет свет неумолимо погожего утра.

\* \* \*

Тим по пояс свесился из окна и раскачивался вперед-назад, навалившись животом на подоконник. Кира задумчиво ковырнула ногтем краску наличника, вздохнула:

– Приходы, гляжу, с каждым разом все красочнее...

Парень поморщился:

– Зря иронизируешь. Думаю, не в яде медуз дело. При всей абсурдности видений есть в них что-то... Ну да, странное, но, черт возьми, убедительное!

– Значит, не пойдешь? Уговаривать без толку?

– Слушай, да разобраться надо сначала, вырезать всегда успею.

– Ладно, как хочешь, – пожала плечами Кира и поправила вещмешок.

Тим, потеряв равновесие, чуть не вывалился из окна, но вдруг завис в неестественной позе под острым углом к земле, нелепо растопырив руки. Потом медленно вернулся в исходное положение.

Кира застыла с широко открытыми глазами, зрачки ее медленно сужались.

Тим покосился на подругу с опаской. Попытался пошутить:

– Ты же не используешь свою власть надо мной мне во вред?

– Поглядим, – ответила в тон Кира. Посерьезнела: – Что же эта тварь с тобой сделала?

– Похоже, теперь я на двадцать процентов овощ! – продолжал ерничать Тим.

– Ну, тогда изменилось не многое. Так как ты надумал разбираться? Пожалуй, не помешает страховка.

\* \* \*

Углы в хозпомещениях постоянно завалены хламом – отличное укрытие. Тим наметил себе ближнюю к «поляне» подсобку. На ночь оставались три обходчика. С одним из них парень чуть не столкнулся в конце смены в дверях раздевалки. Точнее, столкнулся, но сделал вид, что направляется к проходной, и, переждав пару минут, короткими перебежками достиг нужной точки. Когда люмениры вокруг «поляны» свернулись на ночь, Тим осторожно покинул свое убежище.

У края грунтовой полосы застыл, переводя дух и еще раз взвешивая все «за» и «против». От легкого прикосновения к плечу вздрогнул и чуть не заорал в голос.



– Фу, блин... так и обмочиться можно, – пробормотал сердито.

– А мне что, с оркестром явиться стоило? – шепотом отозвалась Кира.

– Не ожидал, что правда придешь... Там же охрана.

– Подумаешь! Я отцу обед принесла, повсхлипывала о предстоящем отъезде и что, мол, не видела ни разу, что на работе у него творится. Он и растаял, устроил экскурсию, я и прикинула, как проскочить незаметно. А за проходной охранника малец разыграла – шиповник теперь там повыше. Пока он бегал о внешнем выбросе докладывать, я обратно перелезла – и привет. Что конкретно делать-то собираешься?

Тим дернул плечом.

– Еще не знаю... мне кажется, интуиция должна подсказать. В процессе.

– Провидец... Ладно, я тут буду. Если что, постараюсь придержать кусок периметра. Ну а уж ты тогда сопли не жуи и сматывайся.

Тим кивнул. Сердце екнуло, упав в живот, и точно замерло. Медленно-медленно, пригибаясь, он добрался до края поросли. Коснулся рукой – ничего, но в центре «поляны» почудилось какое-то шевеление. Выпрямился и шагнул к высокой траве. По мере приближения нарастал звон в ушах, перетекающий в еле слышную мелодию...

Достигнув центра (там стебли уже по пояс), Тим растерялся: и что дальше?.. Ох, глупая, похоже, затея, сейчас бы дома, поди, пятый сон глядел... Ну, ничего, трава мягкая, можно вздремнуть и здесь. Лег на спину, раскинув руки, – в поврежденной ладони жар, но не обжигающий, а даже чуть-чуть приятный, ласковый...

... Смога в этот раз не было. Он, Тим, снова на краю «поляны», снова слышит срывающийся голос:

– ...Держись... до третьей лаборатории... взять фиолетовый флакон, затем на минус первый... со склада огнепал и молниестрел...

Сильно кружится голова, подкатывает тошнота. И вот уже перед глазами сплошной травяной ковер, в который Тим, упав на четвереньки, упирается... узкими женскими ладонями... Он движется против воли, трава ластится к телу, а голос надсадно хрипит:

– Отпустите, суки, отпустите, пожалеете!..

Но он ползет и ползет. К центру. Хотя точно знает, что нужно в третью лабораторию: забрать фиолетовый флакон, потом на минус первый, и – взять со склада огнепал с молниестрелом...

В центре он ложится «звездой» лицом в траву, чувствуя во всем теле неприятную щекотку, а в ноге острое жжение... Но вот картинка отплывает; он видит тело матери сверху и слева: трава пронизывает его насквозь, завивается и снова впивается в плоть, точно накладывая швы... тысячи мельчайших швов... Ее руки и ноги конвульсивно вздрагивают, однако это совсем не мешает траве. И постепенно уродливая живая вышивка погружается в глубину, в почву, и зеленое поле смыкается над ней.

Но Тим видит все и там, в глубине (изображение словно подсвечено неясными лучами): от изувеченных конечностей тянутся толстые корни и тонкие волокнистые нити, по которым бегут искры, будто передавая кому-то (или чему-то) загадочные сигналы. И вновь звучит голос:

– С м о т р и м о и м и г л а з а м и...

\* \* \*

Тим очнулся от того, что его волокно по траве, а острые стебли больно секли кожу...

...Кира сидела в стороне от периметра, привалившись к стене и тяжело дыша. На то, чтобы вытащить друга, ушли все силы. Тим лежал рядом и не мигая глядел в высокий сводчатый потолок. Еле слышно прошептал:

– Она жива. Просто... иначе...

Кира не ответила.

Парень скрипнул зубами:

– Все это долбаная правда!.. Медузы – коллективный проводник, помогают подключиться к единой биосети, которая с менталистами в обоих направлениях работает, да только куда человеку против этакой громадины. Потому контакт и вышел поначалу односторонним, и... Захват. Сейчас же, кажется, мать... ну, то, что вместо нее, может выбросы генерировать.

– А ты уверен, что это она? Откуда знаешь?

– Знаю, и все!

Кира хмыкнула:

– Веский аргумент.

Тим приподнялся на локте:

– Понимаешь, она видит сеть целиком и чувствует ее уязвимые места. Во всяком случае, в ту ночь собиралась выжечь медуз, чтобы у нас в округе не захватило никого. Но не добралась до компонентов. А теперь и я ч у в с т в у ю... Понимаешь? Чувствую, как растет и крепнет сердцевина узла, как встраиваются в нее новые и новые сознания...

– И что ты собираешься делать?

Тим сел, пристально посмотрел подруге в глаза:

– Для начала выжечь пустырь. Поможешь?

– Что угодно, если утром пойдешь сдаваться в медпункт!

\* \* \*

...Небо на востоке помалу светлело. Но это было почти не заметно – пустырь сплошным слоем усеивали искрящиеся тельца. Белесые тушки осыпались, как только выгорела грибница, и теперь дотлевали раскинутым на многие метры негащущим покрывалом.

Тим еще сжимал в пальцах коробок от заряда огнепала, напряженно вглядываясь в мерцающее сияние. Пустырь казался незнакомым и оттого даже более опасным, чем раньше.

В нескольких шагах крепко опутанный причудливо изогнувшимися ветками жимолости со стоном корчился Разноцветный Дэн. На его лице и теле то и дело вспыхивали светящиеся узоры, заметные даже сквозь рубашку. Дэн нарисовался

почти сразу, едва ребята добрались до медузьего пристанища. Попытался оглушить Киру: подкрался сзади, когда та расставляла сеть молниестрела по периметру. Но то ли обессилел совсем, то ли промахнулся в темноте – не вышло. Пока подроспел Тим, они с Кирой накувыркались изрядно. Ну, до куста Дэна кое-как дотащили, а дальше – дело техники.

Завопила комбинатская сирена.

– Выброс. Сильный. Мать рвется, – глухо проговорил Тим.

Кира почесала локоть.

– Куда рвется?

– Комбинат развалить хочет... А там, может, и сердцевину остановить удастся. Мы же теперь заодно.

Девушка, положив ему руки на плечи, пристально посмотрела в глаза. Спокойно и твердо произнесла:

– Ты обещал вырезать остатки медузы, если очистим пустьрь. Мы это сделали. Довольно подвигов. Утром идем в медпункт. Точка.

– Да погоди! – отпрянул Тим. – Я же тебе все рассказал. В подробностях. И про пузыри, и про людей в них, и про сердцевину!

– Даже если это не плод твоих галлюцинаций...

– Что значит – если? Медузы сдохли! Не самоубийство же они через меня решили проверить?!

– Даже если это не плод твоих галлюцинаций, – продолжила ровным тоном Кира, – мы не знаем, как эта зараза подействует на тебя теперь, когда грибница уничтожена.

И точно в подтверждение ее слов повязка на руке Тима едва заметно подсветилась.

Он помрачнел:

– Так что, просто сделать вид, что ничего не произошло? Не происходит?

Кира провела шершавой ладошкой по щеке друга.

– Конечно, нет. Но тебе обязательно надо отдохнуть...

Тим только сейчас заметил, что его ноги почти до коленей обвили тонкие гибкие побеги. Рванулся – бесполезно, стебли

тянулись выше и выше. А Кира спокойно отступила на два шага, потирая локоть.

– Осатанела?! Ты что творишь? – Все негодование и злость на подругу Тим старался направить на проклятую поросль, но та только крепла.

– Тебе надо отдохнуть. И не мешать мне... И, пожалуйста, прекрати сопротивляться, ты же знаешь, что я сильнее! – неожиданно рыкнула она, остервенело расчесывая локоть.

Зайдя со спины, Кира повернула голову Тима влево, туда, где на все лады продолжала завывать сигналка. На фоне светлеющего неба росла странная грибообразная махина, уже на полкорпуса возвышавшаяся над Комбинатом.

– Она не остановится, а ты не сможешь причинить ей вреда, потому что всю жизнь надеялся... Потому что всю жизнь ждал ее возвращения. – Кира чуть сдавила его виски и прошептала: – С м о т р и м о и м и г л а з а м и...

...Несколько мгновений спустя невысокая фигурка, направляясь в сторону Комбината, скрылась в предрасветных сумерках. В ореоле от гаснущих ночных люмениров Тиму помешался шевелящийся голубоватый венчик вокруг ее курчавой головы.

Крепко спеленутый по плечи, он еще долго видел сквозь окружающий пейзаж, как две зеленые волны живого шторма накатывают друг на друга. Словно жуткое ведьмовское варево, вздымается и опадает зеленая масса...

И ничего иного вокруг.

От края до края.

## ГОЛУБЬ

Голубь недоуменно вышел из-под машины. И так же недоуменно вернулся обратно в тень.

Если поблизости нет смешной собаки, или кошки, или, на худой конец, маленьких детей, наблюдать остаётся только за голубями. У одной поэтессы, почему-то прославившей юривой, есть такая строчка: «лица проходящих читать, как лучшие стихи». Я восхищена её человеколюбием. Но видела бы она этого голубя.

Эх, сейчас я сама его не видела. Голубь скрывался в темной полосе тени под машиной, но я всё ещё могла рассмотреть его растопыренную лапку, оставшуюся на свету. И она сияла непоколебимо и розово.

Асфальт светился. Он был настолько сух и бел в лучах солнца, что даже слепил глаза. Стены домов, крыши и лица людей немилосердно отражали этот свет. День был чрезвычайно ясный.

Голубь же вышагивал по краешку тени и сам периодически отражал свет. Недолго. О, похоже это не входило в его планы. Перманентным казалось лишь его недоумение.

Хотя сложно было выделить одну определённую причину, почему голубь недоумевал. Похоже, всё происходящее вокруг вызывало у него только такую реакцию. И это мне в нём ужасно нравилось. Резкими и мелкими движениями головы он перемещал фокус взгляда и пристреливал каждый миллиметр мира своим недоумением.

Наверное, у голубя была какая-то судьба. Место, откуда он взялся, место, где он чаще всего кушает, место, где прячется ночью и спит. Голуби ведь спят ночью? Или нет? Наверняка у него был возраст. И, конечно, личные пристрастия. А может,

у него был скверный характер. Я вспомнила, что на меня однажды голубь нагадил прямо у входа в театр. Вряд ли это был он. А может, он. А может, его двадцатиюродный брат.

Когда голубь, ковыляя, приближался к границе света и тени, он взъерошивал свои серые чумазые перья на шее, которые словно заменяли ему пышные кружевные воротники или карнавальные рюши. А потом перья снова сглаживались, и я снова замечала, как голубь блестит и переливается. В этот момент он был прекрасен. Но тут же голубь принимал решение вернуться обратно в тень и погаснуть, и потому рассмотреть отлив его серо-сиренево-синих перьев получше у меня никак не получалось.

А ещё там был зелёный! Да. Зелёный.

Всё-таки хотелось верить, что даже в тени он осознаёт свою голубиную значительность. Ведь последние несколько минут моей жизни были заняты исключительно этим голубем. Даже возникло желание почитать стихи вслух, но как бы для себя, а не потому, что меня интересовало его внимание.

Странно, но я пребывала на вираже некоего незнакомого ощущения, точно наконец-то начало происходить нечто, не похожее на мою жизнь. Да, я была излишне поэтична. А может, мне просто было слишком скучно.

Разумеется, голубь заметил меня. Он тщательно настраивал поворот головы и подходящий зум для того, чтобы взглянуть наконец на мои руки. Это занимает какое-то время, если ты голубь. К тому же в этой процедуре чувствовалась некоторая деликатность. Ничего у меня с собой для голубя не было, а значит, особых причин выйти на свет у него не находилось.

Выйти на свет. Нет, пожалуй, не сегодня.

Так мы и оставались, каждый на своём месте. Я в своей тени. Голубь в своей.

Это напомнило о чём-то грустном. Я даже подумала уйти. И встала уже со скамейки, но тотчас передумала и села обратно.

Голубь заинтересованно наставил на меня глаз.

Наши взгляды наконец встретились.

В такие моменты обычно играет музыка, но случилось другое.

Голубь вышел на свет во всей своей красе.

Он был похож на бензиновый разлив на мокрой весенней улице, на бомжеватого интеллигента, с которым, оказывается, вдруг интересно поговорить о жизни, на повисший в воздухе вопрос без ответа, на секунду до улыбки, на желание полежать на земле, испачкаться и не заметить этого, на ночную прогулку по городу, когда можно идти по середине проезжей части, на запах сырой коры, когда лезешь на дерево после дождя. Он был похож на детскую мечту, ту самую, которую я всегда хотела исполнить, а теперь не могу вспомнить, о чем она была. Он был похож на старые любимые джинсы, давно потерянную любимую игрушку, какую-то знакомую песню с забытым названием. Он был похож на первое алкогольное опьянение, желание потеряться и начать всю жизнь заново. Он был похож на необходимость перемен.

А потом он улетел.

Он улетел, потому что пришёл мужик, звенящими ключами открыл машину, ту самую, которая, оказывается, была древней «Волгой», а не просто источником тени для моего голубя, хлопнулся на сиденье и, долго сдавая назад и задевая пыльные кусты боковыми стеклами, развернулся и выехал из двора. Я не стала смотреть на то место, где раньше сидел голубь.

И я пошла на остановку, прыгнула в свою маршрутку. Она была пустая и душная. Я приоткрыла окошко и подставила лицо ветру. В середине пути водитель что-то сказал вперёд себя, а я не поняла. Наверное, он говорил по телефону.



## ЕЛИЗАВЕТА ЛОСКУТОВА

20 лет, студентка филологического факультета  
Воронежского государственного университета

---

### СКАЗОЧНЫЙ ПЕС

Через щёлку между занавесками проникает слабый свет уличного фонаря, освещая только часть комнаты. За стеной шумят соседи. Что-то празднуют. С другой стороны ворчит Марья Леонидовна. Её кот Аркадий недовольно поддакивает. Мишка лежит под тёплым одеялом, обнимая плюшевого пёсика Арто. На самом-то деле Мишка точно знает, что Арто живой и только притворяется, что он игрушечный.

Мишка прислушивается к звукам ночной жизни общежития. Мальчику страшно и одиноко в пустой тёмной комнате. Он старается не глядеть в тёмные углы. Кажется, там что-то шевелится, хихикает... Ой, это Страшилы, ночные гости общежития! Они настолько лохматые, что похожи на шарики. Страшилы любят пакостить. Когда-то у Мишки пропала монетка, которую дала ему мама. Где только не искал – нигде её не было. И вот так же вечером, когда мама, как и сейчас, ушла на работу, Мишка сидел на кровати и в тысячный раз рассматривал книжку с картинками. И вдруг краем глаза увидел в дальнем полутёмном углу комнаты маленькое существо. Едва мальчик поднял голову, существо противно захрюкало, показало язык, а в меховой лапке его блестела... та самая монетка.

Мишка вскочил.

– Отдай! – закричал, топнув ногой.

Страшила захихикал и исчез. Мишка растерянно замер, а затем услышал мерзкий смех уже за спиной. Оглянулся – существо, вертясь и не переставая смеяться и подвывать, вырывало страницы из его любимой книжки. Некоторые записывало в рот, другие швыряло на пол. Мальчик чуть не рас-

плакался, но в этот момент встревоженная шумом Марья Леонидовна распахнула дверь, и... Страшила пропал.

– А-а-а! Михаил! Несносный ребёнок! Ты что наделал?! За-чем книгу порвал? – загремел голос женщины.

И как ни старался Мишка убедить «тётю Машу», что это не он, та не поверила, заставила всё убрать, заперла дверь снару-жи и ушла.

С того дня Мишка пытался рассказать про Страшил и маме, и другу Артёмке, но никто ему так и не поверил. И Мишка понял, что взрослые никаких Страшил просто не видят, а поэ-тому не верят в них, вина в разорванной книжке его.

...Вот и сейчас Страшила тут как тут. А у Мишки саднит горло. Даже говорить трудно, а уж закричать на Страшилу тем более. В тусклом свете фонаря что-то кружится: призрач-ное, лёгкое... Звуки общежития начинают отступать на второй план, а в ушах звучит неземная, сказочная музыка. Мишка никак не может понять, спит он или нет? Наконец ему удается ущипнуть себя. Не спит. Но тогда что же это?

А кружащееся в воздухе нечто стало обретать очертания... гигантского лохматого пса...

Миша сначала испугался, но, увидев жёлтые глаза пса, почему-то успокоился. Эти большие-большие ярко-жёлтые «блюдца» казались добрыми и... почти человеческими.

И тут пёс заговорил, а Мишка замер от удивления,

– Здра-а-авствуй... – грустно-грустно прошелестел голос.

– П-п-привет... – запинаясь, шепнул мальчик.

А пёс вдруг, подмигнув, повернулся к окну:

– Залезай на спину!

И – Мишка неожиданно послушался. Шерсть у пса густая, пушистая, прохладная. Мишка прижался к ней всем телом.

Внезапно раздалось робкое тьяканье.

– Кто это тут у нас? – насмешливо пробасил пёс.

Мишка оглянулся и увидел... своего Арто, который всячески старался обратить на себя внимание хозяина.

– Арто! Это Арто! – воскликнул Мишка. – Я знал, всегда знал, что он живой! Можно взять его с собой?! Ну пожа-а-алуйста!

Диковинный пёс ничего не ответил, лишь чуть пряданул ушами. А в следующий миг Арто уже оказался прямо перед Мишкой. Мальчик радостно обнял его и... уснул...

\* \* \*

Произошедшее потом Миша помнит смутно. Все картинки расплывались в дымке воспоминаний и никак не собирались в единое целое. Яркий свет, что-то белое, люди, звёзды, синее-синее небо, сказочный пёс, опять звёзды. И только один фрагмент запомнился отчётливо, как будто это было наяву.

...Мишка сидит на траве. Ослепительно светит солнце. Вокруг много детей. Мишка не знает их, но все они вместе бегают, играют, смеются. А на возвышающейся над лугом скале лежит тот самый гигантский пёс. Он наблюдает за детьми, и порой Мишке кажется, что он смеётся. А потом мальчик видит, что на растущем неподалеку дубе почему-то... дверь. И эта выкрашенная в ярко-синий цвет дверь – такая зовущая, такая манящая... Что-то это напоминает?..

Маму! Это напоминает Мишке маму! Он должен вернуться к ней! Мама ждёт его, а он здесь развлекается!..

Мишка встаёт и направляется к двери. И в следующий миг раздаётся ужасный рык... Это – он! Гигантский пёс! Он не хочет, чтобы Мишка уходил. Мальчик бросается бежать... и.... пустота...

Опять яркий свет, что-то белое, люди, звёзды, голубое-голубое небо...

А потом Мишка видит лицо мамы. Мама склонилась над ним. По щекам текут слёзы, губы шепчут: «Миша... Мишенька... вернись...» А вокруг всё белое-белое...

«Так я в больнице», – догадывается Мишка и тихо-тихо говорит:

– Мама, не плачь... я здесь... я вернулся... Что со мной?..

Мама обнимает, целует его, почему-то просит прощения. И – начинается суматоха...

\* \* \*

Как Мишка узнал позже, той ночью у него поднялась очень высокая температура. Сорок градусов. И он потерял сознание, говорят, даже мог умереть. Только благодаря Марье Леонидовне всё закончилось благополучно. Она услышала в Мишкиной комнате... лай. Испугавшись, поспешила проверить, что же там происходит, и обнаружила задыхающегося мальчика. Вызвала «скорую», позвонила Мишкиной маме...

И только пёсик Арто куда-то пропал. И никто больше не видел этой игрушки...

## ОСТАНОВИТЬ МГНОВЕНИЕ

Огненно-желтый сентябрь. Днем на улице жарко, как летом. А ночью непременно будет прохладно. Я сижу на подоконнике между кактусами, суккулентами и чахлым декабристом, который, судя по всему, скоро совсем засохнет. Я сижу в подъезде между вторым и третьим этажами и чувствую, как по ногам пробирается откуда-то предвечерний холодок.

Сижу, обхватив колени руками и задумавшись. Волосы рассыпались волнами по спине, рукам и коленям. В углах как маленькие мышки сгущаются тени. Бархатные сумерки – предвестники ночи. За поворотом лестницы, на третьем этаже, горит лампочка, но сюда свет доходит очень слабо. В обращенном на запад небольшом окне отображается весь вечерний пейзаж. Силуэты темных деревьев четко и тонко очерчиваются на фоне неба. Чем дальше к горизонту, тем гряды леса гуще.

Но больше всего привлекает внимание небо. «Чем ближе, тем темнее» – как говорят художники. Уже прорисовывается тонкий полупрозрачный коготок месяца. На горизонте разливаются яркие краски заката: лавандово-голубой, розовый, желтый, кремевый. У самой кромки леса, как пожар – тем-

но-оранжевая полоса. Сверху облака дымчатые, снизу – подсвечены солнцем. Все это складывается в моих глазах и моем восприятии в дальние картины. Желто-персиковая кажется залитой солнцем и подернутой рябью широкой рекой; дымка облаков – берегами, погруженными в предвечерний сумрак. А иногда небесный пейзаж напоминает горы в тумане, да такие, что и не отличишь от настоящих...

Но сейчас на весь этот пейзаж надвигается большая, грозная, угрюмая туча. Туча похожа на усталого и грустного дракона. Спина его темно-синяя, а брюхо – нежно-розовое. Дракон тоскливо ползет по небу, склонив голову на длинной шее, будто высматривая, выискивая что-то бесконечно дорогое там, внизу...

Несколько лучиков проникают через стекло, освещая кофем на полу и играя на зеркальных поверхностях. Во всем этом сквозит что-то щемяще-тоскливое, «предзакатное»...

Я сижу и думаю. О сегодняшнем и вчерашнем дне, о вчерашней ночи. И вообще обо всем, о чем только можно. О том, как в одно и то же время можно уставать от людей, не любить их и одновременно любить настолько, что хочется плакать, умирая от нежности к ним.

Помните, у Бунина – «Как ни грустно в этом непонятном мире, но все же он прекрасен».

Вчера было очень четко-неприятное ощущение. Будто что-то случилось, а я этого не заметила. А вдруг действительно со мной что-то случилось, а я не заметила?.. Но что?

Время бежит слишком быстро. Это пугает. Все уходит, растворяется, разрушается, рассыпается, уплывает по реке Времени. «Жизнь – будущее, а не прошлое». Но существует ли это будущее? Строго говоря, нет, ибо уже через миг оно настоящее, а затем становится прошлым. Прошлое же – лишь воспоминания, прекрасные, но воспоминания. В них не вернешься, хотя они само наше существо... Прекрасно то, что мы там были. Чудесная власть прошлого...

А еще иногда мне кажется, что для всех я просто Тень. Что меня не существует, меня могут забыть... Почему так? Не знаю, не понимаю, но это неприятно и больно. Неприятно, когда твои знакомые обнимаются, а ты стоишь в стороне. Больно, когда ты остаешься один в то время, когда сильнее всего хочешь и можешь говорить. Когда в общем разговоре тебя почему-то не слышат и не слушают. Больно, что ты в принципе очень часто ощущаешь себя одиноким. Одиноким среди людей. Это какая-то отчужденность от всех. Это как если пишешь в чат, в котором до того народ активно общался, а с твоим приходом все замолкают. У меня постоянно так. Осознание этого кошмарно, оно ввергает меня в ужас и панику. Почему? Почему?! Не нравится, не нравится. Мне – не нравится! Протестую!..

Но это было вчера. А сегодня я снова с ними, я смеюсь. И вроде бы все хорошо. Я чувствую, что мне хорошо. Чувствую людей, их расположение, их эмоции. Я с ними. Они настолько интересные, разносторонние и безумно яркие личности...

Небо еще светлое, расчерченное облаками и полосами от самолетов. Сосны освещает желтое веселое солнце. Оно прыгает и играет. Играет в струях воды фонтанчиков-поливалок на траве, словно покрытой хрустальными каплями, играет в глазах и на лицах людей, придавая им что-то очень милое и живое и оставляя добрые блики...

На качелях хорошо. А если зажмуриться и постепенно отключиться от окружающего мира, прислонившись к сидящим рядом, переплетя пальцы, голова к голове, чувствуя легкий ласкающий ветерок на лице, это прекрасно. Такое состояние даже описать трудно – настолько становится здорово.

Девочка улыбается и раскачивает качели.

Мы на горке. Отсюда видно других, тех, кто внизу. Горка тоже качается, и залезать на нее страшновато, но нам здесь хорошо. Высоко и хорошо. Какой-то разговор, потом, возможно, и не вспомнишь о чем, но я запомню эмоции, я запомню улыбки.

Желтеющий лес, опадающие листья, петляющая дорога, присутствие все тех же дорогих людей. Их улыбки заставляют улыбаться и тебя, их улыбки, их счастье делает счастливым тебя тоже. Держаться за руки – и разговаривать-разговаривать. Пить чай на Перекрестке, прямо на полу, обниматься в коридоре, петь песни, восторгаться закатами и сидеть в темноте, забывать о времени и хохотать до боли в животе и до кашля. Влюбляться в прекрасных людей, слушать их голоса, смотреть на них – это согревает буквально все внутри...

*«Дайте мне белые крылья –  
Я утопаю в омуте.  
Через тернии, провода –  
В небо, только б не мучиться.  
Тучкой маленькой обернусь  
И над твоим крохотным домиком  
Разрыдаюсь косым дождем.  
Знаешь, я так соскучился!..»*

Это любовь к людям несмотря ни на что. Глубокая привязанность и желание, чтобы у них обязательно все было хорошо. Желание сжать руку и больше не отпускать. Не отпускать из своей жизни. Любовь настолько сильна, что, чувствуя ее, ты горишь, улетаешь в космос, ты перестаешь существовать, растворяясь в мгновениях и эмоциях. Даже становишься ветром и дождем. Это сродни смерти, но той смерти, когда «птица, натыкаясь на колючий шип, поет последний раз в жизни, но эта песня самая прекрасная на земле».

Это одновременно заставляет умирать и воскрешает. Хочется жить. Жить именно в этом мгновении. Остановить время, остаться здесь, сгореть Фениксом именно в этом моменте.

Ты знаешь, что такое абсолютное счастье? Ты была когда-нибудь счастлива так, что хотела остановить мгновение?

Да. Я хочу остановить это мгновение. Хочу остаться в нем, раствориться в окружающем мире, взвиться дымом в небеса. Это как бешеный танец. Танец жизни и смерти. Мой танец.

Остановить мгновение!  
Остановить мгновение!  
Остановись, мгновение!

...Я спрыгиваю с подоконника и иду к людям. Небесный дракон рассыпался и улетел. Или, может, он нашел то, что искал?.. Кто знает. Пока я сидела, закат почти догорел, только последний росчерк, как прощание, угасает над самым горизонтом. Сейчас у меня все будет хорошо. Спокойно и прекрасно. А потом... Потом снова будет ночь, будет одиночество...

## ЛАМПА

На моем столе горит лампа... Зелёные отблески от абажура пляшут по стенам. В складках фиолетовых штор притаилась ночь. Она совсем рядом, совсем близко. Подними голову – и увидишь ее глаза. Ночь близко, но еще не здесь. Здесь пока только тихие, ласковые сумерки – чёрные котята с острыми коготками.

Сижу в кресле и устало переписываю предложения в тетрадь. Ручка скользит по листу, истекая чернилами. Пишу и пытаюсь что-то запомнить... Безуспешно.

На потолке уютно примостилась моя тень. Из приоткрытого окна тянет вечерней весенней прохладой. Поднимаю голову, прикрыв глаза, вдыхаю свежий воздух.

Затем откладываю ручку и, облокотившись на сцепленные в замок пальцы, замираю, глядя в окно...

Мутно-голубое небо. Чуть сероватое, будто в дымке. На его фоне прорисовываются в отдалении ветки деревьев и темные



силуэты трехэтажек. На улице почему-то никого. Нет даже галдящих детей.

Неотрывно смотрю на небо. Его цвет напоминает заплаканные глаза. Глаза после многочасовых рыданий. Таких рыданий, когда хочется выть и кричать, когда кажется, что никогда не сможешь успокоиться и умрешь вот прямо сейчас, но... лишь впиваешься ногтями в ладони. В таких глазах как будто отражается разбитое сердце, раненая, истерзанная душа, уже бессмысленные надежды, но одновременно с этим не отражается ничего, потому что и внутри ничего больше не осталось. Такое и небо...

О чем ты плакало, небо? О чем лило сегодня свои холодные дождевые слезы? От радости так не плачут, не верю. Однако о ком же ты плакало?.. Или – о чем? О Земле или Космосе? О прошлом или, быть может, будущем? О других или себе? Скажи же!..

Молчишь. И ты молчишь. Хмуришься, словно вновь готовое заплакать. И я хмурюсь тоже. Но только плакать не собираюсь. Чувствую внутри лишь поразительное спокойствие и отрешенность. Холодную и беспощадную. Достающую до самого сердца. Как если бы кто-то точным, выверенным движением вонзил в грудь острый клинок, самый кончик которого мягко коснулся сердца...

На столе горит лампа...

## **ТЫ СЛЫШИШЬ?**

Ты слышишь? – я скучаю...

Я скучаю... я очень скучаю, слышишь? ...Нет, ты не слышишь, не чувствуешь. «Так надо». Кому? Зачем? Отчего так получилось? Или так было задумано изначально? Не нами, но кем-то еще...

Пытаюсь не думать, не вспоминать, а не получается... И я злюсь на саму себя.

Но я не хочу забывать, не хочу отпускать. Не-хо-чу!.. Как ты не понимаешь?!

Нервы на пределе. Не могу... не могу больше. Ну почему я так сильно привязываюсь к людям?

Пешеходный переход. Побежал, заспешил зелёный человек. И вы спешите – время тикает... А нет! Пойдите! На «красный» проносится машина. Прямо перед носом у пешеходов. Смотрю на дисплей телефона и задумчиво говорю:

– Я проверяю, когда человек был в Сети. Проверяю и подолгу смотрю на значок «В Сети»... Это нормально?

– Нет, солнце, это ненормально, – отвечает девушка, не глядя на меня. – Но и он ненормально, – кивает вслед умчавшейся машине.

Я молчу – да и что еще тут можно сказать?..

*Пальцы лишь воздух хватают.  
Ветер звенит в вышине.  
Тонет город в тумане.  
В направлениях разных убегают  
Дороги. Под темно-зимним небосводом  
Огни сияют хороводом.  
А я... а я стою здесь,  
Словно на распутье,  
И мир мне весь  
Вдруг кажется чужой.  
Вокруг кромешное безлюдье.  
«Где вы?» – «Где ты?» –  
Мне крикнуть хочется порой.  
Мне до тебя как до луны –  
Так далеко и невозможно.  
Не столько убивает расстоянье,  
Сколь тягостно молчанье...  
И время уж прошло давно,  
А я скучаю все еще.  
Вокруг все слепо и немо.*

Молчат деревья, спят дома.  
«Ну почему все так сложилось?» –  
На мой вопрос они не ведают ответа.  
И небеса глухи и безучастны.  
А мне... Мне «грустно-одиоко».  
Зачем ушли вы и куда?  
Увижу снова иль забыть пора?  
И как найти ответ не знаю я.  
Я устала, я боюсь, я скучаю.  
Отзовитесь те, кто так дорог мне...

## **ИЛЬЯ НОВОКЩЕНОВ**

19 лет, родился в г. Липецке, студент филологического факультета Воронежского государственного университета

---

### **ТРЕК ТРЕТИЙ.**

#### **«TOGETHER WE STAND, DIVIDED WE FALL»**

Может, вы и не знали, но одно из самых гадких ощущений в подростковом периоде – накатывающая время от времени неспособность контролировать собственные эмоции. Да будь хоть трижды настроен на сплошной позитив, любой писк способен твою концентрацию моментально разрушить.

Это случилось ночью. (Подобное обострение часто приходит с наступлением сумерек, когда тьма окутывает твоё одиночество так плотно, что оно начинает ощущаться физически.) В динамиках телефона Фил Коллинз пел нетленное «In the Air Tonight». Вечер не принес пролады, засыпалось беспокойно до ругани. А когда тебе не спится, мысли о прошлом – неважно, о далеком или только что минувшем – беспощадно жгут резину прямо в черепной коробке.

Закинув руки за голову, Сережа думал о людях. Ему было обидно за своё одиночество. Никогда не считал себя задротом или задирой, но факт оставался фактом – если бы не проведенные в Доте долгие вечера, не произносить ему больше пятидесяти слов за день. («...Ту-ду, ту-ду, ту-ду, ту-ду, ту-ту!..» – Серега еле успел на пугающе чарующие ударные и, отчеканив в воздухе гениальный переход, выдохнул и продолжил рефлексировать дальше. В каком бы настроении ни находился, а этот ритуал был священным.)

Конечно, хотелось знать, почему так происходит. Оттого опять думалось о Кате. Нет, вот что хорошо умеет русский человек, так это грустить. Все наше общество день за днем таскает с собой портативную черную дыру грусти, которую легко достать

в любой момент. И русские музыканты даже не пытаются это отрицать. (Запел Боярский. А стоит ли уточнять песню?) Когда тебя не принимают другие, первым делом оглядываешься на себя, что, может, и ошибка, но далеко не беспочвенная. Это в собственных глазах ты упомрачительно развеселый, компанийский парень. На деле же сидишь и день за днем не в силах никому сказать «Привет!». Как не говорил ей.

(...Не лечит мне этот вечер душу, Миша. Не лечит, черт возьми!..)

Когда тебя разбирает злость, становится полегче. Как тот самый «Пинк», он со всей дури ударил по деревянной стене позади себя под своевременно начавшуюся третью часть «Another Brick In the Wall». Это был один из его любимых альбомов (он по нему даже эссе писал), который с легкой руки гениальных британцев менял Серегину внутреннее состояние в зависимости от композиции. В костяшках засадило, и действительно отпустило. Настала пора преждевременно сломать эту стену, не дожидаясь суда. Завтра все же много работы.

– ...There's nothing you can say to make me change my mind...

Goodbye... Утро несло с собой неприятное послевкусие вчерашнего ментального безобразия. Наскоро умывшись, гитарист решил брать быка за рога, не отходя от кассы, да и вообще, куй железо, пока оно горячо. Чтобы не огорчать маму, действительно немного подготовился: нашел нужные ноты парочки вроде как подходящих песен, скачал обучающие видео, установил на телефон настроиватель гитары. С последним он потерял полчаса. Слишком увлекательно было смотреть, как с каждой подкруткой струны категоричная красная оценка сменялась на нужную зеленую. И даже когда все струны вошли в зеленую зону, страшно хотелось, чтобы они не имели ни малейшей погрешности. Похрустев пальцами, парень сел за ноты. Сейчас-то он их быстренько покрошит. Руки должны помнить старые мучения!..

Спустя еще минут сорок половина линии могла услышать громогласное, искренне утомленное «Твою маааааать!..». Он не помнил ни фи́га. Да и работать на свежем воздухе оказалось плохой идеей: мозг то и дело отвлекался на прозрачную тишину местной природы, нарушаемую разве что птичьими переговорами, небо, как назло, было лазурным аж до щемящего восторга в груди, а воздух наполнял внутренности чем-то легким, приятным. Сплошной балдеж. Но не балдеж же сейчас должен был занимать героя!..

Впрочем, не всегда в нашей жизни получается так, как мы задумали. Душе хотелось пуститься в экзистенциальный скач, хватая в дружеские объятия всех окружающих и отыгрываясь тем самым за сопливую ночь. Вдоволь поучив воображаемых детишек новым нехорошим словам и параллельно изучив целое ничего, было произнесено монументальное:

– Забодало, я на речку!

...Пока Серега ищет полотенце с плавками, вопя на всю ивановскую «Уууу, я бездельник! Ооо, мама-мама!», сообщу вам необходимую информацию, для чего придется ввести особый термин – «Эффект Адлера». Серый был там один-единственный раз в 2009-м, и Черное море покорило юное сердце. (Там у него вышла интрижка с беззаботностью, помнил которую до сей поры.) Все вокруг упоительно шептало: «Оставайся, мальчик с нами, будешь нашим королем!»

И он себя таковым ощущал на сто процентов. Пляж, шум моря и галька, занимавшая мальчишку едва ли не больше, чем первые два пункта, – все это отдавалось сейчас в «короле» громогласными фанфарами. Вода вообще всегда его успокаивала. В городе местами редких вылазок Сереги на улицу были мелкая речушка неподалеку от дома (которую в моменты особой задумчивости порой проходил вдоль берега чуть ли не целиком) и скромный парк, хранивший в себе милый сердцу фонтан. На фонтан он залипал конкретно. В особенно солнеч-

ные дни брызги искрятся счастьем и отражают всю радость мира. У него даже было составлено расписание, на какие лавочки надо сесть в конкретное время для лучшего эффекта. Так что в неопределённые этапы своей жизни Серега старался сбежать к источникам живительной эссенции для прочистки мозгов. Но вернемся к пасторальным будням.

...Молодой дачник пылил по линии. Никого не стесняясь (настроение позволяло), Серый дослушивал (да и допевал) уже начатый альбом. Внутри будто надули воздушный шарик, так легко было шагать, дышать, чувствовать, кричать:

– Мои друзья всегда идут по жизни маршем!..

...Но...

– Мои друзья всегда идут по жизни маршем!..

Серега вздрогнул. Женского вокала в песне точно не было. Поозиравшись по сторонам и не обнаружив источник голоса, он решил не придавать этому особого значения. Мало ли что могло послышаться. Передвижное караоке поплыло дальше.

Поворот за поворотом, и вот замаячила на горизонте «река». Вообще-то, это было озеро, но в народе устоялось выражение «сходить на речку» – не будем же с этим спорить, ладно?

Вокруг озера сложились благоприятнейшие условия для высококлассного кайфа. Целыми семьями там собирались отдохнуть многочисленные полотенца, чей покой нарушали лишь отмокающие на них тела. Некоторым хотелось понежиться на солнышке – тогда они забивали на людей и отправлялись на главный берег, где лучи прогревали до нитки всех без исключения. Вода, конечно, была мутновата, но к этому народ уже давно привык.

А главным аттракционом здесь считался обрыв, начинающий «обрываться» под одним из дубов по краям озера. Шестиметровая высота захватывала дух, а глубина в неизвестное количество метров манила юных естествоиспытателей.

Сергея был из тех, что думают о неудачных раскладах уже в самом процессе. Место крушения благополучно отозвалось дальнобойными брызгами и двухбалльной волной. Не прошло и минуты, как Серый оккупировал центр озера. Вот где пригодились мамини уроки из Адлера – на плаву получалось держаться отменно даже сейчас. Запускаем процесс очистки...

– Надо бы убрать лишнее. Итак, что мы имеем? Ответ убил – я забыл ноты. Значит, нужно играть без них. Табы, что ли, поучить? Чертова морока! Ладно, прорвемся. Хотя был, признаться, лучшего о себе мнения. Что ж, жаль. Тогда утону с горя, получается...

К сожалению, Книге рекордов Гиннеса не представилось возможности запечатлеть новый рекорд времени, проведенного под водой без дыхания. До 24 минут 33 секунд Серому не хватило жалких 23 минут. Впрочем, его результат порадовал. Оставим же свою зависть при себе.

...Молодой дачник пылил по линии. Но музыка в воздухе раздавалась уже рок-н-рольная и до ностальгических ранок на душе легендарноливерпульская. К прекрасной гармонии Маккартни и Леннона добавился дембельнувший с пубертата голос Сереги, а такие ребята могут корябать слух будь здоров.

– I've got no car and it's breaking my heart!..

...И – опять...

– But I found a driver and that's a start!..

В этот раз «женский вокал» особо и не прятался. Наоборот, явно стремился выделиться. Гордая же обладательница дурманяще бархатного и уже по-взрослому глубокого голоса, казалось, старалась абсолютно ему не соответствовать. Рыжие (чутье не подвело похитителя сердец без стажа) волосы были оформлены в два пучка, рокерская челка лезла в глаза, и время от времени девчонка дула на нее, будто стремясь притушить хоть на время свои огненные космы. Крутые серьги в форме крестов вызывали все же не страх, но уважение к нося-



щему, а надетая вообще не по погоде на майку с полуэкзотичными нынче «Флойдами», черная кожаная куртка и завершающие образ джинсовые шорты лишь подкрепляли это чувство. Аккуратный нос, красивые скулы, почти незаметные дочери солнца на щеках и вокруг носа (у рыжих, сами понимаете, оно бывает по-разному) и общая миниатюрность (рост, на глазок, не выше 165) подходили к вопросу столь разительного отличия своими тропами. А одна деталь совсем ни в какие ворота не лезла. Желтых глаз Серега в своей жизни не видал никогда. Хитрый, чем-то даже кошачий взгляд с озорным прищуром ставил жирную точку в сложившемся впечатлении: подруга была закачаешься!

– Ты ужасный певец. Тебе это кто-нибудь говорил?

Серый от непроходящего восхищения в ответ лишь глупо хихикнул.

– Отвечай на вопрос!

– Эмм... Нет, не говорил.

– Странно... – Девушка действительно выглядела удивленной.

Серега решил сыграть обиженку (хотя вообще-то об этом факте знал прекрасно), сделав смурное лицо и засопев.

– Да ты обиделся, что ли? Черт, прости, я не хотела.

Поковыряв носком вьетнамок землю, она решила усугубить контакт с белобрысым плеером на ножках:

– Кстати, я Леночка, можно Ленка, нельзя Елена, голову откручу, понятно?

От количества противоречий за единицу времени Серый опешил, малость потерял контроль над ситуацией и дальше над словами особо не задумывался:

– Ты странная...

– А ты выносишь мне мозг своим пением и бряцаньем по струнам.

– Значит, мы в расчете?

Лена задумалась.

– Пожалуй... Тебя как зовут-то, каланча пожарная?

– Серге...

– Ой, не смейся! Ты самый что ни на есть Сережка. Можешь не спорить, да у тебя и не получится. – Девчонка, гордо улыбувшись, тряхнула челкой.

– А ты слышала, как я играл? – Серый почесал макушку. Ее реплика была странноватой. Да и сама словно с другой планеты. Таких он раньше не встречал.

– Кто сказал, что ты играл? Ты терзал бедное живое существо своими граблями – вот что ты делал. Тебя, наверное, потому сюда и прогнали, чтоб домочадцев не мучил?

Сергея подметил про себя, что эта рыжая – стопроцентная ведьма, и наверняка из одного с сестрой шабаша. Поразительная пронизательность. Пожал плечами:

– Да, в общем-то, ты угадала. Мама записала меня на конкурс, а я совсем ничего не умею. Вот и... кхм... играю. – Дамы и господа, прелюбопытнейшая попытка изобразить настойчивость, а ну-ка!

– Прекрати, слышишь? – Закономерный провал, следствие: злое зырканье желтых глаз. – ЭТО – что угодно, но только не игра на гитаре!

Взглядом Лена точно передернула затвор дробовика, однако Серега, своим, показал, что калибр по «Контр-страйку» помнит хорошо. Мило улыбувшись, она убрала пушку.

– А что за конкурс?

– Нефиговый, скажу тебе. За победу 50 к дают.

– Чего дают?

– Тьфу, деревня! – Серый поощущал мало-мальскую гордость, уже понимая, что рядом с Леной подобное чувствовать будет нечасто. – На наречии современных... – издевательская пауза, – людей «к» означает тысяча.

Пауза была излишней. Желтые глаза сузились:

– Это насмешка?

– Это культпросвет, Леночка.

– Ну что ж, Сереженька... – Издевательская пауза от ведьмы. – В таком случае большое спасибо!

– Да большое пожалуйста!

Казалось, Елена была готова запустить в наглого дылду чем-нибудь тяжелым. Ее удержал лишь один героический отдел мозга, который в последний момент успел забросить в виртуальную урну для голосования свой бюллетень за сохранение торчащего рядом объекта относительно культурного наследия.

– Ладно, современный человек... – усмехнулась девушка в майке с испускающей все цвета радуги призмой. – Так что, не умеешь с гитарой обращаться?

Парень, тяжело вздохнув, уныло кивнул.

– А знаешь, кто умеет?

Он вопросительно хмыкнул.

– Да я, я умею, болван! Господи, до тебя как до жирафа!

– И ты готова мне помочь? Серьезно?

– На самом деле нет, не готова.

Серый сдвинул брови к переносице. Он с трудом понимал, что происходит в последние пять минут. Как он вообще с нею связался? Он же раньше при девочках не мог и слова выдохнуть. А тут, хотя и не владея инициативой и отыгрывая вторым номером, но все же производит какое-то... социальное взаимодействие! Это что же такое?..

Леночка вдруг ойкнула и, сбросив куртку, кинулась тщательно ее осматривать.

– Насекомые? – добродушно улыбнулся парень.

– Забор, чтоб его! Это из-за тебя на него оперлась, чего я, подчеркну, не хотела!.. Ф-ф-фу, тебе крупно повезло, что кожанка не испачкалась. Крупно! – Девушка ткнула пальцем в грудь «виновного».

Тот заалел, как маков цвет.

– Так... э-э-э... Не хочешь мне помочь?

– Ты русских слов не различаешь? Я же сказала: НЕ-ГО-ТО-ВА, а не НЕ-БУ-ДУ! Мне нужно подумать. Понял?

О чем тут думать, Серому было невдомек, но он решил не спорить с возможной покровительницей. Ведь все могло сло-

житься просто офигенно! Учиться играть с красивой девчонкой под боком. Главное, чтоб особо не задавалась.

– ...Ау, Земля? Я к кому обращаюсь?

– Да понял, понял.

– Ну и чудно! Ответ узнаешь вечером. А теперь катись.

– Последняя фраза сопровождалась соответствующим жестом маленькой ладошки с мозолями на подушечках пальцев.

Парень старательно пытался не думать о том, насколько его ладонь больше ее. («Почти раза в два, наверное. Во блин!»)

– ...Эй, и часто у тебя такое?

– ...Прости?

– Ты уже секунд шесть стоишь столбом и тарачишься на мои пальцы.

– Прости...

– Ааргх! Ты просто невыносим!

С этими словами калитка громко лязгнула металлом. Слава богу, Сереге хватило ума не спрашивать, где она живет. Был бы очень глупый вопрос к соседке. По результатам диалога Серый ясно уразумел одно: последнее, что ему хочется, – позориться перед этой бестией. Очень, очень странно....

Повесив сушиться полотенце и плавки, Серега плюхнулся на матерые качели. Спустя пару минут прозрачной тишины вокруг, те вдруг скрипнули:

«Ну и что ты обо всем этом думаешь?»

– А что тут думать? Я определенно заинтригован. Она хоть и хорохорится, но вообще-то предложила помощь. Разве не альтруизм?

«Ага, точно, альтруизм! Это теперь у вас так называется?»

– Что – это?

«Ты дурак или притворяешься? Красивая девчонка хочет прийти к тебе вечером позаниматься гитарой!»

– Ну, она же еще не...

«Да конечно, просто так предложила, а сама не придет? Давай без придуривания, о'кей, тебе не к лицу. Ты ей понравился, черт побери!»

– Не носи ерунды. – Серега флегматично возил рукой по земле вперед-назад по вектору движения собеседника. – Я даже думать об этом боюсь. Не делай поспешных преждевременных выводов, приятель. Уже оступались, знаем.

«Как скажешь, хозяин – барин. Но я тебя предупредил...»

И тут Серый ощутил удар в области лба. Оглядевшись, источника удара не обнаружил. Да и звуков вокруг никаких не было. Ваккум. А это значило, что...

Обычно так и бывает: едва только ты понимаешь во сне, что это сон, в голове сразу запускается протокол извлечения, а иначе бы люди творили черт знает что. Ну, хорошо хоть качели разговаривали не взаправду. Под качелями же обнаружилось твердое зеленое яблоко. Он потер лоб. Пазл сошелся.

Одешись по охладевшей погоде в две майки (чтобы автограф Акинфеева виден был), Серега пошел ловить Интернет. По слухам, в диких местах его можно встретить у жилищ людей. Узнав, что он теперь разрушитель мифов, у парня появился азарт. Впрочем, разрушать такой миф было крайне неприятно. Запись в телефоне:

G: дом, беседка, калитка, все между беседкой и калиткой, качели.

E: туалет, душ, забор соседей справа.

3G: забор соседей слева, вторая ветка на яблоне.

H+: центр грядки (стабильный!!!).

Полчаса, и все станции успели закончиться. Время показывало единственный спаренный год 21-го века. Значит, сегодня без Ютуба. Может, хоть видео бы какие еще нашел для гитары. Эх, дело было вечером, делать было...

Настойчивый стук в калитку. Качели были правы? Нет, глупости. Наверняка соседка пришла проведать его по просьбе матери.

– Здрасьте, тетя Тань, все нормально!..

Шагов слышно не было, оклика тоже. Окрыхтев все вокруг, молодой человек пошлепал к калитке. Щеколда, ржавая старуха, упорно тянула время.

— ...Я тут думала... А твоя лапа, наверное, раза в два больше моей руки. С прискорбием сообщаю, что вы — неизлечимая каланча!..

И Серега улыбнулся с таким распирающим материю пространства счастьем, с каким ему никогда еще в жизни не доводилось.

## ЭЛЬВИРА ПАРХОЦ

31 год. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Работает в лингвокраеведческой лаборатории. Член Союза писателей России. Автор четырех поэтических сборников

---

### ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ

#### Этнографический постапокалипсис

К вечеру от реки поднялся туман. Растянулся над лугами тонкой, долгой куделью. Алое солнце ушло за холмы, за старые стога и рощу. Улеглось где-то там, накрылось пепельными облаками, и казалось, что если сейчас побежать туда по росе, – увидишь, как оно лежит, круглое, мерцающее, посреди поляны.

От брошенного хутора напоззала тьма. Свиристел у дороги сверчок.

Райка послушала – и не выдержала простой, торжественной тишины: вышла к лугу, глянула на туман и растрёпанную полынь – запела. Её голос, сильный, чуть грубоватый, будто сплетался со старой полынью, дрожал на верхах, как вода у берега речки, долетал до глухого неба и медленно скатывался обратно на луг.

*Летіла зозуля через мою хату,  
Сіла на каліні та й стала кувати.*

*Чого ж, зозуле, ой, чого ж тикуєш?  
Хібати, зозуле, добро в мене чуєш?<sup>1</sup>*

Из палатки высунул голову Серый. Чтоб тебя... Так тихо было, хорошо после жаркого дня – нет. Стоит человек посреди полей и орёт. А чего не орать, если силы есть: на вёслах сегод-

---

<sup>1</sup> Народные песни – украинские и южнорусские.

ня, считай, один Серый был. И, как назло, мазь закончилась – нечем лечить растёртые до красных шишек ладони. А Райка знай наяривает, уже другую.

*Зимував я зиму,  
Зимував я другу,  
Зимував я в лузі на каліні...<sup>2</sup>*

Про зиму – это она верно. Август закончится, вода в ключевой речке и так не тёплая... а там и дожди. Неуютно будет сплавляться. Надо где-то осесть, найти одежду на зиму...

– Райка, – позвал Серый. Она не слышала: выводила голосом какую-то завитушку. – Райка-а-а!

Обернулась:

– А?

– Хорош тоску наводить.

– Ой, да иди ты...

– Я б пошёл. Некуда.

– Что случилось-то? Стёпушка опять беспокоится?

– Спит твой Стёпушка. Хватит, говорю, вопить.

Райка отмахнулась и побрела к речке. Встала у лодки, высунувшейся на берег, как диковинное шероховатое существо.

*Ты заря моя, зорюшка,  
Ранняя заря утренняя...  
Молодая княгиня Марья  
Обошла горы зарёю,  
Вдарила ворота тучею –  
Пролил силён дождь по двору.  
Сама поплыла лебедью,  
Лебедушкой белою...<sup>3</sup>*

А это – мелкими и ровными волнами-перекатами.

– Твою дивизию... – пробормотал Серый, выбираясь из палатки. Костёр погас, а спичек осталось немного. Серый отодвинул полешки, разгрёб палкой верхние угли, добираясь до алой

<sup>2</sup> Народные песни – украинские и южнорусские.

<sup>3</sup> Народные песни – украинские и южнорусские.



сердцевины. Вот она – переливается, словно пульсируя. Он подбросил веток и принялся раздувать огонь.

От запаха древесного дыма сразу захотелось пожевать чего-нибудь, лучше с чаем. В закопчённом чайнике ещё оставался отвар, который Райка делала – чабрец вперемешку с другой полевой растевухой. Это, пожалуй, единственное, что Райка хорошо умеет, – заваривать чаи, душистые, горьковато-неповторимые.

Вот угораздило встретиться. Институтское дитя, в деревне не жила, а туда же...

Райка пошла вдоль реки, напевая уже тихо, переместив звук на связки, отчего он сделался мягким и сиплым. Потом умолкла совсем.

Стемнело. Туман над водой стал паутинными мостками. Река негромко лепетала у коряг, и было не различить: водоросли там колышутся или выбрался на охоту скользкий ночной житель.

Вот так, бывало, раньше выезжали с ребятами. Так же тянулись туманы, журчала чёрная вода, пахло костром и холодным ночным небом. Но тогда вдали были огни деревень. Там перебрёхивались сонные собаки, кто-то слушал громкое «тыц-тыц» или заводил дребезжащий двигатель. Проезжали по дальней трассе машины... А сейчас была тишина. И пустые поля.

В темноте подкрадывалось беспокойство. Казалось, что не от течения движется осока у берегов. И не туман смутно белеет вон там, среди серых лозин.

Райка смотрела на реку, и тишина начинала давить – навязчиво, неразборчиво нашёптывать тревожное. Как будто говорило само прошлое, голоса всех, кто ушёл так быстро и странно.

Эхо мира и войны, чьих-то невыполненных обещаний и непрожитых судеб. Высокий, дрожащий звон. Почему-то подумалось, что звенит оборвавшаяся цепочка истории. Ещё немного – и расслышишь в тишине слова, полубезумные, печальные, потерявшие смысл.

Пора было возвращаться, но удерживало почти любопытство – доуслышать, увидеть то, на что закрываешь глаза.

И Райка увидела. Заметила боковым взглядом движение. Беззвучно ахнула, прикрыв ладонью рот.

По противоположному берегу шла горбатая тень. Шла неслышно. Она напоминала человеческую, только была намного выше, ссутуленная и – почудилось Райке – с длинными, свисающими как плети руками. Тень медленно проплыла среди тёмных зарослей, не повернув головы, и скрылась за ними.

Райка проморгалась. Сердце колотилось часто-часто; казалось, его слышно на том берегу. Мысли кружились, как мошки возле фонарика. Райка боялась двинуться, пошуршать травой.

Наконец свистопляска в груди поутихла. Ну же, посмотри внимательно. Там просвет между ивами. Их ветки еле заметно колышутся: ветер. А в просвете – край горбатого облака. С перепугу сложишь чёрт знает чего. Да и не разглядишь отсюда в темноте ничьих рук...

«Если в дверь стучатся брюки...» – Райка тихонько хмыкнула. Не хотелось поворачиваться спиной к тому, что скрыл противоположный берег, но не стоять же здесь в одиночестве.

Серый поддел палочкой картофелину и аккуратно перекатил на другой бок, подальше от огня. Услышав шаги, поднял голову:

– Напелась?

– Там... ходит там кто-то. – Райка присела у костра, зябко поёжилась.

– На. Эта испеклась вроде.

– Говорю, видела кого-то. На том берегу. Тихо-тихо шёл, высокий, кривой...

– Ага, в простыне и гремел цепями. Хватит накручивать. Одни мы тут. Сегодня одни, вчера. И состаримся в одиночестве, и помрём тоже.

Серый поворошил угли и добавил:

– Не станет никто по кустам ховаться, делить теперь нечего. Прибегут, как ты, с распростёртыми.

– Будто сам не бежал...

От костра отлетела одинокая искра.

– А может, за сто километров полно народу. Просто сюда не идут: боятся.

– Чего им бояться?

– Последствий. Сам же говорил...

– А ты веришь?

Слишком явно разливалась по лугам глухая тишина. Были бы там, за горизонтами, люди – не молчали бы радиостанции. Хоть однажды бы в чистом небе пролетел самолёт.

– Что с ними стало?

– Опять двадцать пять! – Серый укусил картофелину.

– Ты сказал про какое-то оружие. Но ведь наугад сказал? Просто чтобы себе объяснить?

– Может быть.

С Серым всегда так: то ли шутит невесело, то ли врёт и сам верит; а может, выдаёт обрывочную, злую правду. Говорит, воевал. А где, с кем... совсем ведь мальчишка, не старше Райки.

– Мне ж не докладывают. Видел то же, что ты. Накатило, задрожало... Домá остались, вещи их... машины все встали разом... И солнце светило. Ветром пакет какой-то гнало. А я стоял и ждал, когда исчезну сам. Долго стоял. Наверно, они и не почувствовали ничего.

– А мне кажется, их забрали... – Райка всё водила руками над угольем: не могла отогреться. – В городах ни собак, ни крыс. Тараканов – и тех нет. А здесь вот сверчки, ящерицы, рыба в реке...

– Ага. И комары.

Райка обхватила руками колени, уткнула в них подбородок. В глазах отражался огонь.

Серый как-то рассказывал, что во время болевого шока самой боли не чувствуешь. Может, опять врал.

...Она тогда впервые разбила стекло. Нашла обломок кирпича и разбила. Витрина расплескалась, по ней побежали трещины, но осыпаться полностью стекло не хотело. Пришлось

идти во дворы, брать штырёк от метлы и добивать, откалывать острые края. А машины на улице по-прежнему глупо скалились, и на асфальте качались тонкие одуванчиковые стебли.

– Это кто-то хотел нас троих изучить...

Серый дремал. Не нравились ему такие разговоры, старые, как в книжках. Не повзрывалось ничего – и ладно.

Брезент у входа в палатку зашуршал. Вылез, жмурясь от костра, взъерошенный Стёпушка.

– Иди сюда, хороший. Выспался? – заулыбалась Райка.

– Кы-ы-ы...

– Картошечка, да. Садись.

Серый, очнувшись, тихо сплюнул. Сколько проблем с этим кренделем – а она ещё и сюсюкает... Хотя, может, так прикрывает свою боязнь.

Стёпушка подбрёл к костру и уселся прямо на землю. Высокий, весь какой-то удлинённый и нескладный. Трудно сказать, сколько ему лет: щетина не растёт, а волосы на голове редкие, будто уже начал лысеть. Он взял обеими руками чистеную картошку и стал запихивать в рот.

Стёпушку они встретили возле реки. Колобродил в кустах так, что за версту было слышно, и болтал про какую-то «забиваку». Наверное, искал колышек, чтобы строить шалаш. Серый его поначалу и прозвал Забивакой, но Райка переделала в Стёпку.

Встретив его, оба почему-то почувствовали: круг замкнулся. Звенья собраны, больше искать некого.

Первые ночи, ещё до Стёпушки, они дежурили. Потом устали и отказались. Водить машину никто не умел, а пешком тащить на себе весь скарб приятного было мало. Тогда Серый и вспомнил о старом причале.

О прошлом говорили мало. У каждого оно было своё и не имело отношения ни к изгибам реки, ни к стрёкоту кузнечиков, ни к шелесту ветра в колосьях. Была странная неслышанная правда в этих колосьях, в том, как скатывались капли дождя с листьев мать-и-мачехи.

Райка лежала, накрывшись спальником, и глядела в сетчатое оконце палатки. Там покачивалась ветка в ночном небе. Тишина снаружи опять навевала тревогу. Невольно подумалось: а далеко ли отсюда мост или брод?..

Слева дышал Серый. Тоже не спал: было слышно, как смежаются и размежаются веки. Поодаль, за рюкзаками, прихрапывал Стёпушка.

– А ты правда на войне был?

– Был.

– И людей убивал?

– Да.

– Наших? Или вот его?.. – Райка взглянула в темноте на Стёпушку.

– Всяких. Своих.

– И много?

– Руки в крови по локоть.

– Да врешь ведь. Дома в стрелялки рубился.

– Вру. Спи уже, хватит мозг выносить.

Она лежала неподвижно, согревшаяся и на что-то сердитая. Странная у них семья. Не то братья с сестрой, не то давно разругавшаяся пара.

Серый подумал и, протянув руку, молча подгрёб к себе Райку. Уткнулся лицом куда-то за ухо.

– Одурел, что ли? Тут же Стё...

– Стёпа дрыхнет, как «Т-34».

– Отвянь, сказала! – Райка выпросталась из-под руки, отпихнула его и уползла к рюкзакам. – Ещё родить в чистом поле не хватало.

– А мы могём...

– Вот нашло... Завтра вставать рано. Были вы извращенцами и остались. – Она повозилась в темноте и затихла. Задыхала ровно: уснула.

Серый вслушивался в ночь.

Журчит вода у гнилых коряг. Видно, старая бобровая плотина.

Вдруг он насторожился. Мирный, привычный когда-то звук – далеко-далеко залаяла, подвывая, собака.

Может, прошлой ночью он и вылез бы из палатки, посвистел... Но сейчас лишь порылся в углу, где стояла посуда, нашарил нож и положил рядом с собой.

Лай больше не повторился.

Постепенно Серый стал забываться: тело теряло чувствительность, растворяясь в ночи; ночные шорохи переплетались; россыпь золотых звёзд перед глазами превращалась в силуэты людей. И кто-то из них беззвучно кричал, раскрывая рот, на земле – наверное, раненый. Было в этом молчаливом крике что-то нечеловеческое и тоскливое, как в волчьем вое...

Крик разбудил его. Серый сел, хлопая в темноте глазами, спросонья ткнулся лбом в брезент.

Орал Стёпка. Без слов, горько, с подскуливанием.

– Стёпушка-а... – всхлипнула Райка. – Успокойся...

– А ну прекратить концерт! Сейчас обоим к речке спать отправлю. – Серый нашёл наконец фонарик, включил. Стёпушка повернулся на свет захлупанным лицом, зажмурился. Орать перестал, только вздрагивал.

– Кошмар приснился, что ли? Услышал что-нибудь?

– Не зна-а-а...

– Может, у тебя болит что? – засуетилась Райка, разворачивая его к себе. – Ты скажи, не стесняйся...

– Ещё поцелуйтесь, – процедил Серый, укладываясь обратно. – У него каждый раз: если ночью проснётся – орёт. Моцион. Дети – они такие.

– Циник... Совести в тебе нет.

Серый покивал и закрыл глаза. Стёпушка опять угнездился в своём углу, носом во влажную стену. Райка погасила фонарь. Недолгое время молчали.

– Спишь, Серый?

– Да.

– Расскажи что-нибудь.

Он усмехнулся:

– Ну слушай.

*Я не уверен, что это внезапная смерть.  
Я не уверен, что пуля навывлет прошла.  
Но я рождаюсь опять в прогоревшей весне.  
И вырастаю, и снова хватаюсь за флаг...*

Райка слушала, почти касаясь головой его плеча. За стенами палатки начинался короткий ночной дождь.

*И я не помню, в кого в прошлой жизни стрелял,  
Я только знаю, что в этой они против нас.  
Ветки тянулись к горячим живым снегирям.  
Небо клонилось, и в небе закат не погас...*

Шёпот Серого был твёрдым, скорым и чётким.

*И я, спустя столько метких привычных смертей,  
Своих ли, чужих ли бесславнейше взорванных битв,  
Стрелял и стрелял, стерженея, с презрением в тех,  
Кто убегал или кто отступленья трубил...*

Сквозило торжественное, заговорщицкое воодушевление в его шёпоте.

*Здесь не бывает прошедших войну до конца,  
Здесь только те, кто рожден воевать, убивать.  
Я не прощаю их, не поднимаю лица,  
Чувствуя вновь, оплетает как тело трава.*

*И, поднимаясь на новый непрожитый круг...<sup>4</sup>*

---

<sup>4</sup> Автор стихотворения – Анастасия Картавцева. Оно оканчивается так:  
*И, поднимаясь на новый непрожитый круг,  
Я понимаю, что бой подозрительно тих.  
Я понимаю, что врут, понимаю, что вру...  
И понимаю, что жду  
От своих...*

– Хватит, – тихо сказала Райка.

– Чего, не понравилось?

– Никаких «их» не было, только мы и наша погань. Она всё уничтожила. Сами с собой и воюем.

– Вот как...

Райка вдруг поняла, кого видела на том берегу. Собственный страх она видела.

– Давай спать.

Двое лежали рядом. Тихо накрапывал дождь, а утро было, наоборот, ясным.

\* \* \*

Они возвращались вдвоём по лугам с привычной утренней разведки, неся полупустую сумку. Стрекотали под солнцем кузнечики. Спина у кузнечика в августе чешется, что ли, – он трёт быстро-быстро лапками по крыльям и стрекочет. Пахло шалфеем и растёртой между пальцев полынью.

– Иди глянь. – Серый указал на заросший травой бугорок.

– Ну гусеница от трактора. И что?

– Не от трактора, а от танка. Звенья видишь какие.

– Ржавые.

А кузнечики заливались.

На бугорке сквозь металлические сочленения прорастали низенькие стебли, похожие на укроп. Они обычно цветут желтоватыми пуговками.

– Ерунду говоришь какую-то. Не наигрался?

Райка смотрела, как тянутся за горизонт кучевые облака. Донца у них были плоские, и казалось, что облака ползут по невидимому стеклу.

Серый шарился в траве у бугорка. Вот неймётся ему... Всё, что нужно, на заброшенном хуторе уже взяли. Пора в путь, пока солнце невысоко.

– Оп-паньки! Что нашёл...

– Двигатель от подводной лодки?

Серый, усмехаясь, поднял руку. Ярко блеснуло отсветом лезвие. Прищурился.



– Ну нож. Своих мало, что ли?

У них было два хороших ножа – резать рыбу и очинять колышки.

– Это не просто нож. Боевой. Такие на дороге не валяются.

– Дай. – Райка взялась за рукоять, повертела, подержала на ладони. Солнце сверкнуло на чуть загнутом кончике светлой капли. – А по-моему, туристы потеряли. Только странно, что новый.

– Да-а-а... тяжело с бабами.

– Выкинь ты его. Ещё таскать с собой.

Солнце грело отрешённо и ласково, заливая теплом луга, и по-прежнему пахло травами. Но здесь не было спокойно. Ночные видения, теперь этот нож... «Сейчас вернёмся, палатку смотаем и поплывём».

Серый, однако, не торопился. Сидел со своей находкой словно замороженный. Вроде Стёпушки, когда найдёт какую-нибудь бутылку, лупит ей по воде, радуется и показывает: «Гля, гля...»

– Вот прямой хват. – Чистое лезвие смотрит вверх, рука сжата, аж костяшки побелели. – А это обратный...

От того, как умиленно Серый игрался с ножом, Райке стало не по себе.

– Пошли, бесноватый. На обычных покажешь.

– А бить знаешь как?

– Кого?

– Врага.

– Тебя, что ли? Когда шарики за ролики заедут?

– Да хоть бы и меня. – Серый глянул вдаль, вздрогнул и уже не улыбался. Воткнул нож в землю. – Пойдём. Ну его.

Двое шли мимо ольховой рощи, задевая сухие лохмы конского щавеля. Он тихонько звенел.

– Стёпушка сегодня шебутной какой-то. Может, надо было его с собой взять?

– У тебя другие мысли есть вообще? Не случится с этой колодой ничего. Главное, чтобы на палатку не мочился, как тогда.

Райке захотелось ударить Серого. Не от обиды за Стёпку и даже не оттого, что не слушал её никогда. «Не вопи, не хнычь, не умничай, ага, как же...» Просто в размеренных движениях Серого, в его усмешке всегда было странное, зловещее торжество. Может, те обрывочные бредни, которые он рассказывал, – правда? Может, скучает по тем временам, когда у него была цель? Интересно, а пощадил бы Райку?.. Колко и холодно от его взгляда.

Шрам у него на груди небольшой, похожий на крестик. Вначале говорил – стреляный; потом забыл и обмолвился, что в ножевой драке... Райка в шрамах не разбиралась, да и ловить на слове не хотела.

А может, цели своей он добился? Ему привольно и хорошо. Все луга и зори, рыба в реке, все дома́ и вещи – его. И двое, которые следуют за ним безоговорочно. Бухтят, жалуются, но замолкают, когда он прикрикнет.

Солнечный свет в глазах Райки тускнел. Поднималась глухая, затаённая ярость.

Да кто он такой? Почему рядом с ним страшно? Иногда так, что не хочется рассматривать в костровых отвесах его лицо.

Лёгким ветерком пробежало по траве: «Враг...» Повеяло с горизонта: «Враг...» Разлилось в луговом звоне, отдаётся в ушах, в мозгу – почему раньше-то не увиделось? – «враг».

Война не окончена, пока под твоим кровом тот, кто виновен. Виновен в том, что их нет, – даже тех, кто хранил вековые песни. А он жив и идёт, стаптывая шалфей.

Всё это высветилось внезапно, точно отблеск на лезвии.

– Рай, ты куда?

– Куда надо, – огрызнулась она, направляясь к кустам.

– Со страху, что ли? – хохотнул вслед Серый. Чувствует.

Райка влезла в заросли и недолгое время смотрела, как он не спеша удаляется к берегу. Потом продралась через ветки в обратную сторону, оглянулась ещё раз и бросилась к бугорку. Подбежала, запыхавшись, путаясь в травах.

Нож словно ждал её. Покорно и удобно лёг в руку, увесистый, новый. Куда б его спрятать... ещё напорешься... Примо-

тала бечёвкой к поясу наискось, вроде шпаги, обязалась поверху курткой – как будто ей жарко. Неуклюже, но незаметно.

И скорым шагом отправилась в лагерь. Солнце ползло к зениту.

– Чтоб тебя!.. – услышала Райка, подходя к берегу. – Макака бесхвостая! – И жалобное мычание Стёпушки. Из прибрежных кустов показался Серый, вытряхивая на ходу спальник.

Оказалось, что, устав их ждать, Стёпка решил порыбачить. Это дело он знал хорошо. Вот только земля у реки после дождя была сырая. Стёпушка, недолго думая, вытащил из палатки спальник Серого и подостлал под себя, белой изнанкой на топкую землю. А Серый любил чистоту и размеренность.

– Руки пообрывать! – Он досадливо отпихнул крутившегося тут же Стёпушку.

– Не смей, – глухо сказала Райка.

– Что?

– Не смей. Говорить. И трогать его не смей.

Она стояла спиной к солнцу – растрёпанная и строгая. Штаны заправлены в ботинки, подпоясана курткой... смешная девка.

– Так, давай коврики скатывай и в лодку неси. Очертенеешь с вами.

– Сам отнесёшь.

– Не понял. – Серый поднялся с корточек. – Бунт на корабле?

– Ударить решил? – Голос Райки был ледяным. Серый и вправду хотел если не отлупить их обоих, то объяснить жёстко и доходчиво, что хватит дурить. Но осёкся.

В правой руке Райки холодно блеснуло.

– А-а-а, – понимающе кивнул Серый. – Брось, говоришь, от греха подальше... Вот оно, значит, эхо войны. А чего не в спину? – Он выжидающе перемялся с ноги на ногу.

– Стой, не двигайся!

– Что, боишься – не попадёшь? В живот можно. Для сердца, конечно, сноровка нужна...

Райка скользнула глазами в сторону: где Стёпа? Ходит возле палатки, ловит что-то в траве.

– А не боишься, – снова ухмыльнулся Серый, шурясь от солнца, – что я потом тебя вместе с Забивакой твоим?.. И будут два призрака у реки шататься. А?

– Тварь!.. – выдохнула Райка и кинулась. Ударила с размаху, сверху вниз... Серый перехватил её руку и мёртво сжал, выворачивая. Райка дёрнулась раз, другой, стукнула его по плечу и разомкнула пальцы.

– Наигралась? – Серый отступил на шаг. Уже не ухмылялся. Рука чуть согнута в локте, нож на уровне бедра, остриём вверх. Как там – прямой хват?.. И шагнул к Райке. Она даже не отступила.

Взгляд у него был... наверно, такие глаза у пискливых и наглых из подворотен, которые за кошелёк горло перегрызут. Даже нет... виделось в этом взгляде, как за рекой горят хаты.

И вдруг Серый согнулся, поник всем телом. В глазах промелькнуло странное и погасло – ушло, вытекло сквозь пальцы, отползло, схлынуло. Рука опустилась совсем, ладонь беспорядочно теребила рукоятку.

Накатил не страх, не отчаяние, не злость, а как будто ведро воды на голову вылили: что ж это с нами творится?..

Серый отвернулся, поглядел на реку. Там золотилась мелкими лодочками зыбь.

– На, – хрипло выдавил он, протягивая нож. – Возьми и выкинь. Только чтоб я видел.

Райка осторожно, как хрупкую, непонятную вещь, приняла, посмотрела на Серого, на его вдруг осунувшееся лицо. А потом зашвырнула нож в реку. Он плюхнулся где-то в камышах.

– Мазила, – фыркнул без улыбки Серый и пошёл сворачивать палатку. Постояв немного, Райка потянулась за ним.

Собирались молча.

\* \* \*

– Стёпка! Стё-о-опка-а! Иди сюда, дуралей, вылезай!..

Его нигде не было. Десять минут назад тут крутился, а как отплывать – будто канул.

- Может, поиграть решил?
- Ага. После такого махача я б тоже в прятки играл.
- Стёпушка! Эй! Не бойся, мы баловались!
- Пошли по кустам. Небось опять рыбу ловит.

Разделяться не стали. На рыбачьих местах, всё ещё натоптанных, с покосившимися мостками, Стёпушки не было тоже.

– Не утонул же он. Хоть и дурак, но в одежде не купается. А если б случайно бултыхнулся – тут везде у берега по колено...

Солнце трепетало на листьях. Вода говорила часто-часто о своём, житейском и светлом, и не верилось, что здесь, сейчас ещё может остаться зло.

Наваливалась усталость. Не хотелось куда-то грести.

– Да здесь он где-нибудь. Может, до ветру человек отошёл. И заснул под кустиком. Подождём – вернётся.

У осоки сидели стрекозы. Синие, со звенящими тонкими крыльями. Раньше стрекоз вроде не было... Вдруг подумалось: а может, всё возвращается? Просто люди, их заботы, любви и горести отошли на миг – отдохни, земля. А потом жизнь опять потечёт привычными перекатами.

Серый, чтобы не задремать, тронул веткой кромку воды. Вода задрожала, расходясь кругами, спугнув одну стрекозу.

– Райка!

– Что там?

Она тихо подошла сзади, присела на корточки. И почему-то обняла его, уткнувшись в куртку.

– Задабриваешь? Да не трясись, резать не буду. Толку от вас никакого; хотел бы – давно порешил.

Райка сердито отпрянула.

– Сумасшедший дом, – вздохнул Серый, обнимая её, зарываясь лицом в растрёпанные, когда-то коротко стриженные волосы, царапая щетиной щёку.

Ветер стряхнул с лозин то ли невысохший дождь, то ли сок, которым они вечно плачут.

– Вон ты где, – обрадовалась Райка, увидев знакомую нескладную спину на песчаной косе, по ту сторону камышей. Далеко забрался.

Стёпушка коротко обернулся, скривил губы в улыбку и вновь наклонился к чему-то, что он строил в песке.

Райка разулась и побрела к нему по отмели. А Стёпушка сидел себе с отрешённой улыбкой, расставив ноги. Наверняка слышал, что его кликали на всю речку, но жаль было отрываться.

– Ты обиделся, да? Серый – он не хотел, – говорила Райка, подходя ближе и заглядывая: что у него там всё-таки за постройки. – Он хороший. Просто мы все иногда... Стёпа, ты... Что ты сделал?!

Она закричала. Разом вернулся весь страх, скрытый и явный.

На песке перед Стёпушкой лежала ящерица. Обычная, большая, с двумя серыми полосками на спине. И без хвоста: видно, отбросила, пока ловил. Ящерица была мёртвая. Точнее, убитая – аккуратно зарезанная ножом. А в руке у Стёпки...

– Так! – Серый в три прыжка очутился возле них. – Что опять за?... Ё- моё...

Он совершенно спокойно ухватил Стёпку за грудки, рывком поднял. Нож выпал из Стёпушкиных рук и вонзился в песок.

– Нашёл, значит? В камышах? – Серый ростом был ниже Стёпки, и Стёпка болтался сейчас на полусогнутых. Мыкнул в ответ что-то совсем непонятное.

– Значит, так. Если ещё раз. Вот этой штукой, – ткнул Серый мокрым ботинком нож, – порежешь кого-нибудь... ящерицу или другого кого... Я тебя... – Он сжал губы, уставясь в прозрачно-васильковые глаза, прямо в душу, в мозг. – Больше не встанешь тогда, понял? Здесь будешь лежать. Ни Райки тебе, ни костра, ни харчей – вот тут в камышах положу. Понял?

– По... понял.

Серый отпустил его, и Стёпушка рухнул, как полотняный мешок с костями.

– Убивать можно только рыбу. Усёк?

Стёпушка обречённо кивнул. И искоса взглянул на Райку. Она отвернулась.

Серый, решив, что воспитательный момент окончен, сел на корягу, вытряхнул из ботинок песок. Потом подобрал нож и, прицелившись, забросил к плотине, на глубину. Лезвие вошло в воду почти без брызг, сверкнув, как рыбёшка.

– Если опять всплывёт – скажете. Будем библиотеку искать. И книжку с заклинаниями от нечистой силы. – Серый невесело усмехнулся.

Всё-таки с ним спокойней, невольно подумалось Райке.

А он отметил про себя, что ножи и шилья теперь надо прятать. Сколько же им ещё... Тот враг, которого не увидишь в прицел, шагов которого не услышишь...

Серый посмотрел сквозь своё отражение. Но на мелкоте был виден только контур; в нём песчаное дно, створка ракушки и малёк. Враг на время затаился.

Всю дорогу к лодке, а на лодке – до заросшей кувшинками излучины, а от излучины – до меловых расписных берегов Стёпушка молчал. По болезненно-открытому лицу было видно: о чём-то думал.

День, вопреки ожиданиям, выдался нежарким. Шли и шли добрые, вальяжные, пухлощёкие облака. Хоть и равнодушные, как обычно. Но в их пути было что-то более глубокое и осмысленное, чем бесконечная круговерть вод.

– Райка, поиграй, а.

Над рекой снова тянулись туманные тропы. Догорал костёр, остывало в лесах солнце, покрываясь ночной золой.

Стёпушка выплакался и затих: наверно, додумал свою путаную, невысказанную думу.

А Серый размышлял о собаке. Которую зря не позвал. Может, одичала, конечно, – шарахнулась бы и отправилась дальше ловить полёвок. А может, признала бы родственную бродячую душу.

Райка пела. Голос и вправду играл, аукаясь в рощах, гукая, как зозуля весной, звенел в луговых колосьях.

*Травка подкошёна,  
Да и только ёна сподвалёна –  
В поле травка сохня,  
Сохня, сподсыхая,  
Да всё пылью пошибая.  
Без поры, безо времени...<sup>5</sup>*

Высыпали звёзды. Тихо сохли травы, падали семена. Каждому верилось, что когда-нибудь всё войдёт в своё русло. Только русло это у каждого...

Далеко-далеко на востоке рождалась заря.

---

<sup>5</sup> Народные песни – украинские и южнорусские.



## СТАНИСЛАВ РЖЕВСКИЙ

32 года, научный сотрудник (лесная генетика) биолого-почвенного факультета Воронежского государственного университета

---

### В МИРЕ ЧУЖДОГО БОГА

Бежав под покровом ночи из осажденного города по подземным ходам, вы спрятались в глубокой пещере, проходящей в толще соседнего холма. Каменные своды и мощный слой грунта укрыли вас от преследователей, но как долго эти катакомбы смогут служить приютом? С собой удалось захватить лишь самый скудный запас воды и провизии. Источники, бьющие в пещере, дают воду с горьким металлическим привкусом, и пить ее долго вряд ли возможно. К тому же сам воздух подземелья пропитан ядовитыми испарениями, от которых словно помрачается разум. А снаружи беснуется войско, почти дорвавшееся до поживы, ожидающей его в обреченной на разграбление крепости, и вряд ли кому удастся незаметно выйти из катакомб.

Вас осталось лишь около двух десятков, другие погибли во время осады или не пожелали бежать, предпочтя остаться за городскими стенами до самого конца. И даже те, кто укрылись в подземном убежище, не надеются выжить и даже не стремятся к этому. Они будто лишь согласились на небольшую отсрочку конца своего земного существования только для того, чтобы совершить предусмотренный их верой ритуал. Их помыслы обращены к собратьям, уже покинувшим сей мир, убитым гонителями, а также к тем, кому еще предстоит встретить свой мученический конец после падения цитадели.

...Ты смотришь на окружающие тебя бледные, изможденные освещаемые дрожащим пламенем масляного светильника лица, и мнится, что это уже не люди, но – тени, бесплотные призраки. Живыми выглядят только несколько выведенных из крепости детей, и невыносимо думать о том, что их может постигнуть та же участь, что и остальных беглецов.

А собравшиеся в подземелье взрослые и пожилые обитатели замка, облаченные в серые рубища и черные рясы, кажется, даже приветствуют такой финал. Ведь их вера убеждала несчастных в том, что земной, материальный мир испокон веков лежит под властью злых сил, а человеческое тело подобно темнице для души. Всем образом своей жизни они стремились освободиться из плена этого безотрадного мира, разрывая привязанность к мирским благам, блюдя строжайшее воздержание. И теперь они решили, что настало самое лучшее время для прощания с тягостной земной юдолью и принятия смерти, которая не заставит себя ждать под сводами мрачных катакомб.

Став в круг, они гласно исповедуются друг перед другом, а старейший из них, имеющий по своим духовным заслугам статус священнослужителя, готовится к проведению таинственного обряда рукоположения. Это действие означает окончательное приобщение к его клиру, полное отрешение от мирской жизни тех, кто до сей поры были простыми верующими. После этого связь их душ с материальным бытием должна быть разорвана бесповоротно, дабы по смерти они освободились из плена кругов дольного мира, не перевоплощаясь в нем вновь, и вернулись к своим истокам — в Царствие, которое «не от мира сего». Такова была их удивительная вера, глубоко противная римской ортодоксии.

Обычно обряд сей совершался над людьми, пребывающими в глубокой старости, на одре болезни или пред лицом смертельной опасности. И сейчас все взрослые кроме тебя желали приобщиться к клиру, полагая, что их жизненный путь близок к концу. Ты не участвуешь в мистерии, потому как никогда не был ревностным адептом их религии, хотя она и близка твоим собственным взглядам. Будучи уроженцем здешних мест, сначала ты просто сочувствовал этим людям, ведущим строгую, аскетическую жизнь и учившим избегать любых проявлений зла, а когда над ними нависла угроза уничтожения, ты вместе со многими обитателями окрестностей встал на их защиту.

«Избавь от смерти в мире чуждого бога, дай нам познать то, что Ты знаешь, и полюбить то, что Ты любишь...» – Со стороны замерших узким кругом в ожидании обряда единоверцев доносится тихое моление, нестройный хор голосов.

«Ибо мир сей – не наш, и мы – не от мира сего», – мысленно продолжаешь ты слова знакомой молитвы, распространенной среди еще не прошедших рукоположение в клир. Эта фраза раньше оказывала на тебя поистине магическое воздействие, и до сих пор она находит живой отклик в твоей душе. Но вместе с тем возникает вопрос – даже если ты чужд этой Земле, разве случайно и бессмысленно твое появление здесь?..

Ты думаешь о предоставленном судьбой безотрадном выборе: либо медленная, мучительная смерть в пещере, либо сдача церковным властям, за которой последует склонение к предательству соратников и расправа в случае отказа сотрудничать. Но тебе не хочется думать о безвыходности своего положения. В простершейся вокруг темноте и тишине мысли словно отстраняются от безнадежности текущего момента.

Осознавая, что дни твоей жизни могут скоро закончиться в этом подземелье, ты испытываешь вполне естественное желание – еще хоть раз, напоследок, вдохнуть свежего воздуха, увидеть земной простор и звезды на ночном небосводе.

Многие столетия небесные огни служили ориентиром для путников во всех краях Земли, но слова о «путеводной звезде» воспринимались тобой иначе – ты чувствовал, что тебя ведет некий светоч, единственный ориентир, которому можно довериться. Только это ощущение было слабым, подспудным, и порою казалось, что путь утерян и нет смысла двигаться дальше. Лишь оказываясь в полной безысходности, ты вновь начинал ощущать это таинственное притяжение и следовал ему. Но куда же привела тебя путеводная звезда? Пройдя свою нелегкую стезю, ты оказался в древних катакомбах в окружении обреченных на гибель еретиков.

С самых юных лет тебя отличало критическое отношение к тому, что казалось прописными истинами, – в светских зако-

нах и религиозном вероучении. А с годами ты всё чаще смел сомневаться в справедливости существующего миропорядка и по мере открытия всё большего числа безрадостных истин о жизни измученных войнами и бесчинствами власть имущих современников бесповоротно уверился в том, что мир лежит во зле и лицемерный папский престол не может спасти его.

Ты ощущал себя чужим и чуждым как в общении с мирянами, так и в церковной среде. Тебя не устраивали процветающие вокруг жестокие нравы, ты не стремился к материальному обогащению, тебя раздражали косность и схоластика, навязываемые католическими священниками. Тебе хотелось найти нечто иное, вечное, надмирное. Тоска о чем-то неведомом и прекрасном, словно утерянном в земной жизни, оставшемся за пределами бытия, преследовала тебя с ранних лет, подчас становясь невыносимой.

Тогда ты стал искать спасения в других учениях, и – судьба свела тебя с «добрыми людьми», почитавшими иного Бога, нежели тот, что обосновался в высокопарных проповедях римских клириков.

«Дом наш не здесь, – учили эти проповедники. – Истинный Бог не может быть источником зла, он не наказывает, не мстит, не насылает на людей несчастья. Церковники-фарисеи подменили его ложным идолом, дабы оправдать жестокость земных владык, по их образу и подобию сотворили они нечестивого кумира и заставляют воздавать ему почитание».

Ты слушал эти проповеди, и казалось, что в них открывается долгожданная истина, столь радовало тебя всякое обличение мирской несправедливости. Очарованный новым учением, ты сблизился с «добрыми людьми», издавна бывшими в немилости у католиков, считавших их опасными еретиками. И чем больший успех имела проповедь аскетов, тем сильнее раздражались, даже свирепели их оппоненты. От религиозных диспутов противостояние перешло к открытой борьбе. И вот теперь вся община оказалась обречена на уничтожение церковными и светскими властями, устроившими настоящий

крестовый поход, который, помимо прочего, нёс еще и передел власти на просторных землях провинции.

Однако ты, даже оставаясь преданным этой общине, так и не смог в полной мере разделить исповедуемые ею убеждения. И на месте изначального очарования новой верой, якобы претендующей на возвращение к подлинным истокам христианства, возникало всё больше сомнений. Тебе казалось, что эти люди настолько испуганы осознанием мирового зла и несправедливости, что готовы отказаться от всякой борьбы, снять с себя ответственность за всё происходящее вокруг и потому стремятся почти безропотно покинуть этот мир ради надежды на лучшее посмертие. Возможно...

Возможно, комфортно жить, не замарав рук и не запятнав души, оставаться чистым, надеясь на достойное воздаяние за гробом, но тебе хотелось бороться, добиваться справедливости на Земле, хотелось постичь жизнь во всей ее полноте, не отрекаясь от дольного мира, не считая его дьявольской подделкой, ширмой, что скрывает от взора некое истинное бытие.

Мысли и воспоминания плывут нестройной вереницей, а тем временем, находиться под сводами пещеры становится всё тяжелее. Пламя светильников тускнеет, для дыхания не хватает воздуха, с каждой минутой чувствуешь, как силы оставляют тебя... Сознание начало путаться, на краткое мгновение сон завладел утомленным разумом, и ты провалился в забытье, которое неожиданно засияло яркими огнями.

В представшей перед тобой сновидческой картине ты увидел мириады неземных светочей, пылающих в пустоте и безвременье, и ощутил, что за каждым из них скрыта чья-то жизнь. Казалось, что здесь, пред тобой предстали судьбы всех, кто прошел по Земле, чьи тела стали прахом, а мысли угасли. Злодеи и праведники, умудренные опытом старцы и дети, умершие во младенчестве, гении и слабоумные – здесь все были равны, ведь в каждом из них горела искра человеческой жизни, и каждый всю жизнь стремился к своей звезде, дабы сблизиться и слиться с нею...

...Пробудившись, ты вздрогнул, моментально почувствовав пещерный холод, и сделал несколько глотков из фляги с остатками воды. Размышляя над пригрезившимся, ты вспомнил собственные детские годы. Когда ты видел падающие звезды, то задавался вопросом – неужели это каждый раз кто-то умирает и гаснет его звезда?.. Когда детские грёзы развеялись, ты только смеялся над их наивностью. А сейчас, еще не в полной мере вернувшись к бодрствованию, ты задался странной мыслью – горит ли пока путеводная звезда твоей жизни? И тебе захотелось верить, что эти светочи пылают вечно, человек лишь теряет с ними связь, идя по жизни, словно увязает в грязи, душу его опьяняет дурман забвения, и он более не стремится к горным высям. А ты всё искал свою звезду, прислушивался к неземному зову, жаждал встретиться с извечным светом. Но теперь ты был уверен, что этого блага не достичь простым отречением от мира, путь к нему будет долгим-долгим, и лежит он в земной юдоли – сколь бы тяжкими не казались ее испытания.

Окончательно придя в себя, ты ощутил внезапный прилив сил. Тебе не хотелось смиренно ожидать гибели среди еретиков, уже мысленно попрощавшихся с жизнью ради скорейшего достижения искомого ими небесного света. Как никогда остро, ты почувствовал, что их вера ведет к отказу от противодействия злой воле. Ты же проникся азартом, пожелав вырваться из подземной ловушки, испытать в борьбе еще один шанс, и в одиночку отправился разведывать спасительный путь.

Взяв один из масляных светильников, ты молча удалился с ним в глубь пещеры, прикрывая ладонью слабое колеблющееся пламя. В сети подземных коридоров наверняка должен быть еще один выход на поверхность, уводящий далеко от злополучной крепости.

С великим трудом удалось сориентироваться в первозданном лабиринте тоннелей, расщелин и колонн из скальной породы, и чем дальше ты углублялся, тем более непригодным для дыхания становился воздух. Голова кружилась, стены пе-

щер раскачивались и глыбы перед глазами. Ты останавливался на развилках перевести дух и засечкой пометить ответвление, из которого только что вышел – только так можно было найти обратную дорогу в случае, если бы коридоры привели в тупик.

Огонь светильника дрожал и несколько раз едва не погас; тогда приходилось останавливаться, дожидаясь, пока восстановится пламя. Ему грозил влажный воздух, наполнявшие подземелье удушливые испарения и сквозняк, возникший в одном из ответвлений, – впрочем, как раз этот факт казался обнадеживающим. Достигнув развилки тоннеля, ты попытался понять, откуда идет приток воздуха. Но – один неловкий шаг лишил тебя единственного источника света.

Оставшись в полной темноте, ты почувствовал сперва приступ ужаса, который побуждал сорваться с места и броситься бежать наугад, но сумел сдержаться, не потерять разум. Выбрав направление по памяти, ты начал медленно продвигаться вперед вдоль стены, ощупывая ее рельеф, стараясь запомнить все выступы и трещины. Теперь ты шел очень медленно, осторожно ступая, дабы не угодить в провалы, встречающиеся по пути.

Вскоре послышался тихий плеск, и почувствовалось усиление влажности, наполняющей воздух. Через несколько шагов дорогу преградил водный поток, в который пришлось погрузиться по пояс. Ты прошел по скользким камням на его дне, от ледяной воды свело мышцы, каждый шаг давался теперь с великим трудом.

Пытаясь выбраться из потока на другой его стороне, ты оступился и снова упал в воду, больно ударившись о камни, и поранил до крови руки, хватаясь за острые выступы породы. Из груди вырвался сдавленный крик, боль казалась нестерпимой, но ты превозмог ее и, поднявшись на ноги, медленно выбрался на твердь, чтобы продолжить свой путь.

В глазах вспыхнули разноцветные искры; эти призрачные блики поначалу ввели в заблуждение, и ты стал оглядывать-

ся по сторонам, пока не осознал, что всполохи – лишь обман чувств. Меж тем тяжелый воздух вызвал кашель и разливающееся в груди острое жжение, сердце бешено заколотилось.

Ты остановился перевести дыхание, но мириады ярких сполохов полностью застлали твой взор. Попытался нащупать ближайшую стену и понял, что замерзшие, онемевшие руки почти ничего не ощущают. Призрачные образы захватывали твои чувства; теряя силы, ты медленно опустился на каменный пол, понимая, что обратно можешь уже не встать. Вслед за цветными вспышками явились видения, похожие на обрывки снов, наблюдаемых с открытыми глазами. Перед мысленным взором проносились страшные картины смертей и разрушений, свидетелем которых ты был в последние дни.

Угасающим разумом ты понимал, что хотя сейчас все эти ужасы остались снаружи, вернувшись к людям, ты вновь столкнешься с ними. И что ждет тебя в этой охваченной безумными войнами стране? Опять бегство, каждодневная борьба за выживание, тяготы скитаний, унылые дни без покоя и счастья... Воля твоя дрогнула, и на краткое мгновение показалось, что лучше выбрать небытие, отказаться от дальнейшей борьбы – и пусть эти катакомбы станут твоим последним пристанищем.

Но вскоре рой огоньков рассеялся, и ты увидел едва различимое мутно-серое пятно. Только не было ли оно миражом, очередным фантазмом расстроенных чувств? Однако, вопреки сомнениям, вновь затеплилась надежда, и самообладание вернулось к тебе. Не веря в удачу, тем не менее, ты сумел собрать последние силы и, опираясь на каменные выступы, поднялся на ноги. Нетвердым шагом направился к свету и вскоре убедился, что впереди действительно выход. Еще минута, и – дуновение свежего воздуха, которого так не хватало твоим легким.

Пройдя последние шаги в темноте, преодолев завалы и расщелины, ты выбрался из узкого тоннеля и, оказавшись под открытым небом, рухнул на усыпанную истлевшими листьями



землю, принявшись жадно глотать воздух, казавшийся теперь наилучшим из всех жизненных благ.

Наконец ты смог встать. Огляделся вокруг в вечерней мгле и понял, что находишься далеко от города, вне видимости осаждавших его войск, но зато в непосредственной близости от опушки леса, покров которого позволил бы скрыться незамеченным. В стороне крепости мерцало красноватое зарево, к небу поднимались клубы густого черного дыма – значит, многодневная осада, увы, завершилась падением цитадели. Что же сгорало в этом пламени? Дома, городские укрепления?.. Либо то уже пылали костры, поспешно сооруженные для казни нераскаявшихся?.. В любом случае, было очевидно, что всех оставшихся в городе еретиков, не пожелавших отречься от своей веры, ожидает гибель. Сбылись их мрачные пророчества – «злой мир» насилия победил. А хранившим свои души в чистоте «добрым людям» оставалось только ждать возвращения в вечное Царствие. Победители напишут потом историю, и церковники будут хвастаться тем, как искоренили смущавшую людские умы ересь, и рассказывать ужасы о «нечестивых вероотступниках».

...Подняв глаза от земли, в вышине, над угасающим закатом, ты увидел наконец звезды, по которым еще недавно тосковал в подземном мраке. Величественные и холодные, они светили так же, как и всегда, безразличные ко всему творящемуся на Земле.

Повернувшись к лесу, ты решил искать прибежище под его пологом, где можно было бы обрести живительную воду и хоть какую-нибудь пищу. Но... Но, едва шагнув в направлении чащи, вдруг остановился, вспомнив о тех, кто остался в пещере. И – словно молния пронеслась в сознании мысль о том, что ни в коем случае нельзя бросать этих людей. Что даже если не получится переубедить фанатичных искателей «мира иного» задержаться на грешной земле, надо попытаться спасти хотя бы детей, не позволив им остаться в подземной ловушке, обрести смерть, еще не изведав жизни.

И пусть для этого придется проделать тяжелый обратный путь, с иссякающими силами, без света, ища дорогу на ощупь израненными руками и полагаясь на слабеющую память...

Более не колеблясь, ты повернулся к черному зеву пещеры и вновь шагнул в непроглядную тьму...

## ОЗАРЕНИЕ

К вечеру завсегдатаи трактира надеялись потешить себя излюбленным развлечением – в их сумрачные и туманные покои заглянул старый знакомый, отставной служащий, которого в этих кругах звали господин Ковалевич. Он имел обыкновение заказывать дешевую водку и, дойдя до нужной кондиции, начинал разглагольствования. Особенно забавно было слушать его жалобы на то, как коварные враги за границами отчества и внутри него замышляют погубить честной народ и уже немало в этом преуспели.

На сей раз прослывшийся сумасбродом старик явился с незажженным масляным фонарем и поставил его подле себя на стойку. Трактирщик же с облегчением подумал, что клиент образумился и, засидевшись допоздна, решил наконец возвращаться восвояси со светом, а не шататься в потемках, падая в придорожные канавы.

Предвкушая занятные рассказы, хмельная публика начала стекаться к долгожданному посетителю. Двое горожан даже не пожалели свой карточный куш, чтобы угостить старого демагога и привести его в подобающее расположение духа.

Вообще-то, сегодня господин Ковалевич уже выглядел еще более беспокойным, нежели обычно: глаза лихорадочно блестели, зрачки бегали из стороны в сторону, словно он не мог остановить взгляд на чем-то одном. По всему было видно, что ему страшно хочется чем-то поделиться с окружающей публикой, но сомневается, стоит ли. Впрочем, природа этих сомнений компаньонам по возлияниям была хорошо известна – гос-

подин Ковалевич опасался, что в их числе могут оказаться доносчики и шпионы, которые не оценят его искреннюю заботу о родине. Однако хмельное зелье сделало свое дело, и вскоре словесный поток прорвал плотину молчания.

— Послушайте, достопочтенные господа, сегодня мне и правда есть что сказать. Долгие поиски и тягостные раздумья принесли плоды. Я понял, что последние годы блуждал во мраке, тщетно ища ответа на вопрос, кто же виноват во всех бедах, постигающих нашу отчизну. Отчего великое множество наших современников влачат жалкое существование? Почему люди мрут от недугов, погибают во цвете лет, пав жертвами преступников, а страна теряет лучших воинов и тружеников?

Многие, многие разоблачители пытались найти причину, однако впадали в заблуждение. Нам указывали на происки иноземных агентов, на интриги в тенетах царских дворов, но это оказывалось лишь ширмой. Иные обвиняли во всём евреев, возводя на них кровавый навет. Другие же писали о злых кознях масонов — иллиуминатов, розенкрейцеров и иже с ними. Говорили также о сатанинской секте в высших придворных кругах, но... Но и эти пути становились тупиковыми. Господи, сколько же лжи было вброшено в народ для отвода глаз от истинных губителей человечества! Кстати, подозревали в тайном говоре врачей и аптекарей, ибо и тем, и другим не выгодно, чтобы люди жили здоровыми и благополучными. И это было уже ближе к истине, хотя всё равно не то... Лекари — тоже лишь пешки в этой богомерзкой игре, а на самом деле... На самом деле, истоки зла кроются куда глубже...

Тут господин Ковалевич сделал паузу в своем монологе и опрокинул очередную рюмку. Притихшие было слушатели стали торопить его с дальнейшими разъяснениями:

— Так что же, открылась вам наконец истина? Назовёте подлинных злодеев? Откроете их лица?

Господин Ковалевич кивнул и продолжил с явной дрожью в голосе:

– Сегодня ночью, в час тягостных раздумий, я сподобился озарения... Разгадка давно мучившего меня вопроса оказалась удивительна тем, что столько лет лежала на поверхности, но отчего-то до сих пор человеческий разум упускал ее из виду. А она – как ядовитый аспид, притаившийся в траве и незаметный для окружающих...

– Да не томите, господин, скажите же наконец!

Голос оратора окреп.

– Несчастные сыны человеческие, можете ли вы сами, своим умом прийти к разгадке?

– Что вы, что вы, каков у нас ум? Разве сравниться нам с вашей проникательностью!..

– Так внимайте же, говорю я: истинные виновники наших бед, болезней, гибели наших близких – это те, кто собирает жатву на полях смерти. Те, кто богатеют от людских смертей. Но кто же они? А в первую очередь – могильщики и гробовщики. Теперь-то я раскрыл их заговор!

Тишина последних минут взорвалась раскатами хохота.

– Ох и паяц, ох и пустослов! – Разгоряченные выпивкой горожане едва не падали со стульев.

Тем временем отставной служащий продолжал что-то монотонно твердить, но его уже никто не слушал. Только трактирщик услышал обрывки фраз:

–...Пусть доски, из которых мастерят гробы, будут самыми сухими и смолистыми... Пришло время, пробил час расплаты...

С этими словами, господин Ковалевич встал из-за стойки и зажег от свечи свой фонарь. Не обращая внимания на провожавшую его грохотом смеха толпу, он направился к дверям, аккуратно держа перед собой теплящийся в светильнике огонек. Те, кому довелось столкнуться с ним взглядом, готовы были поклясться, что никогда не видели господина Ковалевича в столь торжественном и приподнятом состоянии духа, словно ему предстояло выходить на решающую битву со всем мировым злом...

## **СОФЬЯ САФРОНОВА**

*21 год, студентка факультета романо-германской филологии  
Воронежского государственного университета*

---

### **ОН. ОНА. ОНИ**

...По весне его должны были забрать в армию. Они уже долго встречались. Не жили вместе ни дня. Собирались пожениться. Она никогда не давала поводов для ревности. Он считал её идеальной. Она сомневалась. Хотела быть свободной.

Желания готовить ему не возникало. Убирать что-то в его квартире тоже. Ей вообще там не нравилось. Размышляла о том, чтобы сменить обои. А лучше шторы. Да, шторы. Нынешние её раздражали.

Всё чаще она стала задавать себе вопросы. Странные. Нужен ли он ей? Почему она должна его ждать? Кто он ей? На какие-то ответить было проще. На размышления о других она не находила оправдания. Ей было с ним удобно. Удобно. Всего лишь?

Проводы были пышные. Она даже плакала. Провожала на поезд. Обещала ждать. Решила, что всё-таки дорог. Повесила на стену календарь. Красным маркером закрашивала прошедшие даты. Вступила в группы Вконтакте. К тем, кто тоже ждал своих солдат.

Она практически не выходила из дома. Забросила тусовки. Действительно старалась ждать. Почти сделала это. Даже гордилась собой. Не хватило совсем немного. Триста шестьдесят четыре.

...Их познакомили общие друзья. Сначала разговор не клеился. Они даже забыли друг о друге на какое-то время. Потом вдруг поняли, что чего-то не хватает. Или кого-то. Он заговорил первым. Не пожалел. Она казалась вежливой и образованной. Болтать с ней было легко. Он дарил ей небольшие подарки. Приглашал на мероприятия.

Постепенно количество общих знакомых увеличивалось. Они показывали друг другу фотографии родственников. Она хвалилась достижениями старшего брата. Он рассказывал о младшей сестре. Их музыкальные вкусы были схожи. Тяжело было расстаться даже на минуту. Хотели всегда быть вместе. Думали, что это та любовь, о которой снимают фильмы.

Прошло несколько месяцев. Они даже засыпали и просыпались в одно и то же время. Первым делом говорили друг другу: «Доброе утро». Они считали друг друга самыми лучшими. А потом прятки за смартфонами закончились. Они встретились в реальности.

...Пустая комната. Прозрачный свет от пасмурного неба. Грустно. Она ждала его. Столько всего было. А он... Это ведь не вторая их встреча. Он говорил, что любит. А что в итоге? Впервые не выполняет обещаний. Дурак.

Мечты о счастье и совместно нажитом имуществе больше не занимали её мысли. Разбились на осколки. Совсем как дорогая мамина ваза. Только теперь это не её рук дело. Она просто не могла быть виновата в этот раз. Это всё он.

Играл с её чувствами. А она верила. Дура под стать дураку. Она бросала взгляд на будильник. Секунда за секундой, час за часом. Из принципа не собиралась звонить ему. Тем более писать сообщения. Он этого только и ждёт. Смеётся над ней. Хочет заставить страдать. А она не будет поддаваться. Вот ещё. Она не такая. Думает, что она предсказуема? Как бы не так. Это он был предсказуем. Прекрасно знала, что он был несерьёзным. Сделал из неё девочку на пару ночей.

Звонок в дверь. Восемь вечера, а не восемь утра. А она всё равно обиделась.

...Он был художником. Известным. В картинах которого многие видели необычное. Его собственный неповторимый стиль. Такое сейчас – редкость. Ему не нравилось писать маслом или акрилом. Каждая картина была чёрно-белой. Белый

холст. Чёрная акварель. Критики, смеясь, называли это пародией на тест Роршаха. Только плохой пародией. Потому что часто холсты не оставляли места для фантазии.

Она не была поклонницей современного искусства. Не знала почти никаких художников. Разве что самых известных. Когда её спрашивали о полотнах, могла лишь невнятно улыбаться. Была недостаточно образована в принципе. В какой-то степени даже немного глупа.

Но ходила на каждую выставку своего художника. В самом начале его карьеры в день презентации была единственным зрителем. Да, совсем незаметно, что она влюблена.

Он, не понятый другими, женился на ней почти сразу. Думал, что жизнь наконец-то наладится. Мечтал о совместных детях. Всё-таки годы шли. Она тоже давно не была девочкой-подростком. Прожили вместе неделю. Четвёртый развод на его памяти. Третий по печатям в паспорте. Эта тоже оказалась посредственностью.

Глупая улыбка на серьёзные вопросы достала уже на второй день. Не обременена интеллектом. Не подходит. В искусстве полный ноль. Но она его действительно любила. А он искал не женщину. Искал родственную душу. Только вот сам не понимал, зачем.

...Один справа. Один слева. Сбоку. Тридцать одинаковых кадров. Заранее заученные позы. Ножку вперёд, статичная улыбка. Мнит себя настоящей красавицей. Но вся её модельная внешность – лишь заслуга фильтров в Photoshop.

Сколько их таких? Одинаковых. Тех, чьи лица сливаются в единую плёнку. Тех, кого ни за что не узнаешь на улице. И ни единого видео без «штукатурки», чтобы не было видно, кто это на самом деле. Всего лишь чьи-то клоны. Всюду маски. Настоящий театр, где она – самая настоящая актриса. Как и все те, кто её окружает.

Старая отцовская камера на чердаке. Только двадцать четыре кадра в секунду. И фотоаппарат. На плёнке – счастливые

родители. Как они жили раньше? Привозили с отдыха тридцать шесть, всего тридцать шесть фотографий. Проявляли, а не таращились в экран телефона. Одинаковых фото не было. Разные, настоящие, как и люди на снимках

Долго смотрела на себя в зеркало. Сняла искусственные белые волосы, ресницы, смыла макияж. Слезы стекают по тёмным кругам под глазами, которые она всегда закрашивала. Улыбчивая картинка в инстаграме – совсем другая девушка. Непохожая и совсем чужая.

А кто она такая? Та – в зеркале? Или всё же на фото? Одинокая надломленная девочка или душа компании? Найти внутри что-то живое. Уже тяжело. Невозможно. Потеряна, как и большая часть поколения.

Или?..



## ИВАН ЧЕБОТАРЕВ

20 лет, г. Павловск, проходит срочную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации

---

# КОМА

## Часть I

Будильник нещадно верещал, не давая шансов продолжить досматривать сон. Поспешно выключил это адское устройство. Кто его вообще придумал!

На часах семь утра. Найджел сладко потянулся и нехотя вылез из кровати.

Небольшая комнатка была скудно обставлена: узкий деревянный шкаф в углу возле двери; журнальный столик со стареньким ноутбуком и кучей всяких бумаг и папок; втиснутый по другую сторону потрёпанный диван, одно вполне широкое окно, занавешенное пожелтевшим тюлем; пара полок с книгами на стене и вылинявший ковёр на полу, наверное, такой же древний, как сама квартира.

Пройдя через гостиную, служившую ещё и кухней, Найджел оказался в ванной. Из большого зеркала на него посмотрел двадцатилетний молодой человек с недельной щетиной, густыми чёрными торчащими в разные стороны волосами, карими глазами и тонкими, почти белыми губами. Почистив зубы и умывшись, Найджел наскоро позавтракал – пара бутербродов с маслом и сладкий чай – и начал собираться на работу. Одежда – поношенный коричневый свитер, висящий на худощавой фигуре мешком, потёртые синие джинсы.

Этой зимой снега было немного, и на дорогах царил слякоть, замерзающая лишь ночью и превращающаяся наутро в ледяные бугры под ногами.

Найджел работал бухгалтером в некой мелкой фирме. Работа скучная и однообразная: весь день он сидел за письмен-

ным столом, перебирая и изучая документы, отчёты и прочие бумаги, а платили за это очень небольшие деньги.

Минут двадцать простояв на остановке и так и не дождав-шись автобуса, Найджел пошел пешком. Увы: через полчаса он в очередной раз выслушал гневную тираду начальника по по-воду «бесконечных опозданий» и не подготовленного вовремя отчёта, о котором Найджел, признаться, забыл, за что теперь всячески винил себя. Не успев толком начаться, день явно не задался.

В семь вечера Найджел вышел из здания фирмы и зашагал к автобусной остановке. Уже стемнело, с низкого неба медленно падали белые снежинки, особенно красивые на фоне горящих красным светом фонарей в маленьком неухоженном сквере.

Сзади послышались шаги, и на плечо легла чья-то рука:

– Привет, Найджел! Ты домой?

Это был его приятель Майк.

– Привет. Ну да, на остановку иду, – растерявшись от нео-жиданности пробормотал Найджел.

– Давай подвезу. Мне всё равно в ту же сторону ехать, – предложил Майк.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Найджел.

Они дошли до стоянки. Действительно было тепло, и сне-жинки, падая на землю, тут же таяли.

На их полосе машин было мало. Спидометр показывал 60 км/ч.

– Ну, вообще-то ты как? – не отрывая взгляда от дороги, спросил Майк. Хохотнул: – Странная штука, работаем в одной фирме, а видимся редко!

– Да нормально, пока живой, – улыбнулся в ответ Найджел. – А ты? Ещё не повысили?

– Какое там, – отмахнулся Майк. – Но знаешь, мне, в прин-ципе, и так неплохо.

Впереди показался перекрёсток. Светофор загорелся крас-ным. Майк нажал на тормоз, однако автомобиль неотреаги-ровал. Вцепившись в руль так, что побелели костяшки паль-

цев, Майк с силой надавил на педаль. Протяжный визг колёс по мокрому асфальту, машину занесло набок, и она вылетела на перекресток. Впереди сверкнули фары мчащегося на них микроавтобуса, и в тот же миг от мощного удара Найджела отбросило на лобовое стекло. Жуткий грохот, скрежет металла и звон бьющегося стекла...

## Часть II

Он резко вскочил с постели. Липкий пот градом катился со лба. Нейдж подошёл к крану, вделанному прямо в стену и повернул ручку. Потекла чистая прозрачная вода, и он сунул голову под струю. Холодная, почти ледяная вода мгновенно взбудрила. Посмотрелся в зеркале, в котором отразился красивый молодой человек лет двадцати с недлинными густыми чёрными волосами, карими глазами и тонкими, почти белыми губами. Оказывается, вчера он уснул прямо в кожаных, но впрочем, не тяжелых, хотя достаточно прочных доспехах.

Нейдж вернулся в спальню и снова опустился на кровать. Нахмурился, вспомнив сон. Вздохнул:

– Что за чертовщина?! Какие-то удивительные механизмы, приспособления... Странный мир!..

Покои в его небольшом, но красивом, сложенном из белого камня доме были богато уставлены: огромный, украшенный узорами камин, громоздкая дубовая мебель с резными дверцами, массивный кованый сундук в углу, широкая жесткая кровать и развешанные на стенах мечи, кинжалы и шестопёры.

Такая роскошь неувидительна – Нейдж состоял на службе у самого Короля и командовал маленьким отрядом отборных воинов Ордена, нередко выполнявшим самые сложные поручения повелителя. Вот и сегодня Нейдж должен был отправиться в очередной поход. Где-то на границе с территорией эльфов, в горах, разделявших его королевство Хомир и леса Артрана, был обнаружен опасный магический артефакт, который отряду Нейджа предстояло уничтожить.

Со двора послышалось конское ржание и громкие выкрики людей. Пора. Нейдж накинул на плечи тёмно-бордовый плащ, взял потёртый кожаный дорожный мешок, опоясался коротким мечом в чёрных ножнах и вышел во двор.

Там его ожидали пятеро всадников. Конь Нейджа, уже оседланый, нетерпеливо бил копытом.

В отряде было двое опытных воинов, с которыми Нейдж уже не раз выполнял особые королевские задания, и трое новичков лет восемнадцати, которым впервые предстоял подобный поход.

– Отправляемся? – спросил Амфирон – один из бывалых вояк, с трудом сдерживая на месте строптивого жеребца.

– Надо поторопиться, чтобы выйти из леса дотемна, – проворчал второй ветеран – Кайр.

– Ты прав. – Нейдж легко запрыгнул в седло и повесил сумку на луку. – Вперед!

– Удачи, сэр Нейджилион! – замахала со стены крепости белым платочком миловидная девица, когда главные ворота за маленьким отрядом закрылись.

Двигались с таким расчетом, чтобы к вечеру выбраться из обступавшего город со всех сторон леса.

– Как думаете, много нынче эльфов у гор? – подал голос молодой воин Лиорий.

– Да кто же знает, – пожал плечами Кайр. – Эти твари на всё способны. Помню, как-то пробирались через лес да наткнулись на их шайку. Еле отбились, они ж никогда не убегают, сражаются до конца. На меня один кинулся, с коня свалил. Я тогда его хорошо разглядел: морда тупая, клыкастая, глазки маленькие, смотрят с лютой злобой, уши длинные, острые. А кожа серая, почти синяя. Ручищи сильные, цепкие – еле оторвал от горла. Едва сбросил его с себя, а он, приткий, меч мой выхватил и опять попёр. Хорошо, Нейдж сзади подскочил, а то еще не известно, чем бы всё закончилось...

Через несколько часов пути лес, и без того не сильно густой, начал редеть. Вскоре стало темнеть. Ночь наступала незамет-

но, будто подкрадываясь. Наконец деревья расступились, и дорога резко пошла на подъём.

С вершины холма открылся потрясающий вид. Солнце медленно исчезало на западе за тёмной полоской земли, и что там сейчас происходило, разглядеть было невозможно.

Внезапно Джерион, самый молодой воин, оглянулся и завопил что было мочи:

– Город горит!..

Остальные обернулись – далеко-далеко, со стороны родного города, над макушками деревьев в небо поднимались густые клубы чёрного дыма.

– Возвращаемся!.. – Конь Нейджа рванул с места в галоп, и отряд ринулся обратно в лес. Если до того ехали не спеша, то теперь скакали во весь опор.

Через пару часов выбившиеся из сил кони остановились у стен города. Ворот не было – вместо них зиял огромный пролом. Дальнейшее оказалось еще хуже: и деревянные, и даже каменные дома были охвачены каким-то неестественным, темнее обычного пламенем. Земля же в северном направлении от самых Центральных ворот была испещрена глубокими бороздами, словно здесь проползло нечто огромное и тяжелое.

– Что случилось?.. – пробормотал Кайр.

– Это точно не эльфы, – покачал головой Нейдж.

– А вдруг змей Грал из древних легенд?

– Мы пойдём по бороздам, оставленным этим чудовищем, и догоним его. Но почему в городе не видно ни души?

– Может, все успели спастись? – с надеждой вымолвил безбородый и безусый Орин.

– Хорошо, если так...

Отряд двинулся по следу. Огонь же пылал и пылал на фоне чёрного неба, не затухая и пожирая всё на своём пути, точно некто залил улицы горючей жидкостью.

Ночь окончательно вступила в свои права. В раскинувшейся кругом степи было спокойно и тихо. Маленькими точками сверкали в безоблачной вышине звёзды.

Борозды в земле становились всё мельче, а вскоре и совсем исчезли. Воины остановились в недоумении.

– Устроим привал, – решил Нейдж.

Лошади, да и люди уже просто валились с ног от усталости, поэтому воины обрадовались.

Костёр весело потрескивал, выплёвывая снопы искр в небо. Неподалёку кони мирно пощипывали сочную траву, а люди, постелив плащи прямо на землю, сидели возле огня, попивая из металлических кружек тёмный эль.

Джирион забросил назад выкатившийся из костра раскалённый уголёк и положил голову на согнутые колени. Языки пламени, принимая самые причудливые очертания, приковывали к себе взгляд: вот золотой дракон взметнулся ввысь и растаял на фоне чёрного неба, вот чудесная птица Феникс расправила крылья и – тотчас рассыпалась тучей сверкающих искр, а вот... горящие красным глаза...

Земля содрогнулась, будто от сильного удара, лошади тревожно замерли. И вдруг костёр взорвался, разметав горящие поленья, и принял облик огромного существа на четырёх когтистых лапах, с расстроенным длинным тяжёлым хвостом, острыми шипами вдоль спины, опоясывающим мощную шею чешуйчатым «воротником» и увенчанной кривыми рогами уродливой головой ящера.

Воины отпрянули от огненного чудища и схватились за мечи.

– Это же Огненная Саламандра! – воскликнул Лиорий. – Я думал, их давно не существует!

Тем временем гигантская ящерица перестала «пылать», и теперь по её бурому, как гаснущие древесные угли, телу лишь пробегали красноватые волны, разбрасывая, однако, вокруг себя как снаряды искрящиеся шары.

Кайр побежал к лошадям, чтобы развязать им путы на ногах, а остальные стали пытаться окружить монстра, стараясь, уворачиваясь от шаров, сбить его с толку и по возможности поразить мечом.

Но всё было бесполезно.

– Нейдж! Нейдж!.. Это ненастоящая тварь!.. У нас таких отродясь не водилось!.. – прорычал Амфирон. – Ясно же, её кто-то создал... Ты знаком с магией, что нам делать?..

– Да я лет десять назад всего-то прочёл пару древних книг...

– Ну, тогда у нас нет шансов!

– Я попробую...

Нейджилион увернулся от очередного пылающего шара и, схватив свой походный мешок, отскочил на более-менее безопасное расстояние от чудовища.

– ... Злая магия работает на крови... – бормотал он, вытряхивая содержимое мешка на землю. – Значит, и ритуал Отмены должен работать так же... Где же?.. Где?.. Ага, вот...

Нейдж взял в руки старую тетрадь в ветхом переплёте. Пожелтевший пергамент был исписан убористым мелким почерком; иногда на полях попадались сделанные теми же чернилами, что и записи, рисунки. Наконец Нейдж нашел нужную страницу и стал быстро читать:

– ...разрушить сильное заклятие... заключить в круг... произнести заклинание... – Голос дрогнул. – ... принести кровавую жертву...

Нейджилион вскочил с колен и ринулся к мечущимся вокруг Саламандры товарищам.

– Ну?! – отбивая мечом огненный шар, прохрипел Кайр.

– Я понял, как её остановить... – шепнул Нейдж. – Отвлекайте монстра!

– Легко сказать... – скрипнул зубами Орин.

Нейдж же вдруг побежал вокруг чудовища, очерчивая мечом на земле тонкую линию, а после резко остановился и, сделав шаг назад и поднеся к глазам тетрадь, стал читать заклинание. И внезапно...

И неожиданно поверхность очерченного круга засветилась. Сначала неярким голубым светом. Потом цвет сменился на ярко-красный, и воины испуганно бросились врассыпную.

Чудище хотело последовать за ними, но движения его почему-то замедлились, и – оно точно упёрлось зубастой мордой в невидимую стену.

Осознав, что не может пересечь границу круга, Саламандра издала оглушительный рёв. Нейдж же, произнеся скороговоркой последние слова заклинания, выхватил из ножен острый кинжал и... ступил в магический круг...

В тот же миг всё вспыхнуло золотым светом, отделяя Нейджилиона и гигантского ящера от остального мира. Саламандра застыла, словно каменное изваяние, но в глазах его горела неукротимая ярость и жажда убивать. Нейдж подскочил ближе, полоснул лезвием по ладони, на которой тут же выступили крупные капли крови, и приложил её к чёрной чешуе обездвиженной твари. Затем, не отрывая окровавленную левую ладонь от чешуи, занёс правую руку с кинжалом над своей грудью. Руки дрожали от страха, ноги подкашивались, к горлу подступил горький комок...

Но это был единственный шанс остановить погубившего город монстра. Внезапно Нейдж вспомнил сон. Хоть бы и происходящее сейчас оказалось сном!..

Пальцы крепко сжали рукоять кинжала, и удар клинка в сердце был неумолимо точен...

### Часть III

Яркий холодный свет ударил в глаза. Он прикрыл их рукой. Что-то твёрдое сбоку и сверху стесняло движения. Тело ужасно болело, словно его от души отпинали или закинули в стиральную машину и прокрутили там пару минут. Наконец удалось открыть глаза.

Через запотевшее стекло криокапсулы виднелось чёрное небо, усыпанное мириадами маленьких точек-звёзд. Правда, обзору мешали только рваные края пролома в крыше, обломки арматуры и куски обшивки космического корабля.

«...Что?! Пролом?..»



Ньюджин упёрся руками в стеклянную крышку капсулы и открыл её. Тяжёлый, пыльный ледяной воздух хлынул в лёгкие. Ньюджин закашлялся и опёрся о борт криокапсулы.

Кругом царил жуткий хаос: обломки камней, искорёженный металл и горы мусора. Рядом стояло ещё несколько капсул; все они были разбиты. Внутри мёртвые тела.

В проломе наверху медленно появилось огромное светило, излучающее ослепительный холодный свет. С высоких округлых стен свисали обрывки проводов и куски труб.

Ньюджин, пошатываясь, прошёл к овальной двери в противоположном конце помещения. Лампочка над ней горела красным. Астронавт повернул ручку, и дверь плавно отъехала. За ней – тёмный длинный и узкий проход. В глубине вместо другой двери светлым пятном зияла дыра в стене. Через этот пролом Ньюджин пробрался в соседнее помещение.

Оно было громадным. В трёх углах – полупрозрачные стеклянные перегородки. Одна полностью разбита, две другие почти целые. Раньше это были рабочие помещения, вроде офисов, а теперь везде искореженная мебель, осколки посуды. От барной стойки у правой стены почти ничего не осталось. На её месте ещё больший пролом, и всё усыпано камнями вперемешку с землёй.

Следом была просторная кабина пилота, уставленная аппаратурой и компьютерами. Здесь никого, да это и не удивительно – корабль автопилотируемый. И тут полный разгром, а часть стены вообще отсутствовала.

Горело красное аварийное освещение. Ньюджин посмотрел на свисающую с потолка зеркальную панель и увидел своё отражение: красивый молодой человек лет двадцати с чёрными короткими волосами, карими глазами, тонкими губами, но какой-то неестественно покрасневшей, будто от раздражения, кожей.

Первой мыслью было – послать сигнал бедствия, но вся аппаратура разбита и уничтожена. У одной из стен стояло несколько технологичных «умных» скафандров. Ньюджин, не-

долго думая, натянул тот, что был на вид поцелее, и активировал его...

Система работала. На голографическом экране прямо перед глазами появилась светящаяся красным модель тела человека. Компьютер явно показывал повышенный уровень радиации в организме. Мгновенно запустился процесс регенерации, и Ньюджина обдало тёплым сухим воздухом вместе с, видимо, лечебной пылью. В плечо вонзилась тонкая игла и что-то впрыснула. Резкий укол, но уже спустя мгновенье боль притупилась и наступило облегчение.

Через пролом в стене Ньюджин выбрался наружу. Какая-то планета... Почва с тёмно-оранжевым оттенком усыпана неглубокими кратерами – следами от упавших когда-то на планету метеоритов. Похоже, из-за них корабль и получил серьёзные повреждения при посадке. А ещё то здесь, то там возвышались обрывистые утёсы и валуны.

– Анализ атмосферы! – подал команду Ньюджин, и перед глазами замелькали всевозможные графики и математические операции, вскоре сменившиеся лаконичным текстом:

«Атмосфера планеты содержит незначительный процент кислорода, высокий процент вулканической пыли, серы и прочих токсичных компонентов. Уровень радиации повышен. Атмосфера опасна для организма. Рекомендуются вернуться на корабль, так как запас воздуха в скафандре ограничен».

Ньюджин тяжело вздохнул. Похоже, отсюда не выбраться: кабина управления разрушена, аппаратура неисправна, другие скафандры, похоже, костюмы также повреждены... Он почти в отчаянии опустился на ближайший валун.

И что теперь делать? Знаний для ремонта хоть какого-нибудь оборудования у него не было, да и вряд ли там уже возможно что-то починить. Воздуха в костюме оставалось лишь на несколько часов, укрываться на корабле просто глупо – весь он был буквально изрешечён обломками метеоритов. Конечно, в атмосфере, хоть его и немного, но всё же есть кислород, однако радиация сделает своё дело. Надеяться на помощь

нет смысла – это просто невозможно. Сигнал о бедствии при крушении наверняка был отправлен, но кто знает, когда он достигнет ближайшей космической станции и как скоро прилетят спасатели, ведь не исключено, что корабль разбился во многих десятках световых лет от ближайшего узла связи, и не известно, сколько времени он провёл в коме...

Кома... В голове возникли странные картины: город, по которому разгуливают вооружённые мечами и алебардами воины; высокие каменные стены; девушка, размахивающая белым платочком; он сам, облачённый в красивые кожаные доспехи и скачущий со своим отрядом по улицам уже пылающего города; огромный ящер, разбрасывающий смертоносные огненные шары; кинжал в... его?.. Ньюджина?.. дрожащей руке...

Но ведь было среди этих удивительных видений и другое. Он, скромный клерк в какой-то мелкой компании, едет с товарищем после окончания очередного скучного, нудного рабочего дня домой и попадает в страшную аварию. Видение обрывается, и...

И – что? Что всё это было?! Непонятные фантазии, разыгравшиеся во время анабиоза, или... Или нечто другое?..

...Бред! До сей поры никому не ведомо, что происходит с человеческим мозгом в состоянии анабиоза, и как к этому относиться...

А в чёрном небе разворачивалось меж тем величественное представление: звёзды, словно их случайно кто-то рассыпал, маленькими точками сияли где-то далеко-далеко. И на этом грандиозном фоне, не менее впечатляюще, навстречу друг другу не спеша величаво плыли две огромные планеты. За ними сияло ещё больших размеров золотистое солнце, излучая ослепительно-яркий свет. Это чужое солнце медленно исчезало за планетами, постепенно превращаясь в сверкающее огненное кольцо.

Ньюджин смотрел в небо и с грустью думал о том, насколько хрупка, непостоянна и переменчива человеческая жизнь, которая, в общем-то, не такая уж и длинная. Она способна

легко изменить направление своего течения от единственного слабого дуновения ветерка...

А как часто может веять этот «ветер перемен»? Да абсолютно по-разному. Кого-то он посещает столь редко, что может стать масштабным событием и затронуть судьбы многих других, а для кого-то он – обыденность, которую даже уже и не замечаешь.

Сейчас его жизнь держится на очень тонком волоске, который вот-вот оборвётся и всё закончится. А может, и нет. Говорят, после смерти существует другое бытие. Но это лишь домыслы. Стоит ли им верить? А наверно, стоит. Без веры сложно жить. Как можно жить, когда ни во что не веришь, а цели перед собой ставишь заоблачные, недостижимые (если вообще ставишь) – так, ради забавы?

Но ведь и Ньюджин теперь жил лишь надеждой. Надеждой на то, что придёт спасение. И пускай, пускай она была слабой и туманной, но главное – о н а б ы л а!..

...Он сполз на землю и опёрся спиной о камень. Воздуха в скафандре осталось совсем немного. Ньюджин стащил с головы шлем, и тяжёлая, холодная атмосфера чужой планеты мгновенно хлынула в лёгкие.

Однако в этот раз Ньюджин даже не закашлялся. Надежда медленно таяла, и её место заполняла мягкая, приветливая тьма. Глаза закрылись сами собой. В голове таяли мысли, а впереди замаячила лишь тягучая, но лёгкая-лёгкая бесконечность в образе маленьких мигающих точек-звёзд.

Вот бы всё это оказалось только сном...

## СОДЕРЖАНИЕ

---

<b>От составителей</b> .....	3
<b>ПОЭЗИЯ</b>	
Юлия БОГДАНОВА .....	6
<i>Как это важно – свой дом любить</i>	
Ольга БУЛАХТИНА .....	7
<i>«В вечерний час вдвоём с сестрой...»</i>	
<i>«Я, как праздника, жду снегопада...»</i>	
<i>«Осень листья на волю отпустит...»</i>	
<i>«Горько девочка плакала вечером звёздным...»</i>	
<i>«Что же, прочь! Не поднять даже взгляда!...»</i>	
<i>«Фольклорные практики. Милые годы...»</i>	
<i>«Там, где горькие травы пьянят непокорные души...»</i>	
<i>«Встреча с собой через целую жизнь...»</i>	
Виктория БУШМАНОВА .....	12
<i>Ромашковый луг</i>	
Дарья ВТОРНИКОВА .....	14
<i>«Были у меня друзья...»</i>	
Надежда ГЛУЩЕНКО .....	15
<i>Осень</i>	
<i>Ребят не трогает война</i>	
<i>«Красивей, чем Любовь Орлова...»</i>	
Анастасия ЕРМИЛОВА .....	17
<i>Осознание</i>	
<i>«Когда вокруг умолкнут голоса...»</i>	
Евгения ЗАЙЦЕВА (КИРИЧЕНКО) .....	19
<i>«Всё помнит живая память...»</i>	
<i>Письмо без обратного адреса</i>	
Анастасия КАРТАВЦЕВА .....	21
<i>Санта</i>	
<i>«Выплыть – выплыву. Деться некуда...»</i>	
<i>Грачи прилетели</i>	

Дарья КНЯЗЕВА .....	25
«Так медом недозрелый чернослив...»	
Савелий КОСТРИКИН .....	26
Определения зимы	
Над могилами ушедших	
Посвящение Юрию Кузнецову	
Владимир СЕРГАЧЕВ .....	29
«В эти сутки завершился век...»	
Елена СОЛОВЬЁВА .....	30
«Серебрится туман над городом...»	
«Щемящим одиночеством дыша...»	
Надежда ТРЕТЬЯКОВА .....	32
«Как пахнет снег истомой февраля...»	
«Смотреть в окно, прикинувшись невестой...»	
«Из печали, из печали...»	
«У Шелли сегодня в последний раз...»	
«Неоспоримы прошлого устои...»	
«К полувеку полувеков...»	
«Так пахнут липы! Детством безвозвратным...»	
Яна ЦЫГАНКОВА .....	36
«Не боли у кошечки, не боли...»	
«Снегу хочется в отпуск...»	
«Квинтэссенция района: гнетущая многоэтажка...»	
Антон ШАМРАЕВ .....	40
«Это раньше стучал, успокаивая и дрожа...»	
«а зачем фонари и вообще визуальный ряд...»	
«Нет, не звучит. И не хватает слога...»	
«И только пепел – пепел воронья...»	
Валерия ШАХОВА .....	41
Кто не отталкивал напрасно	
Если б знали пустоту вы наперёд	
Елена ШИЛОВА .....	43
Последний маяк	

## ПРОЗА

Андрей АВРАМЕНКОВ .....	46
Пандемия	
Екатерина БАШКАТОВА .....	59
Отголосок Великой Отечественной	
Ольга БОРИСОВА .....	62
Союз алых галстуков	
Евгений ГНЕЗДИЛОВ .....	66
Милашка	
Анастасия КАРТАВЦЕВА .....	114
Зая (Глава из романа)	
Дарья КНЯЗЕВА .....	121
Смотри моими глазами	
Анна КОВАЛЕВА .....	150
Голубь	
Елизавета ЛОСКУТОВА .....	153
Сказочный пес	
Остановить мгновение	
Лампа	
Ты слышишь?	
Илья НОВОКЩЕНОВ .....	164
Трек третий. «Together we stand, divided we fall»	
Эльвира ПАРХОЦ .....	175
Заря над полем. (Этнографический постапокалипсис)	
Станислав РЖЕВСКИЙ .....	193
В мире чуждого бога	
Озарение	
Софья САФРОНОВА .....	205
Он. Она. Они	
Иван ЧЕБОТАРЕВ .....	209
Кома	

# **СМОТРИ МОИМИ ГЛАЗАМИ**

*Сборник произведений участников  
Воронежского областного совещания  
молодых литераторов 2022 года*

*На обложке  
использовано граффити*



Подписано в печать 21.11.2022 г.  
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02.  
Заказ № 1477. Тираж 250 экз.

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография –  
издательство им. Е.А. Болховитинова»  
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73 а.